

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

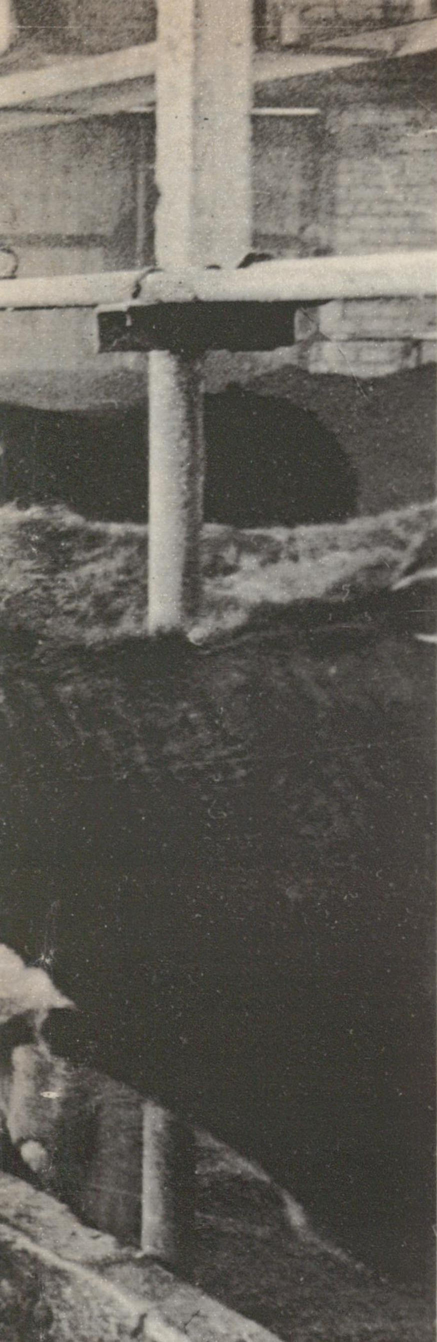
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1983

Ребята работают доярами.

ЗИМНИЕ ХЛОПОТЫ Ф

Так подвозят корма к фермам.

ЕРМЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (2902)

26 ФЕВРАЛЯ 1983

СТРОКА ИЗ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

А. ПОПОВ,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Летом молоко пахнет травами. Помню об этом с детства. Зимой — силосом. Такую подробность установил недавно на центральной ферме ярославского колхоза «Мир». Спрашивается, почему?

— Известно почему,— смеется немудреной загадке доярка Нина Васильевна Поздеева.— Молоко у коровы на языке. С сеном нынче небогато, зато с силосом хорошо. Даем вволю.

Сена в колхозе действительно заготовили меньше, чем требуется. Его экономят, дают только телятам, а коровам — после отела. Но —

Операторы машинного доения Светлана Завьялова и Марина Жигалова — вчерашние школьницы.

Во время переговоров. Телефото В. Будана (ТАСС)

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

21 февраля из Москвы в Афины по приглашению греческого правительства с официальным визитом отбыл член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов.

В афинском аэропорту Н. А. Тихонова встречали: Премьер-Министр Греческой Республики А. Папандреу, председатель парламента И. Алеврас, министр иностранных дел И. Хараламбопулос, другие официальные лица. Среди встречавших был посол СССР в Греции В. Ф. Кабошкин.

В этот же день в Афинах начались переговоры Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с Премьер-Министром Греции А. Папандреу.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной обстановке, в духе взаимопонимания, были рассмотрены вопросы состояния и дальнейшего углубления двусторонних отношений между Советским Союзом и Грецией, актуальные проблемы современного международного положения.

В результате переговоров подписана долгосрочная программа развития экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между СССР и Грецией. Документ подписали Н. А. Тихонов и А. Папандреу.

По итогам переговоров принято коммюнике.

22 февраля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов встретился с Генеральным секретарем ЦК Компартии Греции Х. Флоракисом.

На встрече, проходившей в сердечной, товарищеской обстановке, характеризующей братские отношения между обеими партиями, состоялся обмен информацией о деятельности КПСС и КПГ. Обсуждались также вопросы разностороннего советско-греческого сотрудничества и актуальные проблемы современного международного положения.

много силоса да плюс солома, комбикорм, хвойные добавки. Так что на фермах ныне не в пример прошлому году, когда за кормами ездили в Литву. От месяца к месяцу здесь растут надои. Сейчас молока получают вдвое больше, чем прошлой зимой.

— Считаем, что это прежде всего прямое следствие сытой зимовки,— рассуждает председатель колхоза Анаид Георгиевна Лебедева.— Но вот что еще хочу подчеркнуть особо,— на фермах стало больше порядка. Только такой пример: за первое полугодие прошлого года мы насчитали сто пятьдесят прогулов, а с августа по сегодняшний день — ни одного.

— Почему перемены начались с августа?

Лебедева улыбнулась:

— В конце лета на центральную ферму пришло хорошее пополнение. Целый выпускной класс из райцентра. Ребята оказались кстати! В животноводстве у нас с кадрами туго. Прошлой зимой дело дошло до того, что коров доить ходили главные специалисты по очереди. А тут сразу двадцать восемь молодых парней и девчат. Мы дали им коровник. Ребята взялись за дело горячо, даром что горожане. За несколько месяцев они обошли по молоку соседей, где работают опытные, старые доярки. Строгая дисциплина, четкое соблюдение зоотехнических правил и норм позволили сделать им такой рывок. Наши прогульщики и пьянчужки приутихли. С приходом молодежи у них был выбит главный их козырь — якобы незаменимы... А они тем козырем ловко пользовались. Чуть что не по ним, сразу на дыбки: «Уйду! А вы тут повертитесь, еще придете поклонитесь». Приходилось отступать. Сейчас отступают они... А что касается добросовестных работников, то и их задело: «Девчонки обошли!» Поэтому стали относиться к обязанностям строже, больше прислушиваться к специалистам. Поняли, что время, когда работали на глазок, больше полагаясь на опыт, отошло. Вот сейчас раздача кормов идет строго по норме, с весов: лишнего корове не надо, лишнее она в навоз втоптчет. Мы и раньше пробовали весовые нормы внедрить, да куда там! Каждый старался побольше схватить и по своим кормушкам распихать. И был двойной вред: порядка никакого и много добра даром пропадало. На молодежной ферме все сразу стало по правилам. Вот это все да плюс обеспеченность кормами и привело к тому, что у нас в хозяйстве стало прибавляться молока. Хотя до высоких результатов еще далеко-далеко, пока пять-шесть литров от коровы в сутки получаем... А так хочется рвануться вперед! Да, увы, собственные грехи не пускают. А от некоторых помощников прону никакого, только вредят...

— Вы имеете в виду шефов?

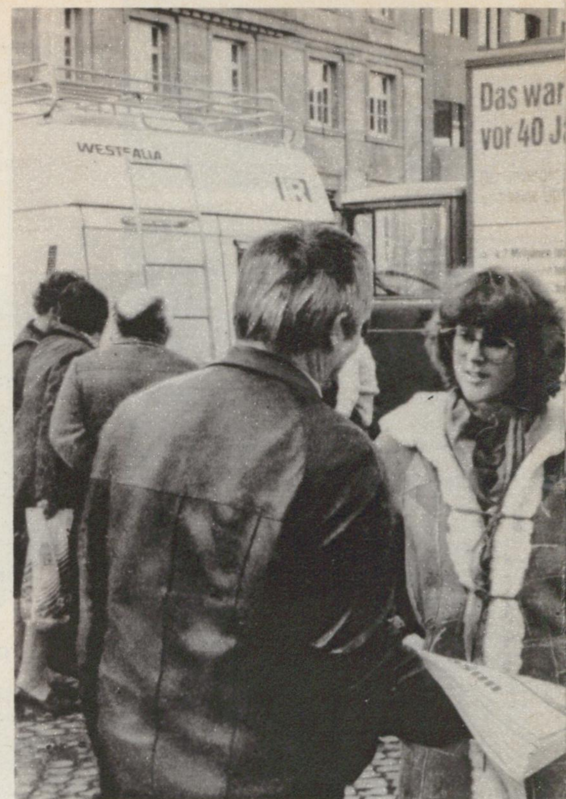
— Да. Та же солома, которую мы даем наполовину мороженой, если ее измельчить, запарить да перемешать с минеральными добавками, прибавит еще верных два-три литра. Но зимовка в разгаре, а о кормоцехе мы только мечтаем. Хотя наши шефы — ярославский завод «Пролетарская свобода» — принялись за его строительство и по договору должны были пустить в октябре. Ведь еще в конце восемьдесят первого они взяли на себя обязательство построить кормоцех, но сразу же отказались возводить коробку. Ладно, колхоз нанял строителей. Хозяйственным способом поставили стены. Слово за вами, уважаемые горожане, завозите оборудование, монтируйте. Шефы опять в кусты. По каким-то своим каналам нашли нам монтажников аж в ростовском участке треста «Сельхозмонтаж». Передали им чертежи, а с ними, похоже, и договорные обязательства. Ростовская бригада проковырялась лето, осень. С грехом пополам основные агрегаты установила. Но дальше этого дело не пошло. Видно, что-то у них разладилось в отношениях с заводом «Пролетарская свобода» и, как следствие, с нами. Поторопить их практически невозможно, они сидят в соседнем районе. Таскать их сюда каждый день на аркане сил моих больше нет. Остается апеллировать к шефам? На днях звоню, когда же, мол, доводить до ума кормоцех будете? А мне в ответ: «Кому он больше нужен? Вам? Вот и шевелитесь». Такая обида взяла! Зачем, думаю, тогда брались? Зачем столько времени за нос водили? Своими бы силами управились. А теперь, когда заказано нестандартное оборудование, когда все начато чужими руками, с колхозными мастерами лучше не лезть, только все окончательно загубишь.

После разговора с председателем я побывал в кормоцехе. День выдался солнечный, ясный, и уже издали по раскрытым дверям становилось понятно, что внутри помещения люди. Точно. Рядом с машинами с озабоченным видом стояли четверо. Представились: группа наладчиков с завода «Пролетарская свобода». Неужели совесть у шефов пробудилась? И скоро заработают на радость колхозу запарники, смесители, дробилки?

— Ничего не выйдет тут,— сказал, внимательно оглядев все агрегаты, старший. Как выяснилось позже, это был заместитель начальника ремонтного цеха Геннадий Николаевич Мартынов.— Мы не компетентны в этом оборудовании, а чертежей нет. А где они, не знаем. Конечно, мы можем работу делать,— попытался поправиться он после неловкой паузы,— но что конкретно получится — не ведаем.

Может быть, более конкретно суть дела представляют руководители завода? Иначе зачем же тогда посылать людей на работу, заведомо зная, что они с ней не справятся? Отписки ради? Но молока от этого не прибавится. Коровы еще пока не научились есть бумагу.

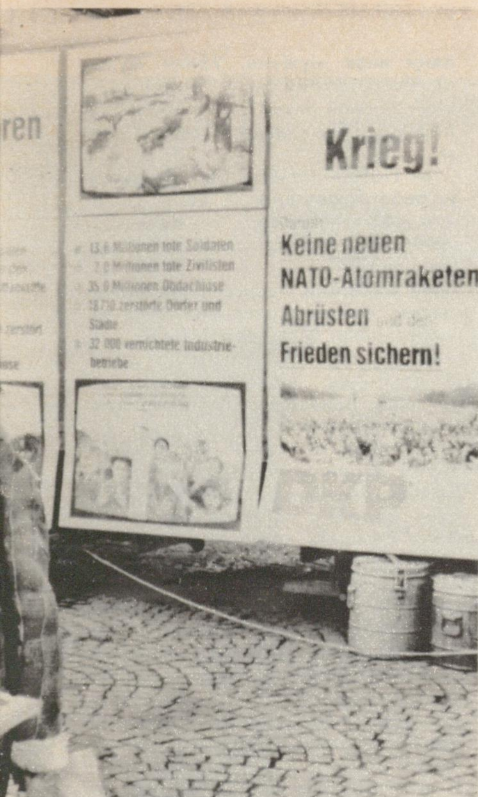
Гаврилов-Ямский район, Ярославская область.

Миролюбивая общественность многих стран Западной Европы призывает дать решительный отпор планам размещения на континенте новых американских ракет средней дальности.

ПЕНТАГ

Распространитель газеты западногерманских коммунистов «Унзере цайт» у плаката ГКП, требующего «Никогда больше не быть войне!»

Антивоенный митинг в Риме.

Фото ТАСС

Дм. ВОЛКОГОНОВ,
генерал-лейтенант,
доктор философских наук,
профессор

Мировая общественность с большим интересом встретила новые предложения, которые внес Советский Союз на ведущихся в Вене переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Этот конструктивный шаг предпринят от имени ГДР, ПНР, СССР и ЧССР, то есть всех социалистических государств—прямых участников венского форума. Эти предложения базируются на согласованной линии, определенной пражским совещанием Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. Участники совещания в Праге заявили, что они считают «ключевой задачей не допустить развертывания в Европе нового цикла гонки ядерных вооружений, добиться их сокращения и ограничения». Были вновь подтверждены предложения оставить в Европейской части СССР лишь такое количество ракет, каким обладают Англия и Франция, при условии, если США откажутся от развертывания своих ракет в Европе. Безусловно, такой подход резко ослабил бы напряженность в Европе, создал предпосылки для дальнейших шагов в области военной разрядки. Многие прогрессивные государственные и общественные деятели планеты с удовлетворением встретили эти предложения. Но только не «ястребы» в Вашингтоне. Почему? Да потому, что это идет вразрез с их курсом на достижение односторонних военных преимуществ над СССР.

Прошло уже более трех лет со времени принятия на сессии совета НАТО американского решения о размещении в Западной Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности. Согласно этому плану, на территории ФРГ, Англии, Италии, Бельгии и Голландии должны быть развернуты 108 баллистических ракет «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты наземного базирования. Эти ракеты, оснащенные ядерными зарядами и обладающие значительным радиусом действия, смогли бы наносить удары по объектам в Советском Союзе вплоть до Урала.

Зачем американцам понадобились новые 572 ракеты в Западной Европе? Ведь НАТО уже имеет здесь 986 носителей ядерного оружия (включая ракеты, бомбардировщики), а Советский Союз — 975 аналогичных единиц. Другими словами, на момент натовского решения о «довооружении», как и на сегодняшний день, в Европе существовал и существует примерный паритет в ракетно-ядерных потенциалах двух противостоящих сторон.

Президент Рейган, как и его окружение, стремясь погасить волну «антиракетного» движения на европейском континенте и умышленно деформируя истину, в своих выступлениях, интервью, заявлениях продолжает утверждать, что «СССР имеет в Европе подавляющее превосходство над НАТО в ракетно-ядерных средствах, выражающееся соотношением 6 : 1». Американские деятели, приводя эти фантастические данные, совершенно произвольно исключили из натовского арсенала все американские самолеты передового базирования (носители ядерного оружия), а также около 300 ракет и бомбардировщиков Англии и Франции. Но ведь они нацелены не на Вашингтон или Бонн, а, ясное дело, на Советский Союз. Согласно этой откровенно милитаристской логике, НАТО в Европе просто безоружна.

Однако подобные утверждения, даже если они выпархивают из уст самых высокопоставленных деятелей, рассчитаны на простаков или совершенно дезинформированных людей. Примерный баланс ракетно-ядерных сил на сегодняшний день в Европе существует. Кстати, еще год-два назад это признавали и многие высокие государственные деятели стран Европы, которые предпочитают сегодня высказывать иные суждения. Однако от появления «новых» суждений паритет нарушиться не мог.

Представьте себе, что произошло бы, если натовцы к имеющейся тысяче средств ядерных носителей «добавили» бы еще 572 ракеты? НАТО получила бы более чем полуторное превосходство над СССР в носителях. Если учесть, что уже и сегодня НАТО в Европе обладает некоторым преимуществом в количестве ядерных боезарядов, то нетрудно представить, сколь внушительным стало бы превосходство США и их союзников. Баланс стратегических средств двух сторон был бы опрокинут.

Кроме того, следует иметь в виду, что все американские ракеты, которые натовцы готовятся разместить в Западной Европе, по отношению к Советскому Союзу являются стратегическим оружием. Другими словами, в случае размещения «Першингов» и крылатых ракет нарушился бы паритет ядерных средств не только на континенте, но и в целом в пользу НАТО и США.

Но и это не все. В свое время сессия НАТО приняла «двойное решение». Смысл его заключается вот в чем. Чтобы притупить бдительность народов Европы, было заявлено, что натовцы будут стремиться путем переговоров с СССР решить «ракетную проблему». Мол, если СССР согласится на наши предложения, то американцы свои ракеты в Европу не привезут. Но на переговорах в Женеве были выдвинуты заведомо неприемлемые условия, равносильные одностороннему разоружению СССР. На это и рассчитывали в Пентагоне: «Смотрите, русские несговорчивы! Нам ничего, мол, не остается, как размещать ракеты в Европе». Даже срок установили, похожий на ультиматум: если к концу года (1983) мы не пойдем на уступки — ракеты начнут размещать! Но с нами таким языком разговаривать бесполезно. Своей безопасностью мы не поступимся.

Почему американцы так настаивают на размещении своих ракет в Европе? Почему они так бесцеремонно давят на своих союзников? А дело вот в чем.

В Вашингтоне понимают, что если они нанесут ядерный удар по Советскому Союзу, то, естественно, получат удар ответный. И вот тут-то у планировщиков из Пентагона и появился соблазн попытаться ограничить войну лишь Европой. А ей, Европе, отводится лишь роль стартовой площадки, плацдарма агрессии и еще больше — роль заложника... Что станет с Европой в случае ядерной войны, они предпочитают публично не говорить. Но это должно быть всем ясно.

Что можно сказать по поводу этой американской концепции?

То, что это концепция безрассудства, очевидно. В Политической Декларации государств — участников Варшавского Договора прямо говорится, что ядерная война привела бы к катастрофическим последствиям для цивилизации и, конечно, в ней непременно сгорит агрессор. Ставка на достижение победы в ядерной войне, рассуждения о допустимости «ограниченной» ядерной войны в Европе чрезвычайно опасны для дела мира. Но на них в Пентагоне ставят. Руководители военного ведомства США продолжают составлять свои «сценарии» и «модели» ядерной войны, согласно которым они планируют нанесение «первого обезоруживающего ядерного удара». В стратегическом мышлении деятелей из Пентагона существует навязчивая, маниакальная идея: мол, если они будут иметь в 2—3 раза больше, чем СССР, ядерного оружия, то тем самым получат право диктовать ему свои условия, угрожая возможностью одержать над ним военную победу.

Однако накопление оружия сверх определенного предела перестает играть очевидное военное значение, поскольку жизнь на европейском континенте, как и на планете в целом, можно уничтожить только раз, а не дважды и не трижды. Если агрессор попытается уничтожить противника с помощью ядерного оружия, то он сам так же беззащитен перед ответным ударом. Таким образом, безопасность заключается в другом: в с п о с о б н о с т и предотвратить ядерный катаклизм, поставить надежные барьеры на пути гонки вооружений.

ОН И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Предложения, изложенные высшими руководителями социалистических стран — участниц Варшавского Договора, восприняты широкой общественностью как новое проявление доброй воли, как искреннее стремление к сохранению разрядки, утверждению на практике мирного сосуществования. Даже вдохновители гонки вооружений были вынуждены говорить, что «предложения следует тщательно изучить». Разве не ясно, что конференции, переговоры в тысячи, миллионы раз дешевле, чем очередное приращивание к военным арсеналам? А главное, они сохраняют надежду достичь прогресса в деле воздвижения баррикад на пути колесницы войны.

Однако сегодняшние воинственные выступления американских государственных и военных деятелей, их практические шаги говорят о другом. Продолжает расти военный бюджет США: в нынешнем году на чудовищный алтарь гонки вооружений брошено 263 миллиарда долларов. По существу, сейчас он похож на высоченный шпиль, возвышающийся над плоской равниной социальных программ и напоминающий людям о серьезной военной опасности, исходящей ныне от военщины США. В мире не прекращается топание американских военных башмаков: создаются новые военные базы, отрабатывается взаимодействие частей сил быстрого развертывания, проводятся провокационные учения глобального масштаба всей американской триады стратегических сил.

Сегодня в этой глобальной милитаристской подготовке особое место уделяется Западной Европе — одной из важнейших колыбелей мировой цивилизации. В стратегических планах военщины из Пентагона натовским странам на европейском континенте фактически уготована весьма незавидная роль ядерного заложника Соединенных Штатов. И весь этот милитаристский набат, все новые и новые натовские решения о необходимости создания еще более совершенных ракет, подводных лодок, сверхсовременных бомбардировщиков, космического оружия, крылатых ракет прикрываются все тем же идеологическим камуфляжем—разговорами о пресловутой «советской военной угрозе»... Именно она, эта мифическая «угроза»,— главный аргумент военщины из Пентагона, НАТО, оправдывающей свой опасный курс на ядерную конфронтацию. Как тут не вспомнить исключительно меткого замечания В. И. Ленина по адресу тех, кто кричит о «красном милитаризме»! Он говорил, что это просто «политические мошенники», которые делают вид, что в эту глупость верят. Опасно, очень опасно, когда «политические мошенники» не просто говорят глупости, но управляют огромной военной машиной. А она продолжает работать.

В своем интервью западногерманской программе АРД генеральный секретарь НАТО Й. Лунс вновь заявил, что «подготовка к размещению американских ракет будет неуклонно продолжаться». Его, как видно, устраивает роль Западной Европы в качестве атомного громоотвода Пентагона. Но едва ли она устроит миллионы людей на старом континенте.

АПН — специально для «Огонька»

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор советского телевидения на Ближнем Востоке

Фото автора

Нет оправдания...

Когда известие о массовой резне беззащитных жителей лагерей беженцев Сабра-Шатила в сентябре 1982 года потрясло весь мир, было создано множество комиссий по расследованию этого кошмарного преступления. Возмущение международной общественности оказалось столь велико, проклятия и презрение народов земли полились на Израиль таким потоком, что комиссия по расследованию «инцидента» в Сабре-Шатиле начала работать и в самом Израиле. Получая материалы, что называется, из первых рук, комиссия под председательством судьи Кагана работала не торопясь. Шли месяцы, и люди забыли о ее существовании. Но вот 8 февраля комиссия Кагана наконец опубликовала свои выводы и рекомендации. Сущность заключительного опубликованного документа (есть и неопубликованный секретный документ только для сведения израильского руководства) сводится к следующему: израильская армия к резне в бейрутских лагерях беженцев не имеет отношения, а государственное и военное руководство Израиля просто проявило в этом деле некоторую халатность, за что подвергнуто... критике. Комиссия рекомендовала военному министру Ариэлу Шарону уйти в отставку, что он в конце концов сделал. Сионистская пропаганда, горячо поддержанная некоторыми американскими газетами, подняла крик о «новой победе израильской демократии», о новом «проявлении благородства» сионистских лидеров, о новом примере «исключительности Израиля».

Правда, при всех этих «демократии», «благородстве» и «исключительности» в израильском обществе произошел раскол на сторонников и противников генерала Шарона, вылившийся в обмен бранью, грубыми угрозами и даже оскорблениями действием. А 10 февраля дело дошло до того, что в демонстрацию сторонников движения «Мир — сегодня!» воинствующие сионисты швырнули ручную гранату. Один человек (офицер запаса) убит, тринадцать демонстрантов ранены осколками...

Вместе с заведующим нашим корреспондентским пунктом Леонидом Рассадиным мы стоим в Сабре-Шатиле у небольшого пустыря, поросшего зеленой травой. Когда мы были здесь четыре месяца назад, земля еще хранила следы бульдозеров, вырывавших своими ковшами яму, сгребавших туда трупы детей, женщин, стариков, засыпавших братскую могилу ровным слоем земли. А на другой день чьи-то смелые руки водрузили над огромной могилой национальный флаг Палестины.

Время слушать новости, и Рассадин включает карманный радиоприемник. Среди потока радиоинформации прорывается голос израильского диктора: «Комиссия Кагана доказала, что не наши солдаты, а фалангисты резали и расстреливали в лагерях беженцев...»

К нам подходит пожилая женщина, останавливается рядом, молча смотрит на братскую могилу полными слез глазами. Мы спрашиваем ее, почему, когда здесь началось повальное убийство, люди не бежали из лагеря.

— Это было невозможно. Израильтяне окружили нас плотным кольцом танков, бронетранспортеров и солдат с автоматами в руках. Некуда было деваться. Я выжила, потому что забилась в развалины с маленьким внуком. Больше всего боялась, что ребенок заплачет, нас услышат, найдут и тоже зарежут...

Две женщины, ливанка и палестинка, рассказывают:

— Вечером над лагерем начали рваться осветительные снаряды...

— Мы думали, это очередной артиллерийский обстрел...

— Но тут в лагерь, освещенный висящими на парашютах ракетами, ворвались солдаты...

— Мне казалось, они бегут со всех сторон, стреляя из автоматов...

— Да, и сначала они перестреляли всех мужчин. Убили мужа, он был плотником...

— А мой муж был рабочим в порту... Убили выстрелами в спину...

— Потом начали расстреливать и резать женщин и детей, всех, кто им попадался...

— Дети и женщины страшно кричали...

— Схватили наших и соседских детей, самый маленький был пятимесячный, старшему было пятнадцать лет, заперли их в доме, а дом — вы видите — взорвали...

Таких показаний в материалах комиссии Кагана нет.

Во время резни командный пункт израильтян находился в захваченном ими посольстве Кувейта — рядом с лагерем. Не видеть и не слышать всего, что происходило в Сабре-Шатиле, они не могли, если только не ослепли и не оглохли на эти ужасные сорок часов. Достоверно известно, что в израильском командном пункте радисты зафиксировали такой радиоразговор:

— На моем участке полсотни детей и женщин. Что с ними делать?

— Сам знаешь. Делай то, что велит тебе бог!

Кровавая бойня в Сабре-Шатиле была финалом, достойным венцом кровавой операции израильской армии «Мир Галилее». Разница лишь в том, что до этого момента палестинцев и ливанцев убивали бомбами, ракетами, снарядами, а в лагерях были пущены в ход ножи и приклады.

Сионисты могут сколько угодно кричать о своем «благородстве». Но даже если следовать выводам комиссии Кагана, а он, кстати, юрист, то позволительно спросить следующее: разве тот, кто привел убийц в дом и стоит в дверях с оружием, пока те убивают беззащитных людей, не несет еще большей ответственности, чем исполнители? А тот, кто дал свои «твердые гарантии безопасности» будущим жертвам?

Что касается организаторов, вдохновителей и руководителей кровавой операции «Мир Галилее», то по элементарной справедливости они должны не просто уйти в отставку, а быть преданы суду как военные преступники за все, что учинили в Ливане, и за Сабру-Шатилу в том числе.

Бейрут.

КИНОКАМЕРА ПРОТИВ ВОЙНЫ

Осталась одна...

Здесь они жили раньше.

Документальная съемка... Она, как ничто другое, способна передать драматизм тех или иных событий, происходящих в нашем неспокойном мире. Кинокадры, снятые в Никарагуа и на Ближнем Востоке, в Анголе и Афганистане, в этих «горячих точках» планеты, не раз заставляли зрителей задуматься о той страшной роли, которую современный империализм играет в судьбах многих и многих народов. И каждый раз человек с кинокамерой, непосредственный очевидец событий, донося до нас информацию с поля сражения, с политической пресс-конференции, с митинга, сводил ее в фокус общего, многократно подтвержденного вывода: в мире действует хорошо продуманная, отлаженная, жестокая инженерия войны и насилия, взращенная империализмом. Она направлена против любого, пусть самого малого движения народов к свободе, независимости, социальной справедливости. Ее основа — гигантская военная машина, на содержание которой затрачиваются из года в год астрономические суммы.

Новая работа советских кинодокументалистов — фильм «Когда рассеиваются туманы лжи», созданный на Центральной студии документальных фильмов режиссером А. Свешниковой и операторами А. Минаевым и В. Добровицким,— еще одно тому подтверждение. Объективно фиксируя факты, эта документальная лента демонстрирует те поистине глобальные масштабы, которые приобрела сегодня в ведущих капиталистических странах подготовка к войне.

...Всеамериканская воздушная тревога. Летчики в считанные минуты садятся в свои бомбовозы, и «B-52» в шлейфах выхлопной гари идут через полюс в Россию стирать с лица земли советские города. В воздухе — летающий штаб, «самолет судного дня», с которого американский командующий осуществляет руководство термоядерным ударом...

Весь этот апокалипсис — еще не война. Это — многодневное шоу американского телевидения. Оно терроризирует обывателя, заставляя его свыкнуться с мыслью о том, что такая война возможна, делает его игрушкой в руках «колдунов третьей мировой».

А вот выступление премьер-министра Израиля Бегина в ООН, которое мы видим на киноэкране под аккомпанемент гаубиц, обстреливающих Бейрут, под крики потерявших детей и обезумевших от горя женщин. Это уже война. И могилы английских десантников на Фолклендах и белые накидки санитаров, спасающих моряков с горящего «Шеффилда», на котором, по предположениям специалистов, могло находиться ядерное оружие,— это тоже война.

Где грань, отделяющая эти «малые» войны от войны «большой», той, которую смаковало американское телевидение?

Фильм «Когда рассеиваются туманы лжи» — это размышление, исследование сложной и опасной ситуации, в которой оказалась наша планета. Нарастающий вал американских военных программ, охватывающих даже дно океана и космос, многочисленные военные базы, окружающие СССР и его союзников, смертоносное оружие, нацеленное на наши города,— вот причина напряженности, причина того, что и мы вынуждены предпринимать ответные, неизбежные усилия, сдерживающие агрессора. Нестабильное, шаткое, небывалое в истории человечества, изнурительное противостояние двух встречных военных сверхусилий... И в недрах этого равновесия, грозя поминутно его нарушить,— множащиеся локальные войны — попытки империализма, скованного на центральном фронте борьбы, добиться реванша на флангах.

Как обезвредить ядерный детонатор? Как демонтировать эту машину войны?

В фильме есть ответ на этот вопрос. Этот ответ в звучащих с экрана мирных предложениях СССР, предлагающего равноправный и честный диалог. Этот ответ — в мыслях и чувствах простых людей во многих странах планеты, оставляющих свои повседневные дела и присоединяющихся к маршам мира, протестующих против «першингов» и крылатых ракет.

Мы видим впечатляющие картины мирных манифестаций в США, Европе, Японии... Но даже документальный экран с его огромными возможностями не может показать всех, кто борется сегодня за мир, думает о мире. Среди них — прогрессивные политики, мыслители и художники нашего тревожного времени. Среди них и авторы этого фильма, цель которого — внести свой вклад в дело избавления человечества от угрозы ядерной катастрофы.

А. ПРОХАНОВ

ВОЗВРАЩЕННЫЙ ЛЮДЯМ ТРУД

Владимир НИКОЛАЕВ

Статистика свидетельствует: Германская Демократическая Республика занимает 37-е место в мире по населению и 102-е по территории. И еще факт: страна не богата природными ресурсами. В то же время ГДР входит в первую десятку наиболее развитых индустриальных стран.

Одним из «секретов» успешного хозяйствования при таких, казалось бы, скромных возможностях является поистине государственный подход к использованию вторичного сырья. Его доля в производстве стали, например, доходит до трех четвертей, бумаги — до половины. И от этих впечатляющих данных идет логическая цепочка еще дальше, полнее раскрывающая выгоду использования вторичного сырья: при производстве из него стали отпадают промежуточные трудоемкие и энергоемкие процессы, уменьшаются транспортные расходы; при производстве бумаги (в масштабах всей страны) более трех миллионов деревьев ежегодно избегают вырубки. Можно пойти и еще дальше. К. Маркс заметил, что любая экономия в конечном итоге сводится к экономии времени. Именно оно — воистину бесценное! — прежде всего экономится при использовании вторичного сырья. И, наконец, сохраняется, возвращается людям труд, когда-то и кем-то вложенный в то, что превратилось, говоря по-нашему, в утильсырье. Выброшенное на свалку, пущенное на ветер, оно укор труженику и созидающему обществу. Но и этого мало! Широкое использование вторичного сырья позволяет в значительной мере уменьшить отрицательное влияние промышленной деятельности на окружающую среду. А ведь сегодня, как известно, это является одной из самых животрепещущих проблем, стоящих перед человечеством. Экология и вторичное сырье — тема необъятная. И благодатная: можно значительно очистить от вредных примесей атмосферу и воду, спасти леса, освободить землю от мусора и т. п.

Об этом я беседовал с немецкими специалистами по сбору вторичного сырья. Мы сидели в обширном двухэтажном здании — конторе одного из филиалов комбината «ЗЕРО», который занимается сбором вторичного сырья в ГДР. Этот филиал находится в берлинском предместье Мальсдорф. Его отдаленность от центра города вызвана отнюдь не тем, что свалку всегда принято выносить куда-нибудь подальше. Скажу сразу: этот центр свалку никак не напоминает. А расположен он именно здесь из-за близости транспортных коммуникаций, особенно водной (самой дешевой, подчеркнули мои собеседники).

Заместитель генерального директора Эрих Пипер и его коллеги вводят меня в курс своего дела. Все они специалисты с высшим образованием, в большинстве — экономисты, их рассказ о работе отличается и широтой мышления, и глубинным знанием дела, и сознанием государственной важности того, чем они занимаются. После обстоятельной беседы в кабинете мы обходим обширную производственную территорию, продолжая по пути наш разговор.

Первое впечатление — всюду абсолютная чистота и порядок, хотя здесь собраны сотни тонн вторичного сырья: бумага, тряпье, бутылки. Все это без конца подвозят сюда и вскоре увозят отсюда, но в более компактном, упорядоченном виде, нежели при получении. Бумагу и тряпье сортируют, а затем спрессовывают в аккуратные тюки, бутылки распределяют по их форме.

Можно сказать, что это производство обходится вообще без отходов (хотя на них оно целиком и основано). Есть, например, здесь огромный склад, занятый боем бутылочного стекла, который идет в дело. И бой этот тоже разобран по сортам, что сразу видно по удивительной цветовой гамме, которой тускло и одновременно плотно светится все это добро, четко разделенное на острова — белый, зеленый, коричневый...

Кстати, о бутылках. Их здесь считают на миллионы. А всего по стране за один год было использовано вторично 840 миллионов штук стеклотары. А что это значит? Оказывается, благодаря этой собранной стеклянной посуде республика сберегла 126 миллионов кубических метров газа, свыше 50 тысяч тонн мазута, 150 миллионов киловатт-часов электроэнергии, 84 тысячи тонн соды и 252 тысячи тонн высококачественного песка! Весомо? Вот что такое вторичное сырье...

Но вернемся к знакомству с центром по сбору вторсырья, одним из многих в стране. Здесь работает чуть более 200 человек, но главное на этом производстве не мускульная, а механическая сила: 120 грузовых машин, десятки всевозможных подъемных механизмов, пресс, конвейер... Работа идет в три смены, идет в огромных цехах, очень похожих на авиационные ангары. Кстати, многочисленные механизмы для всей этой весьма специфической работы изготовляет Берлинский машиностроительный завод. Ко всему прочему есть в стране и научно-исследовательский институт вторичного сырья.

В центр, с которым мы знакомимся, вторичное сырье поступает из 110 пунктов, расположенных в Берлине. Мои собеседники особенно подчеркивают, что все эти пункты работают четко по одному графику, хорошо известному населению, ни в коем случае никаких отклонений: ежедневно, с понедельника по пятницу включительно, с 10 до 13 и с 14 до 19 часов. Кроме того, еще 90 сборщиков работают на договорных началах. (Приводится пример: один такой сборщик-пенсионер поставляет за год более пяти тонн бумаги и 14 тысяч бутылок и банок.) Кстати, отмечают мои собеседники, все занятые на сборе и сортировке вторичного сырья хорошо зарабатывают. Все довольны — и они и домашние хозяйки, а главное — промышленность. И еще немаловажная деталь: сбору вторичного сырья активно помогают школьники, особенно во время каникул, помогают тоже, разумеется, небезвозмездно. Очень важно, что в этой области большую организаторскую и пропагандистскую работу ведут местные советы, общественные организации, средства информации. Короче говоря, дело это общее, государственное.

Важно и то, что этот центр в берлинском предместье — настоящее производство. Здесь созданы необходимые условия не только для выполнения плана и его перевыполнения, но и для работающих на нем людей. Здесь на высоте и бытовые и культурные условия. Потому, наверное, и видишь в цехах так много молодых людей. Не чураются — это настоящая работа!

В июне 1980 года Президиум Совета министров ГДР принял постановление, которое предписывает всем относиться к заготовке и переработке вторсырья с такой же ответственностью, как к основному производству. Среди самых главных показателей отчетности для предприятий указываются как затраты сырья и материалов, так и использование вторичного сырья. То есть мы здесь переходим уже к разговору не только о сборе вторичного сырья у населения, но и о рачительном отношении к нему в масштабах государства. Ведь нормативы расхода сырья как такового постоянно снижаются, а количество выпускаемой продукции тем не менее растет (за счет все более широкого использования вторичного сырья). И такая экономическая политика приносит, повторяем, большую дополнительную выгоду, о которой сразу, может быть, и не догадаешься. Так, реализация каждой тонны лома позволяет стране экономить около двух тысяч тонн железной руды и 500 тонн кокса, ввозимых из-за рубежа. Вникая во все это, начинаешь произносить с особым почтением само выражение это «вторсырье». Подумать только, медная руда, добываемая в ГДР на Мансфельдском месторождении, содержит два процента меди, а лом — от 70 до 100 процентов этого ценнейшего металла!

Зная уже кое-что об этом, я приехал в город Бранденбург на металлургический комбинат. Ежегодно он дает стране более двух миллионов тонн стали. На огромной территории комбината я увидел горы лома. С помощью гигантских «ножниц» и пресса его готовят к переплавке.

Теперь я, повидав все это, иначе смотрю на часто повсюду встречающиеся у нас ржавые железки. Это ведь тот же хлеб, которого жадно ждут всегда ненасытные печи металлургических заводов! Много внушительных цифр и фактов сообщили мне на комбинате в Бранденбурге. Например, за один год по стране использовали около шести миллионов тонн металлолома и 200 тысяч тонн лома цветных металлов. Из лома производится 81 процент свинца и 62 процента меди.

Специалисты по сбору и переработке вторичного сырья в ГДР рассказали мне о больших резервах в развитии этой отрасли производства. Все, что перечислено выше в нашем рассказе, далеко не исчерпывает обширнейшие запасы вторичного сырья. К нему относятся различные керамические отходы, старый асфальт, шифер, буроугольная зола — побочный продукт теплоэлектростанций (ТЭС страны дают ежегодно 14 миллионов тонн такой золы; употребление ее позволяет экономить цемент, добавляют ее в бетон и другие стройматериалы). Важное народнохозяйственное значение приобрело в ГДР и повторное использование отработанных масел, мазута. В результате ежегодно в производство возвращается около 100 тысяч тонн таких продуктов. Реализуются и отходы всевозможных очистных сооружений, которые имеются в сельском хозяйстве, а ведь это заметно повышает плодородие почв. Еще один из многих резервов расширения ассортимента вторичного сырья — использование упаковочных материалов. В ГДР в настоящее время упаковывается 3,5 миллиона видов различных товаров (речь идет о стеклотаре, пластмассовых и картонных коробках, ящиках и т. д.). Для упаковочных целей в стране ежегодно используется 180 тысяч тонн металла и 90 тысяч тонн пластмассы, а ведь для производства одной тонны пластмассы необходимы 53 тонны нефти. В качестве вторичного сырья покупаются у населения и алюминиевые баллоны из-под бытовых аэрозолей (10 пфеннигов за баллон).

Как видите, ассортимент вторичного сырья можно (и нужно!) расширять и расширять. Этим и занимаются специалисты в ГДР, причем делают это организованно, сообща, в масштабах всей страны. Достаточно сказать, что во всех округах и районах для координации действий и контроля созданы отделы вторичного сырья, подчиненные министерству материальных фондов ГДР и местным органам власти. На X съезде СЕПГ в числе многих других вопросов была сформулирована и такая задача: в очередной пятилетке максимально извлечь пользу из вторичного сырья. Задача эта решается успешно.

Берлин.

СОЛЕНАЯ ПОДКОВА

В четырех километрах от станицы Старонижестеблиевской Красноармейского района находится озеро с поэтическим названием Соленая Подкова. Вытянутое и изогнутое, по своей форме оно действительно напоминает подкову. О целебных свойствах воды и грязей Соленой Подковы жители этих мест знали давно. И сейчас от старожилов станицы можно услышать истории о том, как привозили сюда людей, скованных недугом, как они вылечивались.

Мне помнится Соленая Подкова с детства. Лежащее во впадине озеро не видно издалека, и только подойдя поближе, можно увидеть среди цветущего подсолнечника стальную гладь воды. Как образовалось это озеро среди ровной бескрайней степи? Так и хочется представить его как бы порой на огромном теле земли, через которую является нам ее пот, ее соль...

С весны до осени берега Соленой Подковы расцветают пестрым городком из палаток, машин и шалашей. Но, естественно, лечение «диким» способом, без врачебного надзора, не всегда может увенчаться исцелением. Медицинские работники старонижестеблиевской больницы давно мечтали об использовании целебных свойств грязей Соленой Подковы во врачебной практике. Но мечта эта осуществилась лишь в середине шестидесятых годов — была построена грязелечебница.

Предприятие, основанное на хозрасчете, оказалось не только рентабельным, но и получило одобрение среди населения. Грязелечебница пользовалась широкой известностью. Около семисот человек ежегодно получали под наблюдением врачей медицинскую помощь. В курсовке грязелечебницы отмечалось, что здесь излечиваются заболевания органов движения — артриты и полиартриты нетуберкулезного происхождения после острого приступа ревматизма, целый ряд заболеваний нервной системы, заболевания и последствия травм непериферической нервной системы, радикулит, невриты, плекситы, соляриты, последствия ранений и других травм непериферических отделов нервной системы, женские заболевания.

Однако вскоре обнаружилось, что деревянные перекрытия здания разъедены солями. Требовался срочный ремонт грязелечебницы. Но районное руководство здравоохранения этому не придало значения, на ремонт грязелечебницы не были выделены необходимые средства, и она была закрыта. Вскоре в колхозе имени М. И. Калинина развернулось строительство рисовой системы, оросительный канал которой прошел в пятидесяти метрах от уреза воды озера. Подпочвенные воды из рисовой системы затопили Соленую Подкову. Резко поднялся уровень ее воды, берега заросли камышом, в озере завелась рыба, соль его стала терять свою силу...

Встала проблема немедленного спасения уникального озера. Это и было зафиксировано в решении районного исполнительного комитета Совета народных депутатов, в котором наряду с другими памятниками «в целях дальнейшего улучшения охраны окружающей среды, содержания и использования памятников природы и в соответствии с Законом РСФСР «Об охране природы» предусматривалось объявить памятником природы и взять под государственную охрану Соленую Подкову, расположенную на территории Старонижестеблиевского сельского Совета». Председателю колхоза имени М. И. Калинина в срок до 7 ноября 1979 года было рекомендовано «окультурить Соленую Подкову — посадить аллею из декоративных деревьев, поставить теневые навесы, охранный знак, 4—5 аншлагов с призывами по охране природы, поставить трафарет о запрете выбора воды и грязей».

Странно только, что решением этим не предусматривалось главного — спасения озера. Формальный подход к сохранению памятника проявился и в том, что даже эти второстепенные мероприятия по окультуриванию озера не были выполнены. И сейчас вы напрасно стали бы искать на берегах Соленой Подковы аллеи из декоративных деревьев. Нет здесь и теневых навесов. Правда, можно увидеть тут и там покосившиеся аншлаги с призывами: «Граждане! Отдыхая и купаясь, не загрязняйте воду и территорию, прилегающую к Соленой Подкове!» Таким образом, заботы по сохранению озера ограничились одними призывами...

О судьбе озера мне приходилось говорить со многими жителями станицы, как с рядовыми колхозниками, так и с руководителями, и все они выражали единодушное мнение о ценности озера и необходимости его сохранения. Но вместе с тем люди как бы смирились, привыкли к тому, что озеро гибнет, и не верили в его возрождение, а на прилегающий к озеру чек рисовой системы смотрели как на некий фантом, противостоять которому не имеет смысла...

Никто не призывает небрежно относиться к ирригационным сооружениям, на строительство которых затрачены средства, и немалые, но допущенную ошибку надо исправлять. Нельзя решать важные хозяйственные задачи такой дорогой ценой — ценой уничтожения памятников природы.

Речь уже идет не о возобновлении деятельности грязелечебницы в станице, не о строительстве лечебного корпуса на берегах озера, как мечтает нынешний главврач больницы А. Г. Никифоров. Речь идет о спасении озера. Для этого надо использовать прилегающие к нему земли не под рис, а под другие культуры. Необходимо немедленно отвести каналы оросительной системы не менее чем на два километра, и тогда через пять лет, как считают специалисты, восстановятся лечебные свойства воды и грязей озера. Но этот вопрос может быть решен только совместными усилиями хозяйственных и административных органов и ответственных за это дело работников.

Видимо, в дальнейшем было бы наиболее целесообразным открыть лечебный корпус на берегах озера, благоустроив его, как это предусматривается решением районного исполнительного комитета. Но при этом необходимо точно учесть запасы грязей и воды в озере и чтобы из этого исходили масштабы строительства. Такое предприятие не только покрыло бы расходы, но и принесло бы определенную прибыль. Но это будет возможным, видимо, лишь тогда, когда Красноармейский районный исполнительный комитет Совета народных депутатов будет добиваться не формального выполнения принятых им решений.

Уникальное лечебное озеро Кубани Соленая Подкова должно быть спасено. В конце концов это наш долг — передать его последующим поколениям не только таким, каким оно досталось нам, но еще более изученным и благоустроенным, полностью отдающим людям свои благотворные возможности.

Петр ТКАЧЕНКО
Фото автора.

Станица Старонижестеблиевская Краснодарского края.

СЧАСТЬЕ ВОЙТИ В ЛЕС

●

Слишком долго в общественном сознании человек противопоставлялся природе. Книги детские и книги академические, радиопередачи и наше массовое кино создавали представление о природе как о таком окружении, с которым мы в состоянии войны. Во всяком случае, отношение к природе отражалось однозначным словарем: «покорение», «победа», «обуздание». За этими словами свой стереотип мышления и своя гамма чувствования. И скорых метаморфоз в сознании людей обычно не происходит. Нужна спокойная настойчивая просветительская работа, в результате которой в сознание людей войдет самая актуальная сейчас экологическая культура. В связи с этим хочется приветствовать выступления журнала, связанные с охраной природы, с бережным отношением к ней.

Сегодня мы открываем для себя эпохального В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, универсального Н. К. Рериха... Из мудрых текстов приходит к нам понимание человека как звена всеобщей космической связи. Классики марксизма учат нас тому, что долг каждого поколения — оставлять после себя природу улучшенной. Однако пока сегодня в природе наметились прямо-таки тревожные процессы, она, к огорчению нашему, обнаружила пределы самовосстановления, самолечения.

И появилась у людей новая забота. Все больше возводим очистных сооружений, создаем НИИ, лабораторий, ищем способы восстановления того, что разрушили своей, нет, не хозяйственной, а именно бесхозяйственной деятельностью. Однако хочется верить, что к гармоничным отношениям с природой люди придут больше через ее сохранение, чем восстановление.

Сегодня мы «отвоевали» уже у природы огромные территории. На них мы и должны производить все необходимое для своего развития. В нашем распоряжении огромный исторический опыт производства растительной и животной пищи. Мы научились и массовому производству пушнины в специальных хозяйствах. Лис, песцов и других животных уже разводят и в личных, подсобных хозяйствах, в деревне и пригороде. Чего не хватает? Рыбы? И тут мы у истоков новой и перспективной отрасли экономики — рыбоводства.

При существующем положении слишком часты случаи совмещения в одном лице и законоутвержденного охотника-любителя (рыболова-спортсмена) и браконьера. Спросите охотинспектора, разве не известно ему много-много случаев, когда на одну лицензию отстреливается больше животных, чем разрешено? И если как-то контролируется отстрел крупных животных, лосей, например, то отстрел мелких зверей и птиц носит больше стихийный характер.

В любительском рыболовстве приходится сталкиваться с подлинной заготовительной горячкой. Кстати сказать, массовый, истребительный вылов рыбы возможен разрешенными и будто бы безобидными орудиями, например удочкой-блесной. Таким вот нехитрым орудием на озере Кривом (Алтайский край) за день рыболюбитель в январе текущего года мог наловить куль и более красноперых окуней. Местные жители говорят, что окунь здесь однажды исчезал совсем. Несколько лет назад хорошие люди много потрудились: привезли окуня издалека во флягах, запустили, размножили.

Без участия радио и газет широко разнеслась весть о будто бы неисчерпаемых запасах красноперого окуня в озере Кривом. И мчатся теперь рыболовы-любители на роскошных «Жигулях», «Москвичах» (подчас и на государственных и колхозных машинах разного назначения) на озеро Кривое со всего огромного Алтайского края...

Одними только запретительными мерами проблемы не исчерпать. Нужны соответствующие воспитание и образование. И с самого раннего детства.

И еще об одном бедствии. В моду вошло содержание в городских квартирах диких зверей и птиц. В печати по этому поводу было много «за» и «против». «Против» особенно после трагедии в семье Берберовых в Баку.

Обидно за зверей. Ведь борьба мнений вращалась преимущественно вокруг оси — «опасны ли для человека квартирные дикие звери или нет». А каково зверю, птице, вырванным из обычной среды, из родного сообщества? Они, звери-птицы, напрочь выбиты из цепи жизни. И можно ли жизнью назвать их сидение в клетке? Это угасание жизни, медленное убийство. Получается, что мама хочет ребенка воспитать добрым, нежным, заботливым, а на деле он привыкает считать нормальным сидение вольной птицы или зверька в железной клетке. Тяжкое пожизненное заключение без преступления. В маленьком человеке скорее прорастет безразличие к жизни, жестокость, нежели любовь, бережное отношение к ней. Другое дело — домашние животные, собаки, кошки. Они уже приспособились к человеку, или, вернее, человек приспособил их к себе. Забота о судьбе щенка, котенка воспитает в ребенке доброту, а не заключение в клетку доверчивого снегиря, щегла, синицы... Нашим детям необходима живая связь с природой, с лесом и полем, с их обитателями. Счастье войти в лес как в чудную бабушкину сказку, завороженно всматриваться, вслушиваться... Но, чур, в лес с орущим транзистором, магнитофоном не входить и не входить с силками для птиц. Тем более что специалисты с тревогой сейчас заговорили о резком сокращении численности певчих птиц в Западной и Восточной Сибири...

Глубоко убежден, что гармоничные отношения человека с природой в конце концов восторжествуют на благо самому человеку. Ведь на знамени социалистического общества начертана его главная цель — все для человека. И этот Человек в трудные для природы времена проявит себя ее сыном и другом.

Ю. МАРЧЕНКО,
доцент кафедры философии и научного коммунизма Новосибирского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии

ЛЕНИН В ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ

«Париж — город очень неудобный для жизни при скромных средствах и очень утомительный. Но побывать ненадолго, навестить, прокатиться — нет лучше и веселее города».

Эти слова В. И. Ленина относятся к одному из невероятно трудных в его жизни периодов — эмиграции. Преследуемый царизмом, Ленин уезжает за пределы России дважды—в 1900 и 1907 годах, проведя в общей сложности на чужбине около пятнадцати лет. Этому периоду жизни вождя революции посвятили свою книгу П. В. Московский и В. Г. Семенов — философ и историк.

Пребыванию Владимира Ильича за границей сопутствовали и неудобство постоянных переездов, часто холодное и неуютное жилье, нередкие поиски более пригодных пристанищ из-за преследований полиции. Вместе с тем широко известно (и рецензируемая книга лишний раз подтверждает этот факт), что на годы жизни на чужбине, когда, по признанию Ленина, тяжесть эмигрантщины давила всё сильнее, приходится значительная часть написанных вождем классических сочинений, научных переводов ряда трудов К. Маркса, имевших большое международное значение. Ленин был инициатором основания за границей газеты «Искра», содействовавшей рождению партии, а затем активно участвовал в деятельности ряда форумов РСДРП и международного рабочего движения. Здесь под его руководством выпускались большевистские издания, здесь написаны им многие статьи, заметки, доклады и письма. В годы царизма, жесточайшей реакции, особенно после поражения первой революции в России, Париж стал центром русской политической эмиграции. Именно поэтому «заграничная база,— писал В. И. Ленин,— необходима и неизбежна для партии, которая действует в таких условиях, как наша». Только за парижский период эмиграции, как сообщается в книге, Лениным было написано более 500 статей, заметок, докладов, писем, свыше сорока рефератов, а в партийной школе в Лонжюмо он прочел 56 лекций.

Читальный зал Национальной библиотеки в Париже был постоянным рабочим местом В. И. Ленина. Там Владимир Ильич изучил большое количество марксистской литературы и статей по философии, политэкономии, естествознанию русских и иностранных авторов на языках оригиналов. Владимир Ильич Ленин много ездил и выступал с рефератами, беседовал с рабочими, тщательно изучал революционную историю, традиции и активность рабочего движения Франции.

В трудах этого периода В. И. Ленин развил марксистское учение о социалистической революции и диктатуре пролетариата, научно обосновав политику партии рабочего класса в грядущих революционных боях, разработал учение по национальному, аграрному и многим другим вопросам.

Среди обилия фактов, связанных с биографией Владимира Ильича и значительная часть которых приводится впервые в книге, характерен такой. В Русской высшей школе общественных наук в Париже, которая помогла целому ряду слушателей стать на путь ленинской партии, одна из слушательниц, А. Рыжкова, умевшая неплохо рисовать и делавшая портреты лекторов, зарисовала и Владимира Ильича, выступающего с лекцией на кафедре. Рыжкова показала ему альбом, и Ленин поставил подпись под своим портретом: В. Ульянов. Интересно, что за период 1900—1908 годов этот портрет является единственным документальным изображением Владимира Ильича.

Авторами книги впервые детально изучено пребывание В. И. Ленина в Логиви летом 1902 года, установлен адрес, где он жил в течение месяца. Восстановлены и подробно изложены факты, связанные с лекциями В. И. Ленина в Русской высшей школе общественных наук в Париже в феврале 1903 года.

«Трудящиеся Франции, Бельгии, Дании высоко чтут В. И. Ленина,— отмечается в книге.— Его революционное учение помогает им в борьбе за социальное и политическое освобождение. Народы этих стран помнят, что Владимир Ильич Ленин всегда проявлял внимание к их коренным интересам, нуждам и проблемам. В беседах с участниками революционного движения он всегда стремился помочь им найти верный путь пролетарской организации, преодолеть оппортунизм в рабочем движении, в создании пролетарских партий нового типа. В. И. Ленин понимал, знал по опыту, насколько трудна задача создания таких партий».

Годы вынужденной эмиграции вождя, предстающие в новой книге, лишний раз убеждают читателя в удивительной стойкости, мужестве Ленина, его непреклонной убежденности и вере в победу пролетариата. Думается, что книга с интересом прочтется самым широким кругом читателей.

З. ИГУМНОВА,
А. СМОЛЬНИКОВ,
кандидаты исторических наук

П. В. Московский, В. Г. Семенов. Ленин во Франции, Бельгии и Дании. М., Политиздат, 1982, 199 с.

ВСЕГДА НАЧЕКУ

Уже само название — «Всегда начеку» — казалось бы, должно предопределять специфичность и рамки этой выставки, которая была открыта в Москве. Большинство экспонировавшихся на ней произведений живописи, скульптуры, графики рассказывают о людях и работе милиции.

Но тот, кто побывал на ней, вынес из ее залов отчетливое ощущение, что перед ним прошла история нашей Родины. Недаром выставка посвящалась трем знаменательным историческим датам одновременно — шестидесятипятилетию Октябрьской революции, шестидесятилетию образования СССР и шестидесятипятилетию советской милиции. Ведь органы защиты революционных завоеваний, созданные по инициативе Ленина на третий день после Великого Октября, с тех пор всегда жили единой жизнью со всем советским народом. Милиционеры воевали на фронтах гражданской войны, беспощадно боролись с бандитизмом, гибли под пулями, выпущенными из кулацких обрезов, до последней капли крови сражались на самых опасных рубежах в Великую Отечественную. И ныне, как всегда, они стоят на страже социалистической законности и правопорядка.

Вот эта нерасторжимая слитность с судьбой народа, отраженная в живописных полотнах, скульптурах, графических листах, и придала прошедшей выставке гораздо более широкий характер, чем выражает ее название.

Даже четыре картины — всего четыре,— помещенные на вкладках этого номера, дают понятие о главной мысли, идейном и нравственном начале, которыми вдохновлялись авторы произведений, экспонировавшихся на выставке, и которые они хотели внушить зрителю.

К образу председателя ВЧК и наркома внутренних дел Феликса Эдмундовича Дзержинского живописцы и скульпторы обращались не раз. Мы неоднократно видели его во множестве фильмов в исполнении разных актеров. И можно сказать, что у каждого из нас сложился свой, прочно установившийся образ беззаветного рыцаря революции. Но заслуженному художнику РСФСР Н. П. Толкунову удалось найти черты, которые вносят в наше представление об этом легендарном человеке нечто новое, дополняют его.

Из той далекой эпохи, когда жил и работал Дзержинский, другие три картины переносят нас в нынешний день. Однако это не просто перемещение во времени — это рассказ о преемственности. Художница из Куйбышева Л. П. Петрова и народный художник Удмуртской АССР из Ижевска П. С. Семенов, пожалуй, могли бы и не давать названий своим полотнам. Мы и так понимаем, о чем они хотят нам сказать.

Картина «Заветы отца», оттененная печальным настроением, все же не оставляет нас в конце концов в печали. Отец молодой женщины, может быть, умер от ран. Нет сомнений, это был смелый и честный человек. И, глядя в лицо женщине, мы испытываем уверенность, что его святые заветы живут глубоко в душе дочери, что она передаст их своим детям и дело отца никогда не умрет.

А когда смотришь на полотно «Рассказы о чекистах», невольно мелькает мысль: не ее ли сынишка так самозабвенно застыл перед музейным стендом? И еще думаешь о том, как прочно объединяет высокая идея преемственности столь разных и так далеко друг от друга живущих художников.

Именно эта идея пронизывает лучшие произведения выставки. А на ней были показаны работы художников из всех республик, из столицы и самых дальних уголков. И по возрасту они тоже разные. Самому молодому — двадцать пять, самому старшему — восемьдесят.

Олег ШМЕЛЕВ

Н. Толкунов. Род. 1917. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ В РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ. 1982

Всесоюзная художественная выставка «Всегда начеку»

Л. Петрова. Род. 1941. ЗАВЕТЫ ОТЦА. 1982.

Всесоюзная художественная выставка «Всегда начеку»

Чужое оружие

Владимир КАШИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Капитан Бреус вернулся из Вербивки утром, как раз в тот момент, когда Коваль уже вошел к Литвину. Быстро взбежав по ступенькам на второй этаж, капитан буквально ворвался в кабинет начальника милиции, будто гнался за Ковалем.

— Товарищ подполковник! Товарищ майор! Здравия желаю! Я только что из Вербивки,— быстро произнес он.— Там снова чрезвычайное происшествие.

— Какое еще происшествие? — спросил Литвин, не дослушав до конца. Не хватало еще одного убийства в районе.

— Кто-то пробрался в дом Лагуты,— хмуро сообщил Бреус.

— Как пробрался?

— Да так, залез, и все,— уже спокойно добавил капитан. Доложив о происшествии, казалось, он словно сбросил с себя всю тяжесть ответственности.— Следы возле дома ведут к окошку боковой комнаты.

— А дверь забита? Пломба целая? — быстро спросил Литвин, к которому возвратилась привычная деловитость.

— В порядке и пломба и замок.

— Но ведь окна были забиты досками? — напомнил Коваль.

— В том-то и дело, что в боковой комнате не забили окошко,— заметил капитан, качая головой.— Наш промах.

Коваль насторожился: как же это никто не обратил внимания, что окошко не забито?

— Окошко сбоку,— словно отвечая мыслям подполковника, продолжал Бреус.— Да и высоко, в два человеческих роста. Отгрохал Лагута такую домину, точно церковь. Вроде бы наглухо закрыли то окошко изнутри. Но преступник, по-видимому, бывал в хате и потому подтащил к стене «козлы». Собирался Лагута дом белить, вот и козлы там оставил.

— Ну что тут долго говорить! — встал из-за стола майор Литвин.— Надо ехать.— Он посмотрел на Коваля и, поняв, что тот одобряет его решение, снял трубку телефона.— Герасименко! — крикнул часовому.— Где там Андрей?

И услышав ответ, приказал Бреусу:

— Не забудьте сумку захватить, необходимо снять следы...

...На отшибе возле леса среди валунов стояли два дома. Кругом мертвая тишина.

— Местность крайне мрачная,— заметил майор Литвин, когда все вышли из машины и направились к дому Лагуты.— Даже средь бела дня.

— Специально для Лагуты господом богом уготована,— поддержал его Бреус.

— Почему именно для Лагуты, Юрий Иванович? — поинтересовался Коваль.

— Да потому, что бирюком жил. При немцах в лесу в яме прятался. Это понятно. А сейчас!.. И хату поставил на отшибе, поближе к лесу. Одним словом — леший.

Что такое леший, Коваль хорошо знает. Может быть, к Лагуте оно не совсем подходит, ведь после войны в западных областях Украины лешими называли бандеровцев. А этот все время жил здесь и, кажется, ни в каких бандах не участвовал. Но почему Бреус назвал его лешим?

Вместе со всеми Коваль стал осматривать дом.

Ни замок, ни сургучная печать на двери не сбиты. Окна крест-накрест заколочены досками, и только после дождя на головках гвоздей появилась красноватая ржавчина. Окошко смотрит в лес и поднято высоко. Оно такое маленькое, что трудно себе представить, как смог через него в дом забраться взрослый человек.

Рассматривая окошко снизу, Коваль заметил: створка подогнана неплотно. Возможно, злоумышленник второпях не обратил на это внимания. Козлы тоже не поставил на место. На них, белых от мела, достаточно четко просматривались отпечатки туфель. У стены дома лежала желтая глина, и неизвестный, по-видимому, в темноте ее не заметил: везде оставил следы.

На удивление всем, следы оказались женскими. Из своего опыта Коваль знал, что порой грабитель, чтобы сбить с толку следствие, обувал женские туфли или сапоги, конечно, значительно большего размера, нежели сама нога. Но в данном случае?.. Размер туфель небольшой.

Бреуса это очень взволновало. Раскрыв свою служебную сумку, он достал принадлежности и начал снимать отпечатки туфель. При этом он все время повторял:

— Черт побери, баба! Кто бы мог подумать?

Он не мог забыть, как утром после убийства буквально на коленях облазил не только двор Лагуты, но и всю опушку леса и проселочную дорогу, проходящую через лес. Тогда на опушке он заметил следы от женских туфель, а потом увидел их вместе со следами какого-то мужчины. Он и это сфотографировал. Но, поскольку они тянулись по обочине проселочной дороги и могли принадлежать случайным прохожим, к делу об убийстве не приложил. А сейчас допускал, что в хату залезла та самая особа, которая ходила здесь в ту роковую ночь.

Кто забрался в дом убитого, что там искал? Как видно, очень важное для себя, иначе бы не рисковал...

Несколько иначе подумал Коваль: сначала надо ответить на вопрос «зачем?», и тогда «кто?» само собою выяснится.

— Товарищ майор! — обратился Бреус к своему непосредственному начальнику.— А не могла здесь побывать Степанида Яковлевна? Она одна рядом с ним живет. Возможно, что-то хотела взять. К тому же больше других знает, что́ у Лагуты в доме.

— Что ты, Юрий Иванович! — возразил майор.— Ты о ее душевном состоянии подумал? Верно я говорю, Дмитрий Иванович?

— Никто, Сидор Иванович, пока что не составляет исключений.

— Проверим, конечно,— согласился Литвин,— но вряд ли, чтоб Степанида Яковлевна.

Новые вопросы у Коваля возникали сами собой: взрослый ли человек пролез через окошко? Очевидно, женщина была худая. Кто она? Воровка? Вполне возможно. Лагута слыл богатым. Да и с какой иной целью могли к нему лезть? Ограбить, и только!

Но преступница или преступник просчитались. Ведь драгоценности и деньги были найдены во время обыска и изъяты.

Что же еще могло интересовать кого-то в этом доме?

Рассуждая, Коваль быстро пошел за Литвиным и Бреусом, которые уже успели снять с дверей пломбу и замок.

В комнате невообразимый беспорядок. Свет, пробивающийся в окна, падал на пол, на мебель, на разбросанные повсюду вещи и вырисовывал не особенно приглядную для милицейского глаза картину: после обыска, произведенного в присутствии понятых, здесь произошел еще один, тайный, обыск. Кто-то торопливо рылся в вещах, не заботясь о том, чтоб положить их на прежнее место. Матрасы и подушки были подпороты, и при малейшем движении из них вылетал пух, покрывая пол. Вещи из платяного шкафа, белье, рубашки, какие-то коробки валялись под ногами. В боковой комнатке, обращенной к лесу, был такой же беспорядок: банки с крупой, солью и сахаром, связки высушенных трав — все было разбросано, рассыпано, перемешано. По-видимому, поиски происходили в спешке. Пододвинутый к стене высокий столик указывал путь, по которому преступница выбиралась во двор. Впрочем, путь указывали и засохшие комочки глины и достаточно четкие следы от туфель на кухонном столике.

Капитан Бреус снял отпечатки обуви таинственной гостьи, а также отпечатки пальцев на стене, на оконной раме и на стеклах. Потом закрыл окошко изнутри, и все вышли во двор.

Во дворе капитан нашел две доски, несколько гвоздей и, взобравшись на козлы вместе с Андреем, крепко забил злополучное окошко.

Неожиданное проникновение неизвестной женщины в дом убитого подтвердило предположение Коваля о необходимости глубже изучать жизнь села и взаимоотношения Лагуты. Становилось очевидным: все здесь не так просто, как в официальной версии, изложенной в документах работниками местной милиции. Новое загадочное происшествие таило в себе много неизвестных ни Ковалю, ни его коллегам обстоятельств, которые могли привести к неожиданным открытиям.

Вернувшись из села, Коваль зашел в камеру к Чепикову. Разговор был короткий, и он нисколько не прояснил загадочного происшествия.

Собственно говоря, беседа как таковая — диалог или допрос — не состоялась. Игра шла в одни ворота. Чепиков на вопросы не отвечал: сидел с опущенной головой, словно оглох или лишился речи. Если подымал голову, то смотрел не на подполковника, а куда-то в сторону, и Коваль, невольно следя за ним, тоже рассматривал небеленые потрескавшиеся стены камеры, освещенные слабым, рассеянным

Продолжение. См. «Огонек» №№ 6—8.

светом, пробивавшимся сквозь решетчатое окошко.

Наконец, разозлившись на подполковника, который настойчиво расспрашивал о пистолете, Чепиков выкрикнул:

— Идите вы к черту вместе со своим пистолетом! Мало мне горя, так вы еще и убийство шьете!

Коваль не рассердился, допускал, что возможна и такая его реакция. Понял, что с обычной меркой нельзя подходить к Чепикову.

Оставив арестованного, он поднялся наверх в свой кабинет. Там он распахнул настежь окна и, усевшись в кожаное кресло, принялся перечитывать рапорт и протоколы дела об убийстве, пытаясь найти между строк хоть какой-то ответ на возникшие вопросы.

Узенькая комната, в которой до приезда Коваля работал начальник отдела по борьбе с хищением социалистической собственности, ютилась под самым чердаком старого здания. Летом в кабинете нечем было дышать. Майор Литвин раздобыл для Коваля настенный вентилятор. Но он только лениво месил густой, нагретый воздух, не создавая прохлады. Вскоре Коваль вынужден был слегка приоткрыть дверь и усесться на сквозняке.

В коридоре было тихо. Только снизу, из комнаты дежурного по отделу, доносились до него чьи-то приглушенные голоса.

А потом почти у самой двери Коваль услышал возбужденный шепот.

— Ведь с самого утра... С самого утра! — умоляюще произнесла какая-то женщина.— Посмотри на себя, одни кости. За эти дни, что меня не было, ты на себя не стал похож...

В ответ раздалось какое-то мужское бормотание, потом Коваль разобрал отдельные слова:

— Я тебя просил... Это никуда не годится. Понимаешь, не надо. Мне некогда!.. Я не хочу есть! Ты человеческий язык понимаешь?

— Но, Юрчик...

— Я забегу домой.

— Ты всегда обещаешь... Ну, хоть котлеты...— настойчиво уговаривал женский голос.

— Пойми, наконец, это милиция, а не автобаза!

Мужской голос принадлежал капитану Бреусу. Но в ту минуту, когда Коваль узнал капитана, он умолк.

Юрий Бреус не так давно женился на милой женщине. У нее не сложилась жизнь с первым мужем — каким-то работником автобазы. В райотделе насмехались над молоденьким капитаном, которому всегда не хватало времени пообедать и за которым жена гонялась с термосом.

Сейчас Бреус допустил бестактность, напомнив жене об автобазе, и ее голос тоже словно сразу оборвался — Ковалю даже показалось, что услыхал всхлипывание.

Он встал из-за стола, подошел к двери и открыл ее. Коваль едва не ударил дверью невысокую стройную женщину, которая вскинула на него голубые, округлившиеся от испуга глаза.

— Это вы, капитан? — спросил Коваль Бреуса.

Тот молча кивнул головой, и Дмитрий Иванович еще раз изумился удивительной способности этого на первый взгляд сурового офицера краснеть, как девушка.

— Что ж не знакомите с супругой? — улыбнулся подполковник.

— Она только сегодня приехала... Сына к моим родителям отвозила.

От шутливого тона подполковника смущение у супругов прошло. Женщина подала Ковалю правую руку — в левой она крепко держала цветистый мешочек, в котором вырисовывались очертания термоса и еще какой-то посудины.

Подполковник назвал свое имя и, обращаясь к Бреусу, добавил:

— Счастлив тот, у кого супруга рядом! Только я не завидую.— И, обращаясь к женщине, произнес: — Очень рад с вами познакомиться, Зоя Анатольевна.

Разговаривая, Коваль рассматривал ее нарядное платье, красивую высокую прическу, модные туфли на тонких, не для сельских немощеных тротуаров, каблуках.

— А Юрия Ивановича отучим не слушаться жену. Вот отправим его куда-нибудь на полгода.

— Что вы! — вскрикнула Зоя Анатольевна, но в глаза не посмотрела. Однако Коваль заметил, что она рассматривает его.

Ковалю не в диковинку был интерес, проявленный к его особе. И хотя такая популярность не всегда радовала, он вынужден был с этим считаться. Сейчас подумал, что, наверное, капитан рассказывал дома всякие истории и небылицы о приключениях.

Бреус, который быстро опомнился, тут же успокоил жену, мол, подполковник шутит, таких длительных командировок не бывает, разве что учиться пошлют, но высшую школу милиции он уже окончил, а дальше постигать науку устарел.

Отпустив капитана пообедать, Коваль снова засел за бумаги. Он достал папиросу, несколько раз затянулся, глядя, как в воздухе лениво поплыли причудливые клубы сизого дыма, и долго не мог сосредоточиться. Из головы не выходила Зоя Анатольевна. Дмитрий Иванович и в самом деле не был завистливым человеком, не зарился ни на деньги, ни на дачи, ни на машины... Хотелось только, чтоб жизнь одарила его самым большим человеческим богатством — семейным счастьем.

II

Чепиков неожиданно остановился и посмотрел назад. Он стоял на пыльной проселочной дороге. Справа дорога спускалась в красновато-желтую долину, которая сверкала на солнце золотистыми колосьями, со дня на день ожидая хлеборобов; слева близко подступала к реке Вербивка. Едва ли не у самой дороги между дворами ярким зеленым пятном выделялся высокий дощатый забор с прорезанным в нем окном. Вот оно, известное на всю округу хозяйство тетки Кульбачки. Напротив ларька, под старой развесистой вербой, валялись бревна, и Чепиков сразу понял, зачем он сюда пришел: захотелось отдохнуть в тени на гладеньких бревнах. Кто знает, когда их сюда привезли. Они сыздавна заменяли и стол и стулья для постоянных Ганкиных клиентов. Чьи бревна? Никто не знал. Одни до сих пор думают, что колхозные, другие уверены — собственность Кульбачки. Словно отполированные, блестели они на солнце и были желанным местом, тем более что поблизости не найти ни одной лавочки, столь привычной для сельских улиц.

И кто знает, как выглядела бы окрестность без бревен под густыми ветвями старой развесистой вербы — единственном уголке, где можно отдохнуть посетителям в любую жару.

— А-а,— удивилась Ганна Кульбачка, увидев возле ларька нежданного гостя.— Неужто Чепиков?

Он поднял голову. Из-за черной рамы смотрела на него не очень молодая женщина, которую вербивчане, даже дети, просто называли Ганкой, и только завсегдатаи этого ларька уважительно ее величали Ганной Митрофановной, а то и ласково Ганнусей.

Чепикову не нужна была продавщица: он отвел взгляд от ларька и принялся рассматривать, как в подворотнях купались в пыли чьи-то разукрашенные зеленкой куры. «Будет дождь»,— подумал он.

Но Ганка сама подошла к нему. Оглянувшись по сторонам, она присела рядом с Чепиковым.

— Чего, Иван, бродишь средь бела дня? Или дело ко мне какое? Редкий гость, редкий...

Чепиков только покачал головой: нет, ничего не надо.

А потом, словно опомнившись и испугавшись, что ему откажут, быстро сказал:

— Ситра бы... жара.

Продавщица вздохнула:

— Сама бы выпила...— И сурово добавила: — Нет ситра, миленький, не завезли...

Какое-то время молчали.

— Ну и торговля у вас — швах,— произнес Чепиков, хотя торговля Ганки его совсем не интересовала.

Продавщица загадочно улыбнулась:

— Посиди с часочек, увидишь! А может, водочки тебе? Или яблочного? Яблочное жажду утоляет лучше всякого ситра. А водочка... У меня есть одна бутылочка, экспортная. Пожалуй, такому редкому гостю сто грамм налью... А больше в жару нельзя. В голову ударит — и до греха недалеко.

Чепиков ничего не ответил.

— Тяжело на душе? — сочувственно вздохнула Ганка.— Кыш, кыш! — неожиданно закричала на кур, которые стали клевать присохшее к ее туфлям повидло.— Несчастье у тебя какое?

Из густой пыли, которая, словно внезапный смерч, увеличиваясь на глазах и рассеиваясь по сторонам дороги, катилась по долине, выскочил мотоцикл и остановился у ларька. Рыжий хвост пыли медленно оседал над селом. Ганка засияла: по-видимому, таким гостям она была особенно рада. Однако поднялась не спеша, бросив Чепикову мимоходом:

— А ты свой грех не прячь в себе, даже в отчаянии не запирайся от людей, а богу открывай душу! — И с видом человека, выполняющего нелегкие обязанности, направилась к калитке, которая вела во двор.

Сундук стоял возле самого забора и служил Ганке прилавком. Добротная ее хата находилась в глубине двора и была незаметна для постороннего глаза. И только когда продавщица входила в свою пристройку и на мгновение открывала дверь, можно было увидеть в просвете угол белой стены и сверкающую на солнце железную крышу. Такое расположение ларька во дворе было удобным как для Кульбачки, так и для ее клиентов. Продавщица как бы одновременно находилась и на работе и дома — могла закрыть окно в заборе и приняться за стирку белья или готовить обед. Ганкины завсегдатаи знали, что «их ларек» в любое время дня и ночи, в любую непогоду открыт. Стоит лишь постучать в калитку к задушевной Кульбачке, как она тут же появится за прилавком...

Пока Кульбачка входила со двора в свой ларек, забитый ящиками с водкой, вином, папиросами, спичками, консервами, мылом, конфетами, печеньем, всевозможными спиртными напитками и продуктовыми товарами, двое клиентов, поставив в стороне мотоцикл, вытащили из кармана огурцы.

Чепиков их знал.

Один, высокий мужчина, работал слесарем в «Сельхозтехнике», другой — шофер райпотребсоюза Николай, дом которого стоял на горе. Николай тоже узнал Чепикова и кивком головы поздоровался с ним. Слесарь посмотрел на бревна осоловелыми от жары глазами, снял каску и ленивым движением вытер пот со лба.

— Чепиков, овощевод,— сказал приятелю Николай.— Ты что, его не знаешь?

Слесарь придирчиво оглядел Чепикова, словно раздумывая, подойдет ли он третьим для их компании.

Николай поймал его взгляд и отрицательно покачал головой:

— Непьющий он, Андрей...

Слесарь горько съязвил:

— Не пьет только курица, и то потому, что не может стакан поднять.

Чепиков не обращал внимания на разговор, как будто речь шла не о нем.

А тем временем стукнуло, открываясь, окошко.

— Ну что, голубчики? Что страдаете? — показалась в окне Ганна, расставляя на прилавке бутылки.— Возьмете с собой или здесь пить будете?

— И здесь и с собой,— ответил слесарь.

— Мы, Андрей,— засуетился Николай,— сначала по баночке беленькой. А уж потом портвейничку. Давай сюда! — крикнул он Чепикову, сидевшему на бревнах.— Ну как, выпьем за нашу встречу?

Тот ничего не ответил.

— Не трогайте его, греховодники,— сказала Ганка, наливая водку в стаканы.— Человеку, может, не до вас...

Дружки одним махом опрокинули стаканы, взяли с прилавка бутылку портвейна и пошли на бревна.

Там, рьяно хрустя молодыми огурцами, наперебой начали что-то друг другу доказывать. Чепиков не прислушивался к их разговору. Он о чем-то сосредоточенно думал, глядя себе под ноги.

Кульбачка снова появилась в окне и поманила его пальцем.

Чепиков с трудом поднялся.

— Что с тобой, господи? — мягко спросила тихим грудным голосом и посмотрела прямо в глаза.— Беда стряслась? Мрачный, как ночь... Или болезнь какая прицепилась? — Она сочувственно покачала головой.— Вот что я тебе скажу, голубчик,— произнесла таким тоном, слов-

но догадывалась о его несчастье.— Даже в самую тяжелую годину верь, что на свете есть сила превыше нас, и господь нас всегда милует... Ты грех в душе не таи...

Чепиков вдруг полез в карман.

— Налей и мне... чего-нибудь,— добавил в ответ на немой вопрос продавщицы.— Да покрепче.

— Горе хочешь утопить? Его не утопишь,— горестно произнесла женщина, доставая из-под прилавка бутылку водки.— С несчастьем надо к Иисусу идти, а не в ларек...

Привычным движением она ловко открыла бутылку и налила неполный граненый стакан белой жидкости.

— Норма,— сказала.— Тебе, Иван, как непьющему, самая большая норма в такую жару.

Снова высунулась в окно и окинула взглядом тех двоих, что кутили на дубках.

— Вам, голубчики, ничего больше не надо?

— Покамест ничего... А это все запиши,— полным ртом пробормотал Николай и показал рукой на стаканы и пустую бутылку.

— Ну что ж,— вздохнула продавщица, положив на прилавок синюю клеенчатую тетрадь,— писать так писать. Только ты уже многовато написался, Николай. Тридцать два рубля девятнадцать копеек.

— Ничего, тетка Ганя, скоро все зачеркну.

— Скоро? Когда ж это «скоро»?

— Ну, завтра, тетенька Ганя,— успокоил ее шофер.

Слова клиента, по-видимому, по душе пришлись продавщице.

И она уже продолжала много мягче:

— Ты завтра принесешь, а меня, может, сегодня ревизия накроет. За мою доброту меня и в тюрьму... Выходит, я тебе добро, а ты меня за решетку. Справедливо это?

— Да нет, конечно,— смутился шофер.— Завтра, честное слово, отдам... Из-за меня никто за решеткой не сидел и не сядет...

— Вот это ты, голубчик, хорошо говоришь,— совсем подобрела продавщица.— Я тебе верю — сам знаешь, отказа тебе нет.

— Вот видишь,— хмелея похвастался Николай,— какая она у меня! Поворчит, и без зла. Как мать родная. А то и лучше...

Одним махом Чепиков выпил водку, взял лежавшую на окне конфету и сдачу и, развернув плечи, быстро пошел прочь от ларька.

— Ты заходи, Иван,— донеслось ему вслед.— Надо будет, приходи. Если праведного пути не найдешь, значит, ходить тебе только сюда,— засмеялась продавщица вдогонку.

Вскоре на мотоцикле Николай обогнал Чепикова: он сидел за рулем; мотоцикл злобно грохотал на всю улицу и, словно злая собака, кидался из стороны в сторону...

Иван Тимофеевич добрался до своего дома, поднялся на крыльцо и немного постоял в нерешительности. Затем со злостью схватился за ручку двери и рванул ее на себя.

Его встретило опустевшее жилье. После яркого уличного света здесь показалось слишком мрачно. Покачиваясь на непослушных ногах, Чепиков уставился на знакомые стены, потом посмотрел на стол с оставленной на нем вареной картошкой, на диван с измятым покрывалом, где он спал в прошлую ночь.

— Маруся! — хрипло крикнул он, хотя знал, что никто не отзовется.

Постоял еще немного, как будто надеялся, что супруга все же выйдет из другой комнаты, где она провела прошлую ночь, потом неожиданно шагнул вперед: ему вдруг показалось, что он не один в хате,— и долго напряженно всматривался в зеркало в шкафу, пока понял, что видит самого себя.

— У-у...— разочарованно протянул Чепиков и хотел пригрозить своему изображению в зеркале, но никак не мог сжать в кулак непослушные пальцы.

Тогда опустился на диван и заплакал. Перед взором проходила вся его жизнь с Марией; вспомнилась и первая жена Татьяна, которая предала его.

Как каждый редко выпивающий человек, Чепиков быстро хмелел, и воспоминания его становились запутанными и расплывчатыми...

В один из весенних дней с наступлением сумерек Чепиков сошел в Вербивке с попутной машины. Почему через двадцать лет его потянуло в эти края, он и сам не знал. Тогда, в сорок четвертом, шел он сюда от Шендеровки по снегу под артиллерийским обстрелом, и казалось, что каждый клочок земли был истоптан его ногами, вытерт его коленями и локтями, и знал он его, как свои пять пальцев.

Но теперь и холмы, окружавшие село, и берега Роси, и сама Вербивка — все было так незнакомо. Подумалось: ведь воевал здесь зимой, в январские морозы, в метель, а сейчас весна, и все вокруг расцвело. А может, оттого, что за двадцать лет многое изменилось.

Да и Вербивки, собственно, тогда, в военном январе, не было. За холмами у самого берега сохранились две или три хаты, до одной из них он, раненный, и дополз. А теперь над Росью возвышались десятки домов, и Чепиков никак не мог вспомнить, в какой же хате спасли его люди, в каком дворе его подобрали.

Ни той хаты, ни ее хозяев он так и не нашел. Но твердо решил остаться в Вербивке, словно что-то проросло из его крови, пролитой здесь.

На улице повстречалась доярка Степанида Яковлевна Клименко. Попросился переночевать, а потом снял у нее боковую комнату, оставшись в селе навсегда...

Никогда не думал Иван Тимофеевич, что сможет еще раз полюбить — столько недоверия поселила в его душе жена Татьяна, не дождавшись его после войны.

Сначала даже не понял, любовь ли это у него к хроменькой дочери Степаниды Яковлевны или жалость. Может быть, просто хотелось избавиться от одиночества, которого через край уготовано было ему судьбой? Нет, не только боязнь перед завтрашним днем породила привязанность. Мария хоть и хромала немного, но все равно была хороша. В двадцать пять лет поражала какой-то душевной чистотой; грустные голубые глаза озаряли мягким светом нежный овал ее лица.

Впервые Иван Тимофеевич это понял, когда Мария заболела: день вдруг померк, свет стал немил. Вместе со Степанидой Яковлевной отвез ее в больницу и ежедневно после работы за двадцать километров ходил к ней, хотя в палату его не пускали.

До сих пор помнится ему та пыльная проселочная дорога среди пшеничного поля, луг, по которому он шел, направляясь в город. Там, на лугу, собирал цветы, они-то и вызывали благодарную улыбку на лице Марии.

Навсегда осталось чувство какой-то неловкости и одновременно мальчишеской радости, когда он, уже немолодой мужчина, нес через весь город букеты полевых цветов.

Записок он ей не писал и, когда было еще тепло и окна в больнице не закрывали, тайком с ней разговаривал, едва дотягиваясь на цыпочках до подоконника.

Потом наступила осень. Мария все еще находилась в больнице. Операция не помогла. Хирург разводил руками и избегал надоедливого Чепикова, часами торчавшего у двери ординаторской. Наконец пообещал Чепикову через два-три года повторить операцию, хотя никаких гарантий не давал, потому что оперировать Марию надо было еще в детстве...

...Стоял сырой, холодный день. На исходе был октябрь. Освещенный угасающим солнцем, Чепиков зашел далеко в лес, время от времени останавливаясь и подолгу прислушиваясь к пению птиц. И лес, и низкое хмурое небо, и, казалось, даже поющие птицы — все кругом пропиталось влагой.

Иван Тимофеевич искал нужное деревцо. Он ходил от поляны к поляне, присматриваясь то к одному деревцу, то к другому, придирчиво примеряясь. Ведь это касалось Марии — Чепиков собирался выстругать ей хорошую палку, чтоб она могла опираться на нее, когда выпишут из больницы.

Под его ногами шелестели пожелтевшие листья и жухлая хвоя. И хотя в лесу было нерадостно, Чепиков был преисполнен самых светлых надежд, и даже откровенное увядание природы не навеяло на него грустных мыслей.

Наконец набрел он на небольшую тонкую березку и решил, что это и есть именно то, что ему необходимо. Долго стоял возле нее, но рубить не стал.

«Они как сестренки»,— подумал о березке и о девушке и обрадовался странному, неожиданно пробудившемуся чувству.

...Марию выписали домой, когда выпал первый снег. Она сильно изменилась: уже не куталась в свой бабий платок, как-то неожиданно похорошела и, казалось, вся изнутри светилась. Вроде бы и хромать стала меньше...

Поначалу Чепиков даже испугался такой резкой перемены во всем облике Марии, попытался найти для объяснения другие причины, не смел и подумать, что именно он, Иван Тимофеевич Чепиков, немолодой, уставший от жизни человек, к этому причастен.

О любви они не сказали друг другу ни единого слова. Мария уже представлялась ему самой лучшей из женщин, которых он когда-либо встречал. Не замечал он и ее физического недостатка, а если иногда и видел, то ему казалось, что и хромает она не так уж сильно, да и не портит это ее совсем. И тогда он понял, что жить без нее не может и не хочет.

Он женился на Марии, достроил хату... Но вскоре жизнь их стала невыносимой, особенно когда у Марии родился мертвый ребенок. С того времени все пошло не так, как надо. Она часто без причины плакала, выходила из себя. Не раз, возвратившись вечером домой, Чепиков видел, как стоит она на коленях и молится...

Когда впервые это случилось, он сделал непростительный шаг, последствия которого трудно было предвидеть. Постоянно занятый в бригаде, он не особенно обращал внимание на странности жены, а тут, увидев ее молящуюся на коленях, ничего не сказал, даже не рассердился, а просто рассмеялся. Мария умолкла, в упор посмотрела на мужа, смерила его злым, чужим взглядом.

Потом появился Лагута. Собственно, Лагута всегда был рядом. Теща, Степанида Яковлевна, ходила к нему, часто повторяя, что в трудное время сосед всегда помогал. А теперь он и вовсе вошел в их жизнь, и с каждым днем Чепиков все больше и больше чувствовал, что Мария избегает его, своего мужа, уходит в себя.

Мысли оборвались. Понемногу Чепиков трезвел. Во что бы то ни стало он должен отыскать жену. Тяжело поднялся с дивана и, едва держась на ногах, вышел из дома.

III

Немного поколебавшись, прокурор подписал ордер на обыск в сельмаге Ганны Кульбачки. Начальник отдела борьбы с хищением социалистической собственности майор Кузнецов заболел, поэтому с оперативной группой к продавщице поехал капитан Бреус.

...Более двух часов продолжался обыск у Кульбачки, но ни денег, ни золота, ни других драгоценностей не нашли. Зато подтвердилось, что Ганна торгует самогоном и разведенным спиртом: в погребе нашли несколько таких бутылей, канистру спирта и специальный прибор, с помощью которого она разбавляла спирт водой до необходимой кондиции. Кроме того, нашли пять овечьих шкур — товар, который Ганна покупала в селах, а потом отвозила в город с целью перепродажи.

— Ведь у вас нет самогонного аппарата, Кульбачка,— сказал майор Литвин, начав допрос.— Выходит, сами вы продукты не портите. Это хорошо. Но торгуете самогоном и самодельной водкой, а это уже плохо. И даже очень! Но если вы назовете тех, у кого покупали спирт, кто гнал для вас самогон, ваши показания будут учтены.

— Да не торговала я самогоном, голубчик. Чужой был, будь он проклят, прости, господи, за худое слово. Люди на свадьбу гонят, на крестины, на поминки, на толоку. У кого есть аппарат, тот дома боится держать самогон,— быстро стрекотал мягкий голос Ганны.— Ведь вы не только все заберете, еще и оштрафуете. Вот и попросили меня люди, я и взяла на сохранение. У меня погреб большой, места хватает, чего ж добро не сделать людям! А кто вместо самогона бутыль спирту принес и поставил в погреб, не помню. Вот крест святой — не помню.

— Ничего себе благодетельница! — не сдержался капитан.— Самогон прятать!

— Ну, хорошо, поверим, что не помните, кто именно из ваших клиентов вместо самогона поставил бутыль спирту,— миролюбиво согласился Литвин.— Назовите всех, кто у вас это добро оставляет, и мы узнаем, чей спирт.

— Да нет, не по характеру моему на людей наговаривать,— твердо ответила продавщица.

— Тогда не им, а вам придется отвечать за все.

Коваль внимательно рассматривал Ганну. Это была не та женщина, какой он ее увидел при первой их встрече. Правда, она и сейчас старалась говорить мягко, елейным голосом, который так мало соответствовал окружающей обстановке. Казалось, продавщица не испугалась, хотя, как ни странно, стремилась показать себя именно такой. Но Коваль ее насквозь видел: покорно опустив глаза, она пыталась скрыть волнение. И он подумал, что, наверное, Ганна уже не раз бывала в подобных ситуациях; припоминались случаи, когда подозреваемый поддакивал следствию, торопясь получить наказание, чтоб только милиция не раскрыла его более тяжкого преступления. Продавщица догадывалась, какое наказание получит она за нарушение правил торговли, и совершенно точно определила линию поведения, которой надо придерживаться, чтоб дело ограничилось только этим обвинением.

— Так кто же вам дал бутыли с самогоном на сохранение? — продолжал спрашивать майор Литвин.

— Грех мне большой будет, если на людей скажу. Так Иуда Христа продал.

— А откуда у вас пять овчин?

— В разное время покупала, собиралась кожушок сшить.

— Кожушок у вас добротный есть,— сказал Бреус.— Его в опись имущества тоже занесли.

— Ну, еще один хотела, новый.

— Из пяти овчин? — сурово заметил Литвин.— Не много ли?

— А если мы вам свидетелей назовем, которые покупали у вас самогон? — спросил капитан.— И очную ставку сделаем?

Ганна ничего не ответила.

— Мы здесь не в жмурки играем! Не тяните! Говорите правду, для вас же лучше будет.

— Ну,— заговорила женщина,— купила овчины, ну, лежали, не торговала ж я ими.

— А во время поездок в Васильково, в Умань, в Черкассы, в Киев?

— Не торговала я овчинами, голубчик,— упрямо твердила Кульбачка.— Вот те крест святой! Старый кожушок надоел... Я женщина, люблю красиво одеться...

Услышав это, Бреус снова вспомнил туфли, брошенные возле сундука у Кульбачки. Чем старая обувь привлекла его внимание во время обыска? Разве тем, что у аккуратной женщины они валялись на полу. Может, просто не особенно дорожила ими, носила только в грязь. Да, грязь здесь липкая, чернозем... А он, когда рассматривал туфли, желтую глину увидел. Но какое ему дело до той глины?

— Ну, а незаконную торговлю самогоном признаете? — спросил Коваль.

— Признаю,— вздохнув, быстро произнесла Ганна.— Как уж тут не признаешь... Если есть свидетели...

Наблюдая за Кульбачкой, Коваль почувствовал, что не ошибся в своих предположениях. Она их дураками хочет сделать и сейчас признает незаконную торговлю самогоном, чтоб на этом закончить свои дела с милицией. Подполковник едва не улыбнулся. Его даже не удивило сейчас то, что продавщица не спрятала самогон и спирт. Зная же, что милиция вплотную занялась ею. Протокол о нарушении правил торговли и изъятие незаконной долговой тетради — уже первый звонок ей был. И не такая глупая эта Ганка, чтоб поверила, что больше к ней не придут...

— Капитан, дайте показания свидетелей,— обратился майор к Бреусу.

Кульбачка еще ниже наклонила голову, она, казалось, повиновалась своей судьбе.

Бреус, положив перед продавщицей протоколы, по которым та пристально скользнула взглядом и тут же отвернулась с таким видом, словно съела кислое яблоко, неожиданно спросил:

— Гражданка Кульбачка, какой размер обуви носите?

От такого вопроса диву далась не одна продавщица. Однако оперативники ничем не выдали себя.

— Тридцать шестой,— ответила Ганка.— Да, тридцать шестой,— повторила она.

Всем своим видом женщина словно говорила: «Ну что с него возьмешь, с этого милиционера! Нога ему моя понадобилась!»

Коваль понял, что начальник розыска напал на какие-то новые улики. Решил не вмешиваться, пока сам капитан не доложит о своих соображениях.

А капитан Бреус в это время думал, что, конечно, еще рано делать какие-либо выводы, но старые туфли, замеченные им возле сундука, придется отослать на экспертизу. Тем более что тридцать шестой — размер следов, оставленных неизвестной женщиной во дворе и в комнатах Лагуты. И если будут разгаданы все звенья этой новой, неожиданно созданной цепочки, тогда... О дальнейшем капитан не смел и думать, потому что домыслы в его работе, не подтвержденные доказательствами, могут привести к весьма неприятным последствиям...

Авторизованный перевод с украинского Веры БЕЛОВОЙ.

Продолжение следует.

ТАК БЛИЗКО ВСЕ И ДАЛЕКО

Александр ГОВОРОВ

СТЕПЬ

Так близко все и далеко́,
Что кажется,
Лишь руки вскинешь,
И тут же всей душою вскрикнешь,
И поплывешь себе легко,
Все по течению,
Все ввысь,
В пахучих и воздушных струях,
Лишь легкий жар
На крепких скулах —
Плыви,
Плывя,
Не шевелись.
То в синь,
То в желтизну суре́пью.
Когда ж вернусь к тебе, родной,
Так на тебя дохну я степью,
Что ты захочешь в степь со мной.
Захочешь
Так же далеко,
И так же руки в воздух вскинешь,
И так же
Всей душою вскрикнешь,
И поплывешь себе легко.

●

Милая, в звоне малиновом
Под мандолину вздохни.
Милая,
Видно, помиловал
Некто июньские дни.
Вдоль по легчайшей,
По лёгонькой,
Вольно летящей волне
Славной
Дошкольною лодочкой —
Все от меня и ко мне.
День и не день, тихо тающий.
Нежусь в скользящем тепле.
Вот и лечу,
Улетающий
Все от тебя и к тебе.
Милая,
Видно, помиловал
Некто июньские дни.
Милая, в зное малиновом
Под мандолину вздохни.

●

Одуванчики, отцветая, тают:
Как будто от зари до зари
Мальчишки в травах сидят
И выдувают
Мыльные пузыри.

●

О, как я легко по земле ходил,
Вспомню — и не тоскую.
Какую чашу другу налил,
И сам я испил такую.

За дружбу — и чаша моя пуста,
За дружбу — наполнена чаша,
За дружбу — и все с себя,
до креста,
И жизнь — до последнего часа.
Моя рука — крепка — прошу,
Ах, удало́й-уда́лый.
Большую обиду врагу прощу,
Друзьям не прощу и малой.
Какую чашу другу налил,
Такую испил я по кругу.
И будто я душу свою облегчил
Исповедью другу —
Не потому ль светлее грусть
Во время тяжких исканий?..
Глядишь — и легче нести мне груз
Желаний-воспоминаний...

●

Как рано светает теперь!
Сомкнуть не успеешь глаз.
Лишь только прикроешь дверь —
Распахиваешь тотчас.
На все голоса свисти,
Свети,
сенокосный июнь.
И от вечерней звезды —
До утренней только дунь.
Устал иль отдохнул,
Весь вышел
Или не весь?
Июнь подпирает июль
Стогами до синь-небес.
Лишь только прикроешь дверь,
Распахиваешь тотчас.
Сомкнуть не успеешь глаз —
Так рано светает теперь.

●

Если бы в порядке частном
Или же не частном
Испытала б жизнь богатством,
Властью и несчастьем,
То тогда б
При всем при этом
Можно подытожить:
Может быть он человеком
Или быть не может...

●

Тихо звезды качнулись в пруду,
Осторожно поплыли к осо́кам...

Я по улице Детства бреду,
Будто вовсе забрел ненароком.
А когда-то открыто ходил
И не вслушивался в каждый
шорох.
Вон, потрескивая, поплыл
Перепуганный полночью сполох
И рассыпался невдалеке,
Вновь крылами взмахнул, словно
кочет.
На зеленом своем языке
Старый сад что-то тихо бормочет.
Старый сад и тогда бормотал.
Сполох полночью всплыл...
Ну, да что там...
Я большую любовь промотал
И теперь вот остался банкротом.
Да раскаянье поздно принес.
Вот пришел
Попрощаться я с детством...
Снова сполох по небу пополз,
Полз,
пока не рассыпался с треском.

●

Никакая ни в чем не преграда,
Ветерки легки и тонки,
Светло-ивовая прохлада
В эти ливневые деньки.
Сенокос уже дышит рядом
В стоне ос,
В перезвоне кос.
Май под взглядом
Весь веет ладом,
Чуть откатываясь под откос.
Все доступно и все возможно,
И вдали, вон за тем бугром,
Погромыхивая осторожно,
Похохатывает гром.
Ах, да что же ты, зло,
не зачахнешь,
Что ж ты ластишься все к душе?..
И вздохнешь лишь
И тихо ахнешь:
— Мать честная, лето уже...

●

Еще и день на день похож
И не дошел до ручки.
Но зябко вздрагивает дрожь
От промелькнувшей тучки.
И все быстрей,
И все сильней
На птице оперенье,
И в небесах уже слышней
Тревожное паренье.
И как-то подобрался сад,
И стал какой-то тусклый.
И чаще вскидывашь взгляд
За каждой новой тучкой.

●

Сияй зеленым светом, лес,
И пламенем зеленым,
И славным излучайся весь
Нежнейшим перезвоном.
Мне не скучна,
Не холодна
Зеленая подсветка.
И не хлестнула ни одна
Нечаянная ветка.
О русский лес!
К тебе спеша,
Шагаю лишь погреться.
Добру открытая душа,
Отзывчивое сердце.
Хочу, чтоб все
Листки-сучки
Лишь зеленью курились,
И все твои лесовички
Лишь радостно светились.
И восклицали:
— Лес!
Лес!
Лес! —
Нежнейшее сиянье,
Души людской,
Лишь только здесь —
С душой лесной слиянье.

Селение мое милое,
А ты в нем —
Милее всех.
А лето летит малиновое
С малиновкою
Для утех.
У тех ли людей под радугою
Мы радостные живем.
И небо,
Громами подрагивая,
Подмаргивает дождем.
Я жизнь не сужу и не милую,
Но, следуя мерным годам,
О, милая...
Жизнь за милую,
За милую душу отдам.
Вон лето летит малиновое
С малиновкою
Для утех...
Селение мое милое,
А ты в нем —
Милее всех.

●

Лес колышется —
Весь, как катится.
Здесь мне слышится
Или кажется:
— Милый дедушка,—
Тянет девочка,—
Тучки сходятся —
Спать
хочется...
Внучку выслушал,
Кепкой вытерся:
— Сено высушим,
Вот и выспимся.
Что же с небушка,
Милый дедушка,
Только солнышко
И — ни облачка...
...Я невольное
Вспомнил давнее.
...Вот бы дальнюю
С громом молнию,
Чтобы дедушка
Крякнул:
— Деточка,
Тучки сходятся —
Спать
хочется...

●

Свет ли тихий, свет ли чистый,
Свет ли предвечерний.
След ли четкий,
След ли частый,
След ли предвесенний,—
Нет,
В глазах, родная, милых
Не кажусь я старым,
И еще как будто в силах,
И не стал усталым.
И еще свечу, летая,—
Очень иль не очень?
И еще лечу, не тая.

И еще не осень.
Что же мне сейчас нужнее?
Что же мне желанней?
В тихом свете грусть нежнее
И еще туманней.

•

Думай, сын мой, думай,
Ты не такой-сякой.
Думой не угрюмой
Душу отца успокой.
В жизненной круговерти
Жил я не то чтоб легко.
Мне далеко до смерти,
А может, недалеко.
Впрочем, о том не думай,
О жизни думай, сынок.
Вот и опять мне дунул
Из прошлого ветерок.
Сейся, северный, сейся,
Рассевайся, рассвет.
Засеверило у сердца —
И сердечности нет.
Горе,
Голод
И войны...
Услышать бы под конец
Мне от людей,
Что достойны
Друг друга — сын и отец.
Чтобы звенело в синь
Через года и стужу:
— Жили отец и сын
Просто — душа в душу.

БАЛЛАДА О МАМИНОМ ГОЛОСЕ

Пополам с песком баланда —
Прямо здесь
Помирать ложись.
Перекрученная баллада —
Вправо,
Влево,
Вниз
И ввысь.
Термос выжат, и ни капли
На язык не капнет воды.
Опустились руки,
Ослабли
От придвинувшейся беды.
К рассыпающемуся зною
Поворачиваюсь тяжело.
Пальцы судорогой сухою
Извивающейся свело.
И в сыпучих
И в сиплых стонах
Жизнь свою
Итожу плевком.
А на скрученных ладонях
Лишь дымок
С сыпучим песком.
Я застыл.
Не разогнуться.
Взгляд уперся в тот песок.
Я стою,
Боясь шевельнуться,—
Как бы
весь
Песком
не истек.
Вдруг ступлю
И себя обрушу,
Встанет холмик песка
На пути...
Но почувствовал —
Прямо в душу
Голос мамы толкнул:
— Иди!
Надо, сын мой любимый,
Надо,
Ну еще, мой сынок,
Продержись...
Перекрученная баллада,
Перемученная жизнь.
Я со страхом
Голову поднял,
В шаг
Все силы души вложив...
Я ощупал себя
И понял —
Не рассыпался,
Значит, жив.

ЗЛАЯ РЕКА

Скатываешься по Зее
Со смертью вперегонки.
Я не встречал злее,
Озлобленней реки.
Я не встречал такую,
Хотя не такое встречал.
Вот и стою, токую —
Как же я подкачал?
Плавал?
Конечно, плавал,
Водил я и смерть за нос.
Видно, не черт, а дьявол
На эту Зею занес.
За здорово не купишь
На Зее — злой реке.
И показал я кукиш
Дьяволу и тоске.
И все же не стал я злее
После злой реки.
Итак,
Лечу по Зее
Со смертью вперегонки.
Еще в перекатном громе
Вздохнул иль застонал.
...Я смерть на миг перегнал
И вытер о борт ладони.

•

Как сладко было пробужденье.
Я пробудился — и спасен.
Но льется, длится наважденье —
Так горек был минувший сон.
Оставленный тобой, своею,
Я, осужденный, возгласил:
— И просыпаться я не смею,
И жить превыше моих сил.
Печали бледными столпами
Просвечивали поутру.
— Не жди меня, не жги словами.
Еще хоть слово — и умру.
И словно смертный миг почуя,
Явилась, нежная, с небес.
И от земного поцелуя
Я вдруг, низверженный, воскрес.
И отмела я наважденье
И этот запредельный стон.

Как сладко было пробужденье,
Как горек был минувший сон.

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Ветер, ветер, ночь не месит,
Звездочки не по́лет.
Светел, светел ясный месяц
Во всем чистом поле.
Звездный свет, на землю сейся,
Как мельчайший дождик.
И легко, легко на сердце —
До сладчайшей дрожи.
Ночь плывет, светло вздыхая,
Тает ночь под взглядом.
Лишь тебя, моя родная,
Не хватает рядом.
Вот бы вдруг тебя я встретил —
Что же еще боле?
И с тобой пошел я, светел,
Во всем чистом поле.
Ветер, ветер, ночь не месит,
Звездочки не полет.
Светел, светел ясный месяц
Во всем чистом поле.

•

Ночь. И туман. И кони
Белые, как во сне.
Я подставлял ладони —
В ладони дышали мне.
Воздух клубился теплый,
Взвенивал костерок.
И среди них был мокрый,
Снежный стригунок.
Луг выплывал, расплывался.
Веял снами урман.
Волнами волновался,
Вольно волнуясь, туман.
Я подставлял ладони
Коням и тишине.
Ночь. И туман. И кони
Белые, как во сне.

ПО ВЕР

Сборник статей Вячеслава Горбачева «Сражается слово», направленность которого точно определяет его подзаголовок — «о гражданственности литературы», содержит много новых конкретных и теоретически аргументированных наблюдений над живым литературным процессом.

Анализируя произведения таких известных художников слова, как Л. Леонов, М. Алексеев, А. Иванов, А. Калинин, В. Чивилихин и другие, автор прослеживает их образную систему в единстве содержательности и художественности, идейного замысла и воплощения.

Скажем, рассматривая героическое содержание повести Леонида Леонова «Взятие Великошумска», В. Горбачев в анализе прибегает к идее самого Л. Леонова, както сказавшего о мастерстве, что «каждое произведение должно быть изобретением по форме и открытием по содержанию». Критик находит в неповторимых характерах героев повести — в мудром и мягком сердцем лейтенанте Собольскове, холодном и рассудительном Дыбке, мечтателе Васе Литовченко, талантливом поваре и певце Обрядине — то, что роднит их между собой: слияние с Родиной — Россией, которую «следует любить именно в непогоду, а при ясном-то солнышке она и всякому мила». Сказано неожиданно, верно и прекрасно.

Анализ «Взятия Великошумска» позволил критику не только установить его созвучие духовно-нравственным исканиям новых поколений, но и подтвердить бесплодность ведущихся и по сей день в литературе споров об «окопной» и «глобусной» правде, о том, что важнее: роман-событие или роман-судьба? Заслуживают внимания плодотворные раздумья критика о памятнике героического

Вячеслав Горбачев. Сражается слово. М., «Современник», 1982 г., 367 с.

К 450-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИШЕЛЯ де МОНТЕНЯ

НАУКА САМОПОЗНАНИЯ

Осенью 1835 года Пушкин писал жене из Михайловского: «...Пришли мне, если можно, Essais de M. Montaigne — 4 синих книги на длинных моих полках». Речь шла о знаменитых «Опытах» Монтеня, и не случайно Пушкину, пребывавшему тогда в угнетенном состоянии духа, понадобилась для отвлечения от грустных дум, для утешения именно эта книга.

Ее автор Мишель де Монтень родился в 1533 году в родовом замке в Перигоре на юге Франции. «Я происхожу из рода, который струился из поколения в поколение без блеска и без треволнений и испокон века был горд главным образом своею порядочностью». Склонный к весьма низкой самооценке, полагавший, что пишет «для немногих и на немногие годы», Монтень не думал, что своими «Опытами» прославит не только свой род, но и всю Францию, что блеск его славы не померкнет в течение веков. Что же касается треволнений, то на долю самого Монтеня их выпало предостаточно, ибо сознательная его жизнь пришлась на вторую половину XVI века (он умер в 1592 году), когда Францию непрерывно потрясали так называемые гугенотские, а в сущности, гражданские войны, изобиловавшие такой жестокостью, что, по словам Монтеня, «в старинных летописях мы не найдем рассказов о более страшных вещах, чем те, что творятся сейчас у нас повседневно».

И вот в это смутное время, в эту страшную эпоху он вопреки всему своей жизнью и творчеством утверждает гуманистические идеалы, порицая насилие и жестокость по отношению ко всему живому. «...Существует долг гуманности и известное обязательство щадить не только животных, наделенных жизнью и способностью чувствовать, но даже деревья и растения. Мы обязаны быть справедливыми по отношению к другим людям и проявлять милосердие и доброжелательность ко всем другим созданиям, достойным этого. Между нами и ими существует какая-то

НОМУ КОМПАСУ

прошлого, порожденные пафосом нашего времени: «...сегодня нельзя уже не признать, что и философия, определенное мировоззрение, будучи достоянием народов, становится его оружием. Оно — в силе народного духа, в крепости нравственных убеждений и моральных устоев, в миросозерцании. Все это, вместе взятое, становится истоком массового героизма, дает человеку силы на подвиг, на самопожертвование при защите родного очага, родной земли, дает наконец право на бессмертие — когда подвиги совершаются во имя живых и грядущих поколений, только для того, в сущности, чтобы они жили в мире, счастливо и справедливо».

Именно подобная историко-литературная точка зрения на современные произведения придает книге В. Горбачева широкую проблемность. В свете шолоховско-леоновского опыта ярче выступают и достижения А. Калинина, М. Алексеева, А. Иванова и других писателей, в творчестве которых продолжает жить «эхо войны». Так, традиции леоновской прозы выявляет автор, рассматривая совмещение в романе А. Калинина «Суровое поле» двух временных пластов, аналитически подтверждая внутреннюю, духовную близость калининского Андрея Сошникова и героя рассказа М. Шолохова «Судьба человека» Андрея Соколова.

Дальнейшее развитие традиций советской литературы, характерное постижением неразрывной связи событий исторического масштаба с судьбами героев, простых людей из народа, справедливо видит В. Горбачев в творчестве Михаила Алексеева. Интересны наблюдения критика над женскими образами в романе «Ивушка неплакучая», охватывающем десятилетия военной и послевоенной жизни.

Обращаясь к художественному миру повести А. Иванова «Вражда», автор как бы раскрывает вновь перед нами страницы этого остроконфликтного произведения, глубоко обнажая те драматические приемы, которые использует А. Иванов для изображения непомерных военных тягот, сгибавших женские плечи.

Уверенное сочетание практического анализа художественного текста с теоретическими обобщениями — примечательная сторона книги В. Горбачева. Автор не боится в необходимых случаях напомнить сюжет повести или романа, акцентировать внимание на содержании и смысле эпизода, сцены, диалога и в то же время интересно и глубоко рассуждает о самых различных аспектах литературного творчества.

В. Горбачев обоснованно утверждает, что принципы социалистического реализма остаются основополагающими в творчестве крупных писателей. В качестве примера творческого постоянства в изображении героических характеров рабочих людей он рассматривает книги Андрея Блинова, опираясь на справедливые слова самого писателя: «Ни в чем другом не раскрывается человек так полно и глубоко, как в работе, в отношении к ней... Меня давно и страстно волнует одна человеческая проблема... Это открытие в человеке его таланта и создание таких условий, при которых он мог бы проявиться во всем своем блеске».

И не потому ли так глубок разговор о поэте В. Фирсове, за чьими стихами всегда стоят переживания современников, радость и боль родной земли.

Прав критик, говоря, что истинной поэзии свойственна подлинность чувств, совпадающих с чувствами народа.

Отсюда и закономерное требование к поэзии вообще: содержанием ее должен быть творчески преображенный жизненный порыв, достойный всенародного внимания. В таком контексте сопоставление произведений современных поэтов с творчеством М. Исаковского и А. Твардовского вполне оправданно, ибо речь идет об общих народных истоках поэтических талантов.

Внимательно анализирует В. Горбачев публицистические жанры как в прозе, так и в поэзии. В постановлении ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» говорится: «ЦК КПСС обращает внимание Союза писателей СССР, республиканских союзов, редколлегий журналов на необходимость и впредь развивать художественную публицистику». В свете этого важного партийного документа представляется целесообразным обращение автора сборника к жанру современного очерка. Горбачев интересно рассматривает работу очеркиста Юрия Грибова. Статья об очерковой повести «Сороковой • оор» может служить хорошим примером публицистической критики. Автор естественно входит в круг интересов писателя, выступающего в защиту природы и прославляющего тех героев, которые с риском для собственной жизни ее охраняют (егеря Моисеев, Беляев).

И если добавить еще, что в рецензируемый сборник органически вписывается емкая статья о современных литературах народов Российской Федерации «Черты эпохи», где анализируются романы якута Софрона Данилова и хакаса Николая Доможакова, «Языческая поэма» мансийца Ювана Шесталова, стихотворения татарского поэта Сибгата Хакима, то актуальность и критическая ценность новой работы В. Горбачева предстают с очевидной ясностью.

А. ВЛАСЕНКО

связь, какие-то взаимные обязательства».

Монтень приступил к созданию «Опытов» в возрасте 39 лет, то есть в том самом 1572 году, который ознаменовался печально знаменитой Варфоломеевской ночью. Однако вовсе не политические и социальные катаклизмы стали предметом внимания и изучения Монтеня, хотя он не стоял в стороне от злободневных событий своего времени, будучи одно время членом бордоского парламента, а затем и мэром Бордо. «Некоторые уговаривают меня описать события моего времени,— пишет Монтень,— они основываются на том, что мой взор менее затуманен страстями, чем чей бы то ни было, а также что я ближе к этим событиям, чем кто-либо другой, ибо судьба доставила мне возможность общаться с вождями различных партий». Однако Монтеня вовсе не привлекало занятие подобного рода. Свое призвание он усматривает совсем в другом: в свободной форме, искренне и непринужденно говорить о том, что ему доподлинно известно. Занимало же его «изучение наших нравов и побуждений», а где, как не в самом себе, можно с этой целью черпать материал, в достоверности которого автор может быть уверен? Поэтому Монтень пишет книгу о себе самом: «...Я здесь откровенно рассказываю, насколько позволяет благопристойность, о моих склонностях и пристрастиях... я сказал обо всем или, по крайней мере, всего коснулся».

На страницах «Опытов» Монтень рассуждает о жизни и смерти, о любви и дружбе, о суетности и тщеславии, о добродетели и лживости, словом, обо всем, с чем неизбежно сталкивается каждый человек. Его собственные мысли перемежаются цитатами из Плутарха и Сенеки, Платона и Тацита, Аристотеля и Блаженного Августина. Монтень вовсе не выставляет напоказ свою ученость, он отдает дань установившейся традиции и хоть и выступает порой в «заимствованных уборах», тем не менее не позволяет, «чтобы они заслоняли и скрывали» его самого. С присущей ему откровенностью он признается: «...Сам я нередко черпаю отнюдь не из первоисточника». Стилю Монтеня не свойственна броская афористичность, и еще поэтому он часто обращается к древним, удачно сумевшим выразить то, что он чувствует. Но вот образец его собственных суждений: «Страдание, наслаждение, любовь, ненависть — вот первые ощущения, доступные ребенку. Если со вступлением разума в свои права эти чувства подчиняются ему, возникает то, что мы именуем добродетелью».

Изучая людские пороки и добродетели, Монтень все время помнит о том, что человек — существо сложное, противоречивое, переменчивое. Поэтому ко всяким крайностям он относится недоверчиво: «Я нахожу, что души возвышенные не меньше способны на низменные дела, чем низкие — на возвышенные». То же и с героическими проявлениями: они, конечно, достойны уважения, но гораздо больше ценности в устойчивой добродетели, проявляющейся в повседневной, обыденной жизни. Примеры такой устойчивой добро-

детели Монтень чаще всего встречает у простых людей, которых он любит всем сердцем, и у великих мудрецов, воспитавших свою добродетель сознательными и непрестанными усилиями. Его восхищение вызывает Сократ, который «ценит, как должно, плотское наслаждение, но предпочитает духовное, ибо в нем больше силы, постоянства, легкости, разнообразия, благородства». Это близко Монтеню, человеку по природе уравновешенному, склонному к умеренности, однако чуждому аскетизма: «Мне, преданному земной жизни, враждебна бесчеловечная мудрость, стремящаяся заставить нас презирать и ненавидеть заботу о своем теле».

Но высшее наслаждение Монтень находит в содружестве, основанном на исключительной духовной близости и не имеющем ничего общего с обычными дружескими связями. Четыре года его жизни были отмечены такой идеальной, возвышенной дружбой с поэтом Э. Ла Боэси, умершим в 1563 году. Собственно, поиски друга — это, быть может, главная цель его книги: «Помимо пользы, которую я для себя извлекаю, описывая самого себя, я также ласкаю себя надеждой, что, если моим нравам и взглядам еще при моей жизни доведется прийтись по душе какому-нибудь порядочному и достойному человеку, он не преминет меня разыскать».

Чтение Монтеня — истинное наслаждение, доставляемое общением с человеком «нерушимой ясности духа», мудрым и непосредственным, образованным и наивным, доброжелательным и ироничным и никогда не скучным. Бесчисленные читатели «Опытов» обретают в нем друга, узнавая в его достоинствах и недостатках — присущие им и в его взглядах — свои собственные. Недаром замечал великий соотечественник Монтеня Паскаль: «Во мне, а не в писаниях Монтеня содержится все, что я в них вычитываю».

Н. БЕЛОВА

РАСТИ БЫСТРЕЕ, «СЕВЕРЯНКА»

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
фото Михаила САВИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Впервые я увидел новую домну еще в Ленинграде. А если точнее — в подвале института «Ленгипромез», где расположена его макетная мастерская. Даже незавершенный тогда макет вызывал удивление своей монументальностью. И легко верилось, что в натуре эта махина вознесется почти на высоту Исаакиевского собора.

«Ленгипромез» — «крестный отец» одного из крупнейших центров черной металлургии европейского Севера — Череповецкого ордена Ленина металлургического завода имени 50-летия СССР. Именно ленинградцы начинали и продолжают проектирование всех основных объектов знаменитой Северной Магнитки.

Вот и новой, уже пятой по счету доменной печи предстоит стать уникальным явлением в мировой металлургии. И не только потому, что своим объемом — 5500 кубических метров! — она превзойдет все существующие ныне. Важнее, пожалуй, другое — «пятерка» несравненно совершеннее предшественниц в техническом отношении, значительно превосходит их по уровню механизации и автоматизации.

— Ее производительность будет равна производительности третьей и четвертой печей, вместе взятых,— подчеркивает главный инженер проекта В. А. Теплухин.— Пуск только первой очереди комплекса даст народному хозяйству три с половиной миллиона тонн чугуна ежегодно — этого металла хватит более чем на триста тысяч тракторов.

...После разговора засела в голове именно эта взятая для сравнения цифра — 300 тысяч тракторов. Вспомните, Ленин мечтал хотя бы о ста тысячах.

Она под стать огромному стальному городу, внезапно возникающему из тишины вологодских лесов. Глядишь в темное вагонное окно, и, наверное, по контрасту под перестук колес всплывают вдруг в памяти строки:

О милый, тихий городок,
Мой старый верный друг,
Я изменить тебе не мог
И, убежав от всех тревог,
В тебя въезжаю вдруг!..
. . . .
И не окрестности твои ль,
Что спят в березняке,
И солнцесвет и лунопыль
Моих стихов сковали стиль,
Гремящих вдалеке?

Это написал в начале века Игорь Северянин — выпускник местного реального училища.

Собственно, сам Череповец и сейчас уютен, ухожен и довольно тих. Но всего несколько остановок от центра на автобусе, трамвае, и начинается тот многокилометровый стальной город, что вошел в нашу историю под самостоятельным звонким именем Северная Магнитка.

В нем множество улиц, переулков, проездов, но совсем нет площадей. Тесно соседствуют друг с другом цеха — на счету буквально каждый метр территории,— и потому сооружение «пятерки» поставило перед специалистами всесоюзного объединения «Череповецметаллургхимстрой» очень сложную проблему — аккуратно вписать гигантскую домну в рамки уже существующего производства.

— Да, стройплощадка на этот раз нам досталась миниатюрная,— говорит секретарь парткома объединения Н. Н. Михеев.— Хотя, с другой стороны, все объекты комплекса раскинутся на двенадцати километрах. Это и мощная ТЭЦ с двухсотпятидесятиметровой трубой, и приемно-складской комплекс, и огромные галереи, по которым будет подаваться сырье... В условиях действующего предприятия ввод каждого участка сопряжен с немалыми трудностями. Приходится экспериментировать, иногда рисковать, в разумных, конечно, пределах. Одним словом, действовать творчески. Приятно отметить ведущую роль коммунистов, смело принимающих на себя ответственность в самых сложных ситуациях.

Свидетелем одного из экспериментов мне довелось стать на галерее номер сорок девять. Если упрощенно, то ее можно сравнить с тоннелем метро, проложенным на высоте нескольких метров над заводской территорией. Чтобы ускорить его прокладку, один из блоков галереи был собран на земле. Его длина — 72 метра, вес — 270 тонн. И вот такую негабаритную тяжесть впервые в практике строительства потребовалось не просто поднять на нужную высоту, но еще и передвинуть на шесть метров до места монтажа.

По команде бригадира коммуниста Г. Вдовина машинисты кранов С. Басков, Е. Цветков, Н. Иванов, Л. Красильников осторожно приступили к ювелирной операции: сначала две передние машины продвигались на метр вперед, затем к ним осторожно подтягивались задние.

«Отличная стыковка»,— прокомментировал операцию кто-то из присутствующих. И этот космический термин был вполне уместен: передовая бригада особо гордится, что в числе многих ее наград есть и почетный диплом отряда космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Возведение супердомны потребовало от строителей многих нестандартных технических решений. Но еще в большей степени — совершенствования организации труда, повышения личной ответственности каждого за всесоюзно важное дело. С дисциплины и начался наш разговор с Героем Социалистического Труда бригадиром монтажников Е. Т. Валуевым.

Евгений Трофимович — руководитель комсомольско-молодежной бригады. Право, никак не поверишь, что рядом с ним трудится уже двадцатитрехлетний сын Владислав. Бывший воин-десантник, бригадир сухощав, строен, подтянут и красив мужественной красотой человека, привычного к риску и высотам.

Валуев набирает в бригаду мальчишек — после ПТУ, школы. И буквально увлекает их своим азартом, смелостью. И не случайно, отслужив в армии, вернулись в бригаду Анатолий Буров и Василий Иванов, не спешат расстаться с ней уже получившие среднее специальное образование Сергей Рябцев и Виктор Гуртякин.

У череповецких монтажников свой почерк. Их школу ценят особо, приглашая нередко на самые сложные объекты. И город гордится их славой. Сам Валуев монтировал в Зуле (ГДР) спортивный комплекс. Но, конечно, больше всего путешествует молодежная бригада по родной вологодской земле. Загружают в машину снаряжение, рюкзаки (а Владислав возит с собой даже штангу) и отправляются в командировки — ставить телевизионные вышки и прочие высотные объекты. Кочевую жизнь свою организуют на военный лад — сами кашеварят, убирают отведенное помещение. Валуев, имеющий, по единодушному мнению бригады, особые кулинарные способности, угощает ребят праздничными воскресными обедами.

Мы говорили с Валуевым о дисциплине — дисциплине производственных взаимоотношений, крепко связавших всех — от подсобника до министра — в единую «технологическую» цепочку.

— Могли бы мы сейчас работать быстрее?— спрашивал Евгений Трофимович. И сам же решительно отвечал: — Могли бы! Да подводят с металлоконструкциями челябинцы — недодали примерно тысячу тонн. Хотя формально, по валу, план поставок выполнили. А по сути? Ну зачем нам сейчас конструкции для верхней части домны, когда для нижней почти ничего нет? Наш дом с крыши не построишь, к облакам надо снизу подбираться. А мы чужими промашками по рукам и ногам связаны.

Разговор этот проходил под аккомпанемент легкой поземки, тонко посвистывавшей в тросах окруживших стройплощадку кранов. Вспомнилось: а ведь еще минувшей весной, при солнышке, обращались строители, руководители передовых коллективов к труженикам заводов-изготовителей с просьбой ускорить поставку металлоконструкций. Нельзя сказать, чтобы она не была услышана. Но неувязки вроде той, на которую сетовал Валуев, все же дают себя знать. Конечно, ребята у него орлы — спору нет, доказывали это не раз. И появится сталь — нажмут, наверстают все поневоле упущенное, да еще и вперед уйдут.

Однако это уже сложившийся, спаянный коллектив. Хуже, когда в подобные авральные условия попадают парни необстрелянные. А такое бывает.

В связи с этим вспоминается добрый опыт ленинградских комсомольцев, не спешащих посылать новичков на комсомольские стройки. Сначала — в течение нескольких месяцев — они проходят проверку на стройках области. И лишь лучшие, те, кто сдал экзамен на профессиональную, моральную зрелость, получают право поехать, например, на БАМ.

...В напряженных социалистических обязательствах строителей Северной Магнитки на нынешний год комплекс «пятерки» занимает особо важное место. Намечено, в частности, к 25 декабря смонтировать кожух доменной печи и сдать его под огнеупорные работы, пустить в действие электровоздуходувную станцию, что позволит увеличить выпуск чугуна на действующих мощностях. Заметные перемены происходят на маленькой, стиснутой старыми корпусами стройплощадке, где возводится домна.

Стройка набирает темп. И, несмотря на все сложности, здесь царит хороший, деловой настрой.

— Курс партии на укрепление трудовой дисциплины, повышение личной ответственности каждого мы, рабочие, одобряем и поддерживаем полностью,— заметил, прощаясь, Валуев.— Давно пора взяться за разгильдяев всех мастей. Нашему общему делу от этого только польза. Ну, а цель у строителей сейчас одна: видите, вон там наверху ребята закрепили плакат «Расти быстрее, «Северянка»!. Точнее не скажешь...

Они строят доменную печь № 5 * База отдыха строителей.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Трубопроводы новой домны * Герой Социалистического Труда, бригадир комсомольско-молодежного коллектива монтажников Евгений Трофимович Валуев и его сын Владислав * Работа на строительстве идет в две смены.

ЗАПАДНЯ НА ПОТОМАКЕ

С. ЛОСЕВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДАЛЛАС В УОТЕРГЕЙТСКОМ ЗЕРКАЛЕ

В 1975 году, когда Говард Хант отбывал тюремное наказание за уотергейтские прегрешения, американские газеты опубликовали текст письма, которое он получил еще 12 лет назад. Воспроизведем его дословно: «Дорогой мистер Хант. Меня интересует информация относительно моего положения. Я прошу только об информации. Я прошу, чтобы мы обсудили вопрос полностью, прежде чем я или кто-либо еще предпримем шаги. Благодарю Вас, Ли Харви Освальд».

В подписавшем сие короткое послание нетрудно узнать того самого Ли Харви Освальда, который был обвинен в убийстве президента Джона Кеннеди и который был сам убит два дня спустя Джеком Руби. Письмо датировано 8 ноября 1963 года — до покушения на президента в Далласе оставалось две недели.

Безусловно, любопытнейший документ. Он был передан в печать тремя американскими независимыми расследователями преступления века, получившими его по почте от анонимного «уислблоуэра». Графологи подтвердили: письмо написано рукой Освальда. Хант, как и следовало ожидать, отрицал, что письмо было адресовано ему.

...Осенью 1963 года Хант находился неподалеку от техасского города Даллас в соседней Мексике, где он, как утверждает его биограф Тэд Шульц, в течение двух месяцев исполнял обязанности резидента ЦРУ. Хант это тоже отрицал. В столицу Мексики город Мехико в тот период из Нового Орлеана приезжал якобы Освальд для получения виз на Кубу и в Советский Союз. Окружному прокурору Нового Орлеана Джиму Гаррисону стало известно, что в ЦРУ имеется фотоснимок, на котором Хант запечатлен с Освальдом. ЦРУ и это отрицает. В резидентуре ЦРУ в Мексике работал Дэвид Филлипс — друг Ханта. Вместе они участвовали в организации кровавого переворота в Гватемале в 1954 году и вторжении на Кубу в 1961-м. На некоторые операции, как стало известно специальной комиссии конгресса, расследовавшей убийство Джона Кеннеди, Филлипс и Хант выходили под кодовыми обозначениями, взятыми из шахмат,— соответственно «слон» и «конь». Как и «коня», «слона» также видели в компании с Освальдом. Это отрицается Филлипсом. Независимые расследователи утверждают, что в Новом Орлеане в доме № 544 по улице Кэмп, где находилось «гнездо» ЦРУ и различные кубинские контрреволюционные организации и где бывал Освальд, у Ханта был кабинет.

Но все эти следы от Ханта к Освальду и к преступлению века в Далласе были установлены лишь после того, как наш герой вышел из тьмы неизвестности, в которой он пребывал до 1972 года, и сумел скандально прославиться благодаря уотергейтской ловушке.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—8.

На Ханта пало подозрение, что 22 ноября 1963 года он находился в районе далласской площади Дили-плаза в момент, когда был убит Кеннеди. В 1974 году журналисты задавали ему вопрос, что он делал в тот день и час. Вначале он говорил, что был где-то в Вашингтоне, но где, не может припомнить. Затем он припомнил: у него был ленч с сотрудниками ЦРУ и Пентагона, но теперь те не могли вспомнить такого события. 22 ноября его не было в центральной штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли под Вашингтоном. Согласно справке ЦРУ, он отсутствовал «ввиду, вероятно (?!), отпуска по болезни». Наконец, Хант заявил, что был дома с женой и смотрел телевизор.

Через несколько минут после того, как прозвучали выстрелы на Дили-плаза, на соседней сортировочной станции диспетчеру Лео Бауэрсу показалось, что какой-то человек шмыгнул в товарный поезд. Он остановил этот порожняк и вызвал полицию, которая сняла с поезда трех мужчин. По словам Бауэрса, они разыгрывали из себя испуганных «алкашей». В доклад Комиссии Уоррена они вошли под наименованием «бродяги».

Свидетели видели, что по направлению к железнодорожным путям убегали люди от травянистого бугра, где, как установили в 1978 году эксперты-акустики, прятался убийца, стрелявший в Кеннеди спереди[1]. В ту же сторону побежал неизвестный человек, выскочивший из двери черного хода склада школьных учебников через минуту после выстрелов. О нем пытался дать подробные показания свидетель Джеймс Уоррел. Но Комиссия Уоррена не захотела слушать его.

Бауэрс и Уоррел рассматривались независимыми расследователями как одни из наиболее ценных свидетелей. В ноябре 1966 года Уоррел погиб в автокатастрофе. Тремя месяцами раньше Бауэрс разбился, врезавшись на автомобиле в бетонный борт моста. Зная, каким прекрасным здоровьем обладал диспетчер, его врач промолвил: «Никогда не встречался с таким случаем — бедняга был в каком-то шоковом состоянии». Эти два свидетеля были опасны тем, что Уоррел, например, мог бы опознать в одном из «бродяг» человека, выбежавшего из задней двери склада учебников. Бауэрс хорошо запомнил всех троих.

Поразительная вещь: в тот день полиция и ФБР составили картотеку почти на 130 свидетелей преступления века, с фамилиями, адресами, телефонами. Но никаких данных о «бродягах», если верить блюстителям порядка, зафиксировано не было.

Их сдали начальнику уголовного розыска далласской полиции капитану Фритцу. Спустя много лет на вопрос журналистов, куда он их дел, Фритц ответил, что «бродяг» ему якобы не передавали и что «о них известно только ФБР». Бывший начальник уголовного розыска далласской полиции выглядел явно напуганным, когда ему задавали, казалось бы, самые невинные вопросы о «бродягах-алкашах».

И все же сохранились следы их пребывания в Далласе. Да еще какие! Фотокорреспондент одной из далласских газет сделал снимки «бродяг», конвоируемых полицейскими.

Комиссия Уоррена не проявила к ним никакого интереса, поскольку запечатленных на них людей «никто не знал».

Иным было отношение к снимкам у новоорлеанского прокурора Джима Гаррисона. «Через несколько минут после убийства Кеннеди,— пишет он в своей книге «Каменное наследство»,— несколько человек были арестованы далласской полицией за травянистым бугром. Были сделаны фотоснимки этих людей, конвоируемых полицейскими в здание суда и тюрьмы графства (где находился капитан Фритц.— **Прим. авт.**), но, несмотря на это, официальная версия гласит, что, кроме Ли Харви Освальда, никто в тот день вблизи от места убийства не был арестован. На самом деле было арестовано по меньшей мере девять человек. За исключением одного, все они были потихоньку отпущены после ареста Освальда. Но даже после убийства Освальда долгое время в тюрьме содержался девятый человек на предмет возможного расследования далласскими властями убийства президента. Его личность не раскрывается».

Именно в момент, когда в середине 1967 года новоорлеанский прокурор Джим Гаррисон начал розыск «бродяг», ЦРУ предприняло концентрированные усилия, чтобы сорвать это следствие.

В этом плане довольно подозрительно выглядят действия одного из создателей «Национального комитета по расследованию убийств», инженера Ричарда Э. Спрейга. Он был известным специалистом в области компьютерной техники, преуспевающим бизнесменом, создавшим после работы в военном концерне «Нортроп Эйркрафт» свою собственную компанию «Компьютер рисерч корпорейшн». Он занимал видные посты в тесно связанных с Пентагоном и ЦРУ ассоциациях бизнесменов, ученых, юристов, представляющих интересы электронной промышленности. С 1964 по 1970 год Спрейг руководил компьютерным анализом фото- и кинодокументов, связанных с убийством президента Кеннеди.

Но вот именно на участке расследования, связанном с «бродягами», Ричард Э. Спрейг проявил себя крайне странно. Он убедил новоорлеанского прокурора Гаррисона, что самый высокий «бродяга» — не кто иной, как Юджин Брэдли, член клерикальной консервативной организации с центром деятельности в Калифорнии. Гаррисон потребовал выдачи Брэдли, тот был арестован калифорнийской полицией и прислан ему. Это был полный конфуз; ничего общего во внешности «бродяги» и Брэдли не было. Комментирует происшедшее независимый расследователь, филадельфийский адвокат Винсент Саландриа, находившийся в Новом Орлеане и бывший доверенным лицом Гаррисона;

— Спрейг хитер, и он один из них. Великан Джим Гаррисон допустил страшный просчет. Он поверил Спрейгу в отношении Брэдли... Спрейг — это яд... Он первым вытащил на свет Брэдли.

Кого усиленно укрывало ЦРУ с помощью подставного «Брэдли»? Сейчас подозревают, что высоким «бродягой» был подручный Ханта Фрэнк Стэржис.

Не будем рассказывать о сложных перипетиях, окружающих всю возню вокруг Брэдли и вокруг появления подозрительных «свидетелей», среди которых были... кубинские контрреволюционеры, подручные Говарда Ханта. Достаточно сказать, что люди Спрейга убедили Гаррисона и в идентичности еще одного

[1] Комиссия Уоррена утверждала, что в Кеннеди стрелял только Освальд сзади и сверху, находясь в здании склада школьных учебников.

Этажи нового Череповца.

«бродяги», шедшего последним, и в котором подозревают сейчас Говарда Ханта, с неким Фредом Ли Крисманом, который, услышав об обвинении его Гаррисоном, «добровольно» прибыл из западного штата Вашингтон в Новый Орлеан. Это был также ультрареакционер. Никакого сходства между «бродягой» и Крисманом! Именно с этого момента расследование Гаррисона пошло под откос, вернее, было пущено под откос. В 1969 году он его прекратил. Какой напрашивается вывод из двух эпизодов, подстроенных «чернейшими умами»? Один-единственный: в ЦРУ как огня боялись, что Гаррисон отыщет истинных «бродяг». Были и другие «подножки» со стороны Лэнгли, подставленные смелому и независимому прокурору. В интервью с одним из авторов этого рассказа, данном в Новом Орлеане в начале 1969 года, Гаррисон промолвил: «Оглядываясь на прошлое, я понял, наконец, как наивен я был два года назад, начиная расследование. Я не представлял себе, какую власть имеет ЦРУ в этой стране...».

И вот в октябре 1973 года Гаррисон выдвинул гипотезу, что арестованные по уотергейтскому делу кубинцы были участниками преступления в Далласе. Он хотел бы возобновить следствие, однако не имел права. В ноябре 1972 года, когда сидевший в тюрьме Говард Хант стал проявлять первые признаки того, что в основе его шантажа могла лежать его причастность к далласскому преступлению, когда спасавшие шкуру его кубинские подручные могли вот-вот заговорить, Верховный суд США неожиданно и без каких-либо мотивов вынес решение, запрещающее окружному прокурору Гаррисону продолжать расследование обстоятельств убийства Джона Кеннеди.

Эстафету прокурора Гаррисона подхватили, если можно так выразиться, независимые расследователи Майкл Кэнфилд и Алан Уэберман. Они сконцентрировались на выяснении личности трех «бродяг». Результатом их исследования явилась книга «Государственный переворот в Америке. ЦРУ и убийство Джона Ф. Кеннеди». Кэнфилд был издателем и редактором газет в штатах Висконсин и Флорида, в избирательной кампании 1972 года возглавлял группу художников и фотографов, обслуживавших кандидата в президенты от демократической партии сенатора Дж. Макговерна. Уэберман занимался макрекерством, был литературным критиком.

Для опознания «бродяг» они применили метод фотографического сопоставления, используемый полицией и судебно-медицинскими экспертами в США и других странах. Для этого они подбирали такие фотоснимки Говарда Ханта (их было немало во время уотергейтского процесса), которые соответствовали бы углам съемки, произведенной далласским фотокорреспондентом. Сравнение деталей лица выявило «почти совершенное совпадение». У Ханта есть привычка не закрывать полностью рот, и это подтверждают снимки. Тождественна также конфигурация ушной раковины, она и у «бродяги» и у Ханта вогнутого типа.

Кэнфилд и Уэберман выезжали в Даллас, произвели измерения стены из орнаментального кирпича, на фоне которой были засняты «бродяги», и установили полное совпадение роста Ханта и третьего «бродяги» (5 футов 8 дюймов) и роста Стэржиса и самого высокого «бродяги» (6 футов).

При сравнении Стэржиса с самым высоким «бродягой» Кэнфилд и Уэберман выявили сходство всех основных деталей лица и ушной раковины. В частности, идентичен хрящ ушной раковины, имеющий всегда индивидуальные размер и конфигурацию. Линия рта отстоит на одинаковом удалении от всех других деталей лица. Совпадают по размеру и конфигурации ноздри.

Расследователи установили, что к одному из далласских снимков прикасалась рука неизвестного ретушера. У Ханта слегка видоизменена конфигурация ушной раковины, положена тень на щеку. Были и другие мелкие подделки, но тот, кто фальсифицировал снимок, допустил промашку: не привел в точное соответствие со своей работой другой фотоснимок одного и того же фотокорреспондента. Когда Кэнфилд и Уэберман решили выяснить у этого фотокорреспондента, кто мог отретушировать его снимок, они узнали, что тот неожиданно умер от разрыва сердца.

«Ремонтник» Фрэнк Стэржис раньше был Фрэнком Фиорини, но в 1963 году сменил фамилию. Судя по всему, он выбрал новую фамилию по имени главного героя романа Ханта «Трасса на Бимини», Хэнка Стэржиса, в прошлом морского пехотинца, а теперь — игрока, наемника, убийцы, шпиона.

Во время второй мировой войны Фиорини-Стэржис действительно служил морским пехотинцем, а после демобилизации, меняя профессии (полицейский-мотоциклист, бармен, управляющий ночного клуба и пр.), объездил все восточное побережье США (Норфольк, Вирджиния-бич, Вашингтон, Майами). В 1949 году он вновь вербуется в армию, служит в Западной Европе, Латинской Америке. В 1953 году, покинув вооруженные силы, Фиорини женится на кубинке из майамского ночного клуба и вскоре начинает работать на бывшего кубинского президента Прио, рассчитывавшего свергнуть Батисту и вернуться к власти.

Он много бывает и живет на Кубе, стремясь обзавестись широкими знакомствами и связями, налаживает контакты с американской и кубинской мафией в Гаване.

Там, в казино «Тропикана», состоялось знакомство Фрэнка Фиорини с Джеком Руби, преступником, выполнявшим на Кубе задание Национального синдиката преступности. Фиорини знался также с руководителями синдиката братьями Ланскими, Траффиканте, Джанкана, Террини и другими мафиози, которые быстро догадались, что имеют дело с американским разведчиком. В то время Фиорини начал получать «контракты» на работу от ЦРУ, среди его непосредственных работодателей был и Говард Хант.

Считается, что в 1960 году Хант первым в ЦРУ выдвинул идею убийства Фиделя Кастро. Узнав об этом, Фиорини предлагает лично совершить террористический акт. Но заговор не удается, и вскоре он бежит с Кубы. В конце 1960 года Стэржис создает «Международную антикоммунистическую бригаду». Среди источников ее финансирования назывались и бывшие владельцы кубинских казино и отелей. Задачей бригады было создание контрреволюционного подполья на острове Свободы, одной из целей которого было убийство Фиделя Кастро. Люди и боеприпасы забрасывались с секретной базы на Багамских островах. Нередко самолеты «В-26» водил сам Фрэнк Фиорини, который был отличным пилотом.

После провала вторжения в Заливе свиней в «Международную антикоммунистическую бригаду» Фиорини вливается организация, существовавшая также на деньги бывших владельцев кубинских казино и отелей,— «Международная группа проникновения», или сокращенно «Интерпен».

Правительство США в общем и целом закрывало глаза на бандитскую деятельность головорезов Фиорини и других лидеров контрреволюции. Реальные факты свидетельствуют о том, что Джон Кеннеди ненавидел революционную Кубу и хотел ее удушения. Версия новоорлеанского прокурора Джима Гаррисона, согласно которой одной из основных причин смерти Кеннеди было его стремление нормализовать отношения с Кубой, выглядит поэтому несколько упрощенной. Конечно же, в отличие от твердолобых американских ультра президент как реалист допускал возможность определенных здравых изменений в американской политике. Но модификации вносились не под влиянием личных убеждений и симпатий Джона Кеннеди, а диктовались прежде всего жизненной прочностью кубинского революционного строя и наличием у Кубы верного и надежного друга в лице Советского Союза.

Отдельные ведомства и органы федеральной исполнительной власти опасались, однако, что предоставление эмигрантским военизированным организациям полной свободы действий может обернуться против самих США. Поэтому по приказам из Вашингтона федеральные агенты во Флориде и Луизиане позволяли себе нагрянуть к ним без приглашения и взять под арест того или иного налетчика. После жалоб Англии и других стран на бандитские нападения контрреволюционеров на их торговые суда, подходившие к Кубе, государственный департамент был вынужден принять некоторые меры по пресечению наиболее опасных налетов. Предупреждение получил и Фиорини, его даже ненадолго арестовали. Видимо, не всем флоридским властям было известно, что они имели дело с «контрактным» агентом ЦРУ.

Эти в общем-то косметические меры вызвали тем не менее вой в стане кубинской контрреволюции и американских ультраправых, почти открыто угрожавших Джону Кеннеди кровавой местью. Особенно не по вкусу пришлось им решение брата президента министра юстиции Роберта Кеннеди прикрыть печатание фальшивых кубинских денег, которое гусанос наладили в США с помощью ЦРУ.

В беседе с американским публицистом Майклом Кэнфилдом в 1974 году Стэржис с циничной прямотой говорил:

— Взгляните на мое прошлое. Я наделал много дел. Я участвовал в попытках совершить убийства. Я был вовлечен во многие вещи. Надувательства, интриги, шпионаж.

Кэнфилд: Когда вы говорите о попытках совершить убийства...

Стэржис: Да, в других странах... Но меня спросил мой друг, который был агентом ЦРУ, не заинтересует ли меня участие в убийствах для компании (так агенты ЦРУ именуют в разговорах между собой свое ведомство.— **Прим. авт.**). Я ответил утвердительно, при условии, однако, что я сяду с ответственным офицером и пройдусь по всем деталям.

На вопросы журналистов, где он был в момент убийства Джона Кеннеди, Фиорини-Стэржис отвечал (разумеется, много лет спустя после далласской трагедии): «Дома, смотрел телевизор».

Тем не менее ФБР допрашивало его 23 ноября, уже на следующий день после убийства Кеннеди. При этом, как не без гордости сообщил Стэржис Кэнфилду, один из допрашивавших его агентов ФБР сделал ему следующий «комплимент»: «Фрэнк, если существует кто-либо, способный убить президента Соединенных Штатов, то это, парень, ты. Ты можешь это сделать!» Агенты ФБР составили отчет об этой беседе, который был датирован 27 ноября. Этот документ, не включенный в публикации Комиссии Уоррена и обнаруженный одним из независимых расследователей в Национальном архиве еще до уотергейтского скандала, исчез оттуда после того, как Стэржис стал одним из «героев» скандала. В конце 1963 — начале 1964 года ФБР провело еще три собеседования с Фрэнком Фиорини-Стэржисом. Их результат: Национальный архив располагает 40-страничным засекреченным документом — «Стэржис и убийство Джона Кеннеди».

Одним из поводов для собеседований агентов ФБР с Фиорини-Стэржисом послужило появление статей в американской печати со ссылкой на него, в которых Освальд изображался как «агент разведки кубинского правительства», который якобы хотел проникнуть в «Интерпен». Пропагандисты из ЦРУ изощрялись, вводя одну за другой дозы дезинформации в круги, занятые расследованием преступления века. При этом заготовки дезинформации делались еще задолго до совершения террористического акта. Расскажем о двух таких заготовках. В ходе первой из Освальда лепили образ «марксиста» — поклонника кубинской революции, в ходе второй — образ «двойного агента», каковым решено было сделать предателя кубинского народа Кубеласа. Обе версии лопнули, но сопутствовавшая им возня весьма показательна для методов ЦРУ.

Еще когда Освальд служил в корпусе морской пехоты, ему не возбранялось читать марксистскую литературу, писать письма в прогрессивные организации. Любой другой солдат пробкой вылетел бы из морской пехоты, которая выделяется среди других родов войск США своим мракобесием и палочной дисциплиной. Затем по заданию американской разведки Освальд «бежал» в Советский Союз, но, не сумев выполнить данных ему заданий, вернулся в США, женившись, правда, предварительно на советской гражданке. В Новом Орлеане он создал филиал организации «Комитет за справедливое отношение к Кубе», центр которой находился в Нью-Йорке. Кроме Освальда, ни одного члена в филиале не было, тем не менее этот факт фигурировал как выражение симпатий «марксиста» к революционной Кубе. Освальд дефилировал по центральным улицам Нового Орлеана с плакатом: «Руки прочь от Кубы! Да здравствует Фидель!» Одновременно он вместе с другими агентами ЦРУ обучал гусанос в военизированных лагерях методам налетов на Кубу.

Существуют глубокие подозрения, что действиями Освальда в этот период руководили «конь» и «слон» из шахматной команды Лэнгли. Параллельно с ведома или без ведома Освальда «слон» (Филлипс) и «конь» (Хант) выпускали на шахматную доску двойника Освальда, упражнявшегося в стрельбе в тире, делавшего заявления, что он готов убить президента Кеннеди и т. п. При этом в одних случаях сей двойник имел поразительное сходство с оригиналом, в других — никакого.

Наиболее серьезной акцией был визит мнимого Освальда в кубинское консульство в Мехико, которое находилось под круглосуточным наблюдением американских шпионов.

Филлипс утверждает, что, «перерыв сотни фотографий, сделанных у кубинского консульства», они не обнаружили ни одной фотографии Освальда, который, согласно докладу Комиссии Уоррена, посещал это консульство. Сохранилось, однако, его письменное описание, отнюдь не спасающее ЦРУ. В телеграмме от 10 октября 1963 года, направленной резидентурой ЦРУ в Мексике по трем адресам — ФБР, государственный департамент и разведка ВМС (Освальд служил в корпусе морской пехоты — значит, резидентура отлично знала его биографию), сообщалось о посещении консульства «американцем Ли Генри Освальдом (второе

имя было указано ошибочно вместо Харви), около 35 лет, атлетического сложения, ростом около шести футов, с редеющими волосами». Освальду не было и 24 лет, он был худощав, имел рост пять футов девять дюймов.

Эусебио Аске Лопес, занимавший в сентябре 1963 года должность консула Кубы в Мехико, выступая на IV заседании Международного суда «Молодежь обвиняет империализм», который проходил в Гаване в 1978 году во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов, подробно рассказал о двух посещениях консульства американцем, назвавшимся Ли Харви Освальдом. 27 сентября 1963 года он обратился за визой на Кубу, предъявив документы, которые, в частности, предположительно свидетельствовали о том, что он член Коммунистической партии США и «Комитета за справедливое отношение к Кубе». Он настойчиво просил и даже требовал от Аске ускорить процедуру выдачи визы.

На следующий день он явился вновь, пришел в раздражение, когда ему было указано на необходимость ожидания разрешения на визу из МИД Кубы, повышенным тоном обвинил кубинских служащих в бюрократизме и с ворчанием ушел, хлопнув дверью. Когда Аске, по его словам, увидел киножурнал с сюжетом об убийстве Освальда Джеком Руби, он смог заметить, что жертва нисколько не походила на посетителя консульства. Впоследствии он смог определить, что переданная ЦРУ Комиссии Уоррена фотография человека, запрашивавшего визу в консульстве, не соответствует Освальду, обвиненному в убийстве президента Кеннеди.

Никаких объяснений, почему после второго визита у посетителя пропал интерес к поездке на Кубу, нет. Но причины были, видимо, веские. Ведь поначалу «Освальд» заполнил анкеты, требовал визы и т. д. Можно высказать, конечно, предположение, что существовал расчет на психологическое воздействие «документов» о принадлежности к Компартии США, заявлений «Освальда», что он проживал ранее в Советском Союзе и женат на бывшей советской гражданке. Такое воздействие, могли надеяться стоявшие за «Освальдом» лица, дало бы быструю визу, и одного этого, вероятно, было достаточно заговорщикам, чтобы потом продемонстрировать «доказательство» связей с Кубой. Но, повторяем, это одни лишь предположения. Зловещая игра в Мехико остается неразгаданной.

Независимые расследователи исходят из того, что, кроме «двойника Освальда» (здесь необходимы кавычки, ибо в отличие от других двойников Освальда атлетического сложения мужчина никак на него не походил), в Мехико мог быть и настоящий Освальд.

Комиссия Уоррена признала за факт пребывание в течение недели Освальда в Мексике. Она не задавалась вопросами, почему ездил туда Освальд, откуда он взял деньги на это. В докладе комиссии говорится: «...нет заслуживающих внимания данных, что он ездил в Мексику в связи с планом убийства президента Кеннеди». Таким образом, комиссия, не имея «заслуживающих внимания данных», говорила одно, а ЦРУ гнуло свою линию — поездка Освальда в Мехико была частью «кубинского заговора».

Но посмотрим, как ЦРУ пытается объяснить поразительное отсутствие сходства между настоящим Освальдом и человеком атлетического сложения, о котором оно сообщило ФБР, государственному департаменту и военно-морской разведке. Обратимся к мемуарам Дэвида Филлипса, которые, как и книги ряда других бывших американских разведчиков, прошли тщательную апробацию ЦРУ.

В резидентуре ЦРУ в Мехико работал офицер под кодовым именем «Крэйг» (когда Филлипс и его коллеги не хотят, чтобы их заявления проверяли, они не дают настоящих фамилий сотрудников ЦРУ; когда их свидетели надежны и говорят то, что от них требуется, тут обходятся без анонимности). Жена «Крэйга» также работала в резидентуре, и именно на ее «неопытность» сваливает Филлипс ошибку в описании Освальда. Если произошла ошибка, то кто же был тогда мужчина «атлетического сложения»? «Таинственный человек» — так фигурирует он в мемуарах «Ночное бдение». Им мог быть, читаем мы, «любой американский или советский моряк с судна, бросившего якорь в одном из мексиканских портов».

Филлипс стыдливо умалчивает в мемуарах о том, что вместе с телеграммой в ФБР, госдепартамент и разведку ВМС было послано несколько «фотографий Освальда» в Мехико. Не разобравшись сразу в хитросплетениях, созданных родственными спецслужбами, ФБР в порядке опознания показало их матери Освальда, когда он находился в руках далласской полиции, и другим лицам, знавшим «убийцу» президента. Позднее, когда факт попыток опознания скрыть было невозможно, ФБР вынуждено было предоставить один фотоснимок Комиссии Уоррена, произведя вместе с ЦРУ предварительную его обработку, убрав весь фон в «интересах сохранения в тайне методов разведывательной съемки». Этот документ так и значится как «фотоснимок таинственного человека».

Американская разведка имела подслушивающую аппаратуру в здании кубинского консульства в Мехико[1]. Был записан на пленку разговор, который вел там человек, выдававший себя за Освальда, настойчиво и нервно требуя предоставить ему визу на Кубу. В 1978 году на просьбу Специальной комиссии конгресса (СКРУ) предоставить соответствующую магнитофонную пленку Филлипс ответил, что «это невозможно, так как пленка была в рутинном порядке уничтожена через неделю после отъезда Освальда из Мехико».

Ответ Филлипса был явной ложью. У СКРУ было заявление ФБР, что спустя семь с лишним недель после того, как была сделана запись, оно, прослушав эту запись, пришло к выводу, что говоривший не был Освальдом.

Директор ФБР Гувер писал: «Специальные агенты нашего бюро разговаривали с Освальдом в Далласе, видели фотографии вышеупомянутого человека («таинственного человека») и прослушали магнитофонную запись его голоса. Эти специальные агенты пришли к выводу, что вышеупомянутое лицо не было Ли Харви Освальдом».

Филлипс вызвал подозрение ряда членов СКРУ увиливающими ответами на многие вопросы, связанные со всей историей пребывания Освальда в Мехико. Но не только этим.

Филлипс на некоторые задания выходил как «Морис Бишоп», «мистер Бишоп» или просто «Бишоп». Это подтвердил его бывший заместитель Даг Гуптон, который частенько называл своего босса «мистер Бишоп». Поскольку на английском языке слово «бишоп» означает шахматную фигуру — слона, высказывается предположение, что этим был обусловлен выбор конспиративного прозвища. Данное предположение приобретает в глазах независимых расследователей особый смысл ввиду того, что Говард Хант по ряду признаков менялся кличками «слон-конь» с Филлипсом.

В ходе работы СКРУ в печать просочились сообщения, что она склоняется к следующему выводу: заговор против Кеннеди мог быть делом рук либо мафии, либо кубинских контрреволюционеров, либо и тех и других, но без участия ЦРУ. Такой поворот не вызвал восторга у кубинских эмигрантов и в особенности у бывшего главаря террористической банды «Альфа-66» Антонио Весиана. Это была одна из самых ультрареакционных группировок, получившая известность тем, что вопреки запрету, введенному осенью 1963 года братьями Кеннеди в отношении налетов на суда, шедшие на Кубу, она продолжала творить свое черное дело. Испугавшись, что дело может обернуться в конце концов судом и наказанием, Весиана заявил на закрытых, а потом и открытых слушаниях в СКРУ, что он совершал налеты по приказу агента ЦРУ «Бишопа», что однажды «Бишоп» познакомил его с Ли Харви Освальдом.

Это переполошило членов и сотрудников СКРУ. Филлипс, разумеется, отрицал, что он «Бишоп». СКРУ не поверила ему, большинство членов специальной комиссии склонялось к мнению, что Филлипс и «Бишоп» — одно и то же лицо. Характеризуя это расследование, английский журналист Саммерс пишет, что «СКРУ натолкнулась в ЦРУ на информационную пустыню и джунгли дезинформации»!

Опустив многие подробности, мы познакомили читателя с тем, как делалась первая заготовка дезинформации. Теперь о второй заготовке, которая была либо запасной, либо дополняющей первую, придавая дезинформации четкую направленность — увязку убийства Джона Кеннеди с «непосредственными планами» правительства Кубы.

Ниточка дезинформации ведет к середине 1960 года, когда Хант впервые выдвинул идею убийства Фиделя Кастро. Она была принята Алленом Даллесом. Джон и Роберт Кеннеди, придя к власти, запретили этот план. Но ставший в 1962 году заместителем директора и начальником Директората тайных подрывных операций ЦРУ Ричард Хелмс не подчинился данному приказу и за спиной братьев Кеннеди, а также и директора ЦРУ Маккоуна (так утверждает последний) продолжал подготовку гнуснейшей операции. У Маккоуна есть свидетели его приказа, и Хелмс по сей день не решается его опровергать. Джон и Роберт Кеннеди убиты, и Хелмс распускает слухи, что они давали понять ЦРУ, что желательно совершить покушение на Фиделя Кастро. Хелмс — поклонник гитлеровской разведки, он знает свое дело.

Осенью 1963 года ЦРУ активизировало действия своего агента в Гаване — ставшего на путь предательства родины кубинца Роландо Кубеласа Секадеса. Его стали готовить для покушения на Фиделя Кастро. Кубелас якобы запросил встречи с министром юстиции Робертом Кеннеди. Это, как свидетельствует биограф Ричарда Хелмса Томас Пауэр, породило в ЦРУ закулисную борьбу. Некоторые сотрудники обращали внимание Хелмса на опасность планов покушения в момент, когда Джон и Роберт Кеннеди предпринимали первые шаги к нормализации отношений с Кубой. Они предупреждали Хелмса, что президент, если узнает о подготовке акции Кубеласа, придет в бешенство от этой явной попытки саботировать его политику.

Но Хелмс был непоколебим. Он приказал начальнику Специальной кубинской группы ЦРУ Десмонду Фитцджеральду вылететь в Париж для встречи с Кубеласом и представиться ему как «личный представитель Роберта Кеннеди», «высокопоставленный американский сенатор». Встреча в том же составе повторилась в Париже 22 ноября 1963 года, в день убийства Джона Кеннеди в Далласе. Это была дьявольская игра. «Сенатор» вручил кубинцу шариковую ручку, заряженную отравленной пулей, и подчеркнул, что покушение на Фиделя Кастро санкционировано Робертом Кеннеди, который, повторяем, и не подозревал о всей этой интриге. Зачем она разыгрывалась? Чтобы изобразить убийство Джона Кеннеди как акт возмездия со стороны революционной Кубы в отместку за планы Роберта Кеннеди и Кубеласа совершить террористическую акцию против Фиделя Кастро.

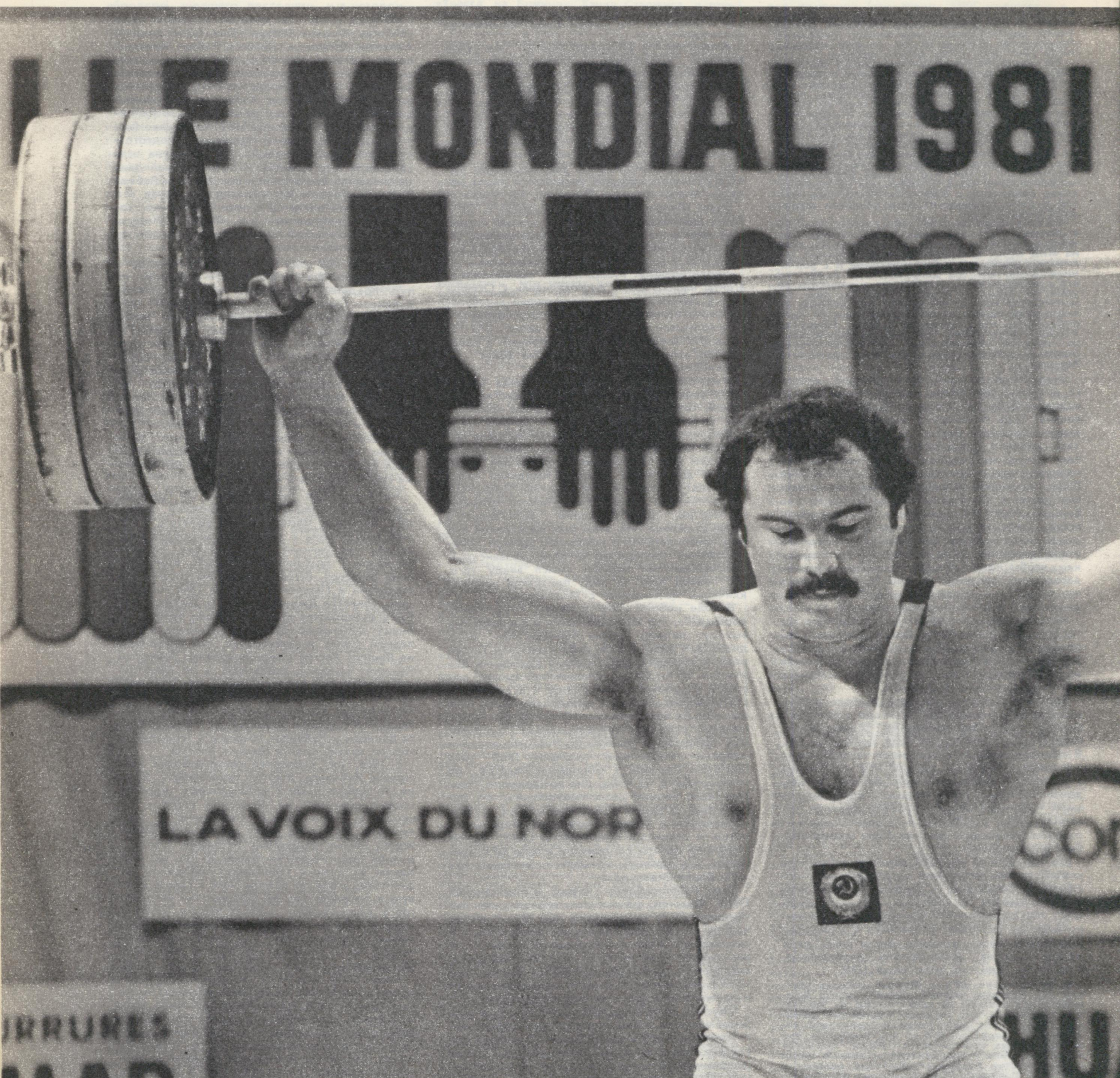
В 1966 году кубинская контрразведка арестовала Кубеласа. Многое прояснилось. Вскоре по удивительному «совпадению» скоропостижно скончался на теннисном корте в Вашингтоне Фитцджеральд, сменивший к тому времени Хелмса на посту начальника Директората тайных подрывных операций. Фитцджеральду было немногим более 50 лет, он был одним из лучших теннисистов-любителей Вашингтона, играл по два-три часа в самую жаркую и влажную погоду. Составители некрологов в вашингтонских газетах «Пост», «Ивнинг стар» и «Дейли ньюс» были в полном недоумении, вопрошая лишь, как такое могло случиться. Но в Америке все может случиться. Фитцджеральд много, слишком много знал.

Летом 1978 года на IV заседании Международного трибунала «Молодежь обвиняет империализм» эксперт Идальберта де Гевара Кинтана (ныне Генеральный прокурор Республики Куба) проанализировал операции официального Вашингтона, направленные на то, чтобы обвинить кубинскую революцию в участии в убийстве президента Джона Кеннеди. В частности, ЦРУ, по его словам, распускает слухи о том, что Роландо Кубелас Секадес был «двойным агентом». Согласно версии, сфабрикованной ЦРУ, Кубелас якобы информировал кубинские власти о планах покушения на жизнь высшего руководителя революции, и в отместку Куба решила организовать убийство Джона Кеннеди.

Эта новая махинация ЦРУ, указывал И. де Гевара Кинтана, преследует цель не допустить отыскания подлинных инициаторов и исполнителей преступления в Далласе, а также одновременно еще раз попытаться связать Кубу с убийством президента США.

Окончание следует.

[1] В ходе Международного суда «Молодежь обвиняет империализм» кубинский инженер-электронщик Нильвио Лабрада Висент зачитал техническое заключение о секретных подслушивающих устройствах, установленных ЦРУ в помещениях консульства и посольства Кубы в Мехико. В консульстве, в частности, был установлен в телефонной розетке миниатюрный очень чувствительный микрофон, «засекавший» разговоры на расстоянии до шести метров и передававший их по телефонной линии, когда телефонная трубка опущена, на дистанцию более одного километра. Радиоприемные устройства с телеуправлением были обнаружены в креслах и т. д.

Франция. 1981 год. Анатолий Писаренко — чемпион мира.

НА ПОМОСТЕ

В. ВИКТОРОВ

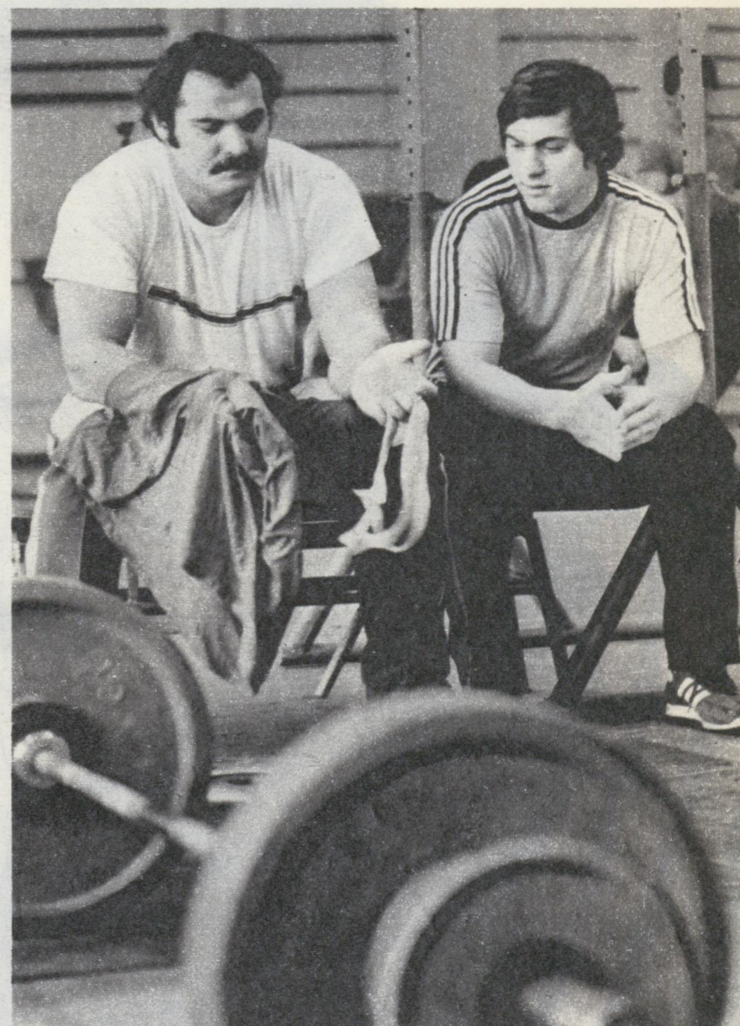
Фото А. БОЧИНИНА

Как возникает популярность спортсмена? Где грань, отделяющая его сегодняшнюю славу от вчерашней неизвестности? И почему сюрпризом даже для многих знатоков звучит новое имя? Неужели его появление нежданно-негаданно? Конечно же, неожиданность здесь полностью исключается. Появлению на спортивной арене нам доселе неведомой выдающейся личности всегда предшествует долгий и нелегкий труд. Просто мы, завороженные неизменными и, как нам кажется, безграничными успехами лидера, не замечаем тех, кто исподволь, из года в год набирается сил и опыта, пробует свои возможности сперва в соревнованиях юношеских разрядов, затем, как правило, без особо броских результатов в борьбе со взрослыми, и вдруг (ох, уж это неожиданное «вдруг»!) новое имя ослепляет и завораживает нас...

Так два года назад громогласно прозвучало новое имя в тяжелой атлетике. В 1981 году двадцатитрехлетний штангист второго тяжелого веса Анатолий Писаренко «снял», как говорят спортсмены, мировой рекорд в сумме двух движений самого Василия Алексеева — 445 килограммов, результат невиданный, простоявший незыблемо четыре года, подняв в рывке и толчке 447,5 килограмма, а еще через восемь месяцев добавил к своему результату сразу 10 килограммов.

Если к этому прибавить, что мало кому известный ученик киевского тренера Михаила Петровича Кемеля восемь раз за два года вносил поправки в таблицу мировых рекордов и с двух последних чемпионатов мира — во Франции и Югославии — возвращался с золотыми медалями, то его успехи на помосте вряд ли могут показаться чудом.

И все же разве не чудо, что у нас появился штангист, который сумел продолжить победный путь Василия Алексеева? А ведь у олимпийских чемпионов — предшественника Алек-

Анатолий Писаренко и его тренер Владимир Ильин.

Прыжок, еще прыжок...

–ПИСАРЕНКО!›

Перед подходом.

На тренировке.

Хорош чаек на морозе [Анатолий Писаренко и Юрий Захаревич, рекордсмен мира в первом тяжелом весе].

сеева Жаботинского и самого Алексеева — было перед Писаренко одно очень важное преимущество: большой собственный вес, столь необходимый для выполнения толчка — заключительного движения в двоеборье. И тот и другой превосходили Писаренко по весу более чем на сорок килограммов, и полновесность успеха «легкого» тяжеловеса Писаренко (его максимальный вес чуть больше ста двадцати килограммов) заключается в том, что он снял проблему собственного веса, доказав, что техника и сила — а не килограммы — решают в конечном счете успех.

Первое, что бросается в глаза при встрече с Анатолием Писаренко,— удивительная пропорциональность его телосложения, стройность, столь необычная у супертяжеловесов, несмотря на то, что он не очень высок — всего 185 сантиметров.

И все-таки от килограммов в тяжелой атлетике никуда не денешься. Каждая весовая категория имеет определенные границы, и для того, чтобы получить право помериться силами с легендарным Алексеевым, хотя бы заочно, Анатолию Писаренко надо было вырваться из границ первого тяжелого веса — 110 килограммов, а это молодому штангисту долго не удавалось. Достаточно вспомнить, что на своих первых соревнованиях семнадцатилетний Писаренко выступал, имея собственный вес всего 81 килограмм. Его ждало вообще много огорчений на помосте, но, не обладая большим весом, он обладал большой верой в свои силы, и сейчас, рассказывая о своей молодости, Анатолий, улыбаясь, вспоминает, как его тренер все ждал, что его новому ученику не хватит настойчивости и он исчезнет с помоста, как исчезали многие до него. Ведь до штанги Анатолий пробовал свои силы и в плавании и в вольной борьбе, и нигде не удержался, а вот у штанги застрял.

— Может быть, тут сказалась наследственность,— улыбаясь, объясняет свое постоянство Анатолий.— Ведь известно, что сила — качество наследственное, а мой дед Василий Федосеевич и отец Григорий Васильевич на недостаток силы никогда не жаловались. Но дело не только в этом. Когда отец, отслужив свой срок на подводной лодке, вернулся домой, он навсегда выбрал себе тяжелую в прямом и переносном смысле специальность — стал крановщиком и вот уже многие годы работает на подъемном кране. Сколько тяжестей перетаскал! Вот и я таскаю...

Я встретился с Анатолием Писаренко в те дни, когда сборная команда СССР — штангисты всех весовых категорий, представляющие страну на крупнейших международных соревнованиях, собрались вместе, чтобы проверить свою готовность для выступления на Кубке Дружбы. Анатолий под наблюдением своего друга и тренера сборной, врача-психолога по специальности, а в прошлом обладателя кубка СССР Владимира Ильина трудился не покладая рук, учитывая не только Кубок, но и очередной чемпионат мира, который на сей раз будет проведен в Советском Союзе, в Армении, которая славится своими замечательными штангистами.

— Поднимаем за день столько тонн, что в пору отца вызывать с его подъемным краном,— улыбается Анатолий Григорьевич, потирая свои крутые плечи.— Вам, небось, наскучило слушать о килограммах? Да я и сам за девять лет, что занимаюсь штангой, никак не могу привыкнуть к тому, что все наши душевные порывы, все эмоциональные взлеты, без которых на помосте нечего делать, измеряются так прозаически — килограммами.

Сколько сил потратил молодой штангист Анатолий Писаренко, чтобы завоевать право выступить на Московской Олимпиаде, но в конце Султан Рахманов поднял в сумме двух движений больше, и в олимпийскую команду включили его.

Вот что случилось в 1980 году, и кто тогда мог подумать, что уже через год Анатолий Писаренко ниспровергнет мировые рекорды Василия Алексеева. Тогда, в восьмидесятом, не удалось молодому штангисту принять эстафету от наших тяжелоатлетов-олимпийцев, но теперь эстафетную палочку (если считать этой палочкой стальной гриф штанги весом в двадцать килограммов) накрепко сжимают его пальцы.

СТАЛИНГРАДСКИЕ БЫЛИ

Микола УПЕНИК

ДОН ШУМИТ

Неузнаваем тихий Дон — река бессмертной славы.

Над ним и днем и ночью гремят воздушные бои. И на зеленых берегах его ни на минуту не смолкает битва. Снаряды, мины, бомбы будоражат воду. Она кипит, клокочет, и, как гейзер, швыряют ее вверх разрывы.

Дон шумит.

Он преградил дорогу фашистам к Сталинграду, к Волге. Он стал могучим рубежом — передним краем обороны. Он, как солдат, вступил в железный строй защитников Отчизны.

Старинная река, баюкавшая на своих волнах воителей Дмитрия Донского и Степана Разина, опять в огне.

Дон шумит.

Потоки вражьей крови — проклятой, ненавистной крови — испачкали реку. В ее волнах, в густой трясине, в камышах, в глуби — смердящие тела убитых. Их много под Ростовом, у Цимлянской, Клетской, Белой Глины. Их много всюду, где лицом к лицу встречались захватчики-вандалы с верными сынами матери-Родины, предпочитающими смерть позору плена, рабства, унижения.

Отчизна приказала сыновьям:

— Назад ни шагу!

И сыновья стоят.

Когда на горстку храбрецов идут сотни вандалов, храбрецы стоят. Они знают, что такое фашист. И не числом — умением, отвагой, верой в правоту святого дела, волею к победе над врагом решают схватку.

ШЕЛ БОЙ ЗА КУРГАН...

У маленькой высотки, каких немало между Волгою и Доном, шел кровопролитный бой. Стремясь во что бы то ни стало вклиниться в нашу оборону, противник, не переводя дыхания, атаковал передний край обороны нашего полка. Но стойкость воинов 62-й армии была незыблемой.

Тогда, собрав кулак из танков, артиллерии и пехоты, фашисты двинулись на узкий клочок нашей земли. Этот клочок земли, казалось, может превратиться в страшную бездонную воронку — так много бомб, снарядов и мин было сброшено на него. Поднялась туча пыли, закрыв густой пеленою степь. И под ее прикрытием двинулась на приступ гитлеровская пехота.

В нашем окопе находился взвод разведчиков — он охранял командный пункт. Бойцы упорно сдерживали фрицев, ведя прицельный огонь. Но вот ранило политрука Шибаева. Он опустился на дно окопа и, подозвав своего заместителя Ковалева, тихо сказал:

— Бери команду на себя...

Ему забинтовали рану. Однако он остался тут же, их политрук и боевой товарищ.

Ковалев прошелся по окопу. Теперь он чувствовал себя не только воином. Ему вручили еще и жизни друзей. Он должен удержать рубеж и собственным автоматом и волей командира.

Не отвлекая внимания товарищей от боя, он подошел к каждому и каждому сказал:

— Драться до конца!

И каждый, не оглядываясь, отвечал:

— До конца!

День угасал, до края наполненный боем. Темнело. Степь обволакивала мгла. Только пятна изб и скирд, что догорали, похожие на сгустки крови, освещали степь. Стрельба понемногу улеглась. Но Ковалев предупреждал четверку наблюдателей:

— Смотрите пристальней! Враг хитрит.

Уставшими глазами разведчики до боли вглядывались во тьму. И вот один из них доложил:

— Справа танки!

Действительно, к высотке, как бы подкрадываясь, ползли танки. Чьи они? Между тем Ковалев заметил, как, цепляясь за броню, следом продвигалась пехота. Сомнений не было: конечно, чужие. И Ковалев скомандовал: открыть огонь.

Вдруг из танков показались красные флажки.

— Что за чертовщина? — выругался Ковалев и приказал прекратить стрельбу.

Медленно тянулись напряженные минуты ожидания. В окопе стало тихо. Застыли и танки. Затем залязгали гусеницами и начали обходить окоп. И это убедило всех, что перед ними враг. Ковалев распределил бутылки с горючей смесью, и бойцы продолжали молча ждать.

Тяжелый танк остановился совсем недалеко. Подождал немного, будто собираясь с духом, и рванулся вперед.

Он переполз окоп — и Калита, бесстрашный разведчик, швырнул в него бутылку. Танк охватило пламя. Открылся люк, и из него один за другим выпрыгнули члены экипажа. Короткий залп — и их уложили навечно.

Однако вслед за первым уже двинулись второй, и третий, и четвертый танки. Они друг за другом переползли через окоп, стараясь гусеницами смять, растереть разведчиков и сжечь их пламенем из огнеметов.

На Ковалеве вспыхнула шинель. Он быстро сбросил ее и швырнул под пылающий танк.

У младшего сержанта Пасхального, бойцов Нечипоренко и Труша загорелись волосы и одежда. Присыпав землею огонь, они снова стреляли во вражеских автоматчиков, поджигали танки.

В грохоте далеко не равного боя выделялся голос Ковалева:

— Драться до конца!

Была ночь, когда окончилась эта смертельная схватка.

Тринадцать фашистских танков, словно факелы, пылали у степной высотки, каких много между Волгою и Доном: их не пустили к Сталинграду.

ОТЕЦ И СЫН

Они стояли на горе.

Внизу пылал огромный город — их родной Сталинград.

Левее, у Тракторного, и правее, в центре, и прямо перед ними, у самого берега Волги, на причалах, всюду был огонь. Огонь и дым.

Они стояли, озаренные пожарищем, и молча смотрели вниз.

— Я пойду, сынок. Мне пора, — сказал отец. — А ты?

Он посмотрел на сына. Сейчас, при свете зарева, тот показался не таким, как прежде. Ему пошел лишь семнадцатый. Но крепко сжатые уста, суровый взгляд и даже черная кожанка с ремнем поверх нее придавали сыну мужественный вид.

Палагушкин невольно вспомнил свою юность. Он был тогда ненамного старше, когда впервые получил оружие в Царицыне...

— Ну, что? Со мною? — повторил отец.

— Мне дома делать нечего. Пусть Лидуся с мамой остается. А я с тобой.

Они пошли на север.

Через пламя, через огненный город — в Заводской район. Уже остался далеко их дом на Осетинской улице и половина маленькой, но дружной семьи Палагушкиных.

— А Витя там? — спросил сын.

— Конечно, там. И Алексей Миронович там. Они всюду вдвоем — ты же хорошо знаешь Ивановых.

По берегу Волги, минуя свежие воронки от авиабомб, причалы и пылающие потоки нефти, мимо освещенных пламенем оврагов, изрывших, как морщины, лицо сталинградской земли — в них нашли приют тысячи женщин и детей,— они направились к заводу.

В штабе истребительного батальона царило возбуждение. На Тракторном противник высадил десант, и батальон ждало боевое крещение.

Комбат бегом повел вооруженных рабочих на окраину.

Палагушкины быстро отыскали Ивановых — вместе с друзьями веселее, что и говорить. Особенно в такое время.

В цехах уже строчили автоматы. Фашисты были здесь, недалеко, в пролетах, за горами железного лома, за маневровым паровозом, стоявшим сиротливо среди гигантских корпусов.

Рабочий батальон прямо с ходу бросился в атаку. Трое суток продолжался первый бой ополченцев с вражеским десантом. И — первая победа!

Потом батальон перевели на левый берег. Но Ивановы и Палагушкины отказались:

— Там нам делать нечего.

Они пошли к славной пехоте, ведшей изнуряющие бои. Носили днем гранаты, мины, патроны. Ночами на маленьком плоту перевозили за Волгу раненых.

Боевые пехотинцы привыкли видеть рядом четверых «штатских», они с любовью называли их партизанами. Когда, бывало, происходила заминка с боеприпасами, кричали:

— Эй, партизаны! Подавай!

И четверо неутомимо, без передышки, носили. А ночью снова забирали раненых, укладывали на плот и осторожно везли на левый берег. Случалось, делали до рассвета по шесть и больше рейсов. Лишь начнет сереть восток — они опять носят с переправы мины и патроны, гранаты и еду. Не раз и сами становились к миномету. Бойцы хвалили их:

— Вот хорошо! Вот молодцы партизаны!

А наступит ночь — снова на переправу. Опять рейсы до рассвета.

И только случайно во время короткого затишья бойцы узнали подробней, кто они, «партизаны». Алексей Миронович немало рассказал им тогда про Царицын...

— Я воевал здесь в восемнадцатом году... Однажды — было такое — взяли меня беляки в плен — и в Миллерово, по этапу. Вместе с моим братом. Его расстреляли там, в Миллерове. А я удрал. И снова подался в родные края — в Царицын, к волгарям. И вот живздоров... Опять воюю...

Виктор и его дружок Юра Палагушкин тоже слушали и, по-молодецки приосанившись, смотрели на бойцов — мол, не впервой нам браться за оружие.

...Они стоят на горе, отец и сын, и смотрят на притихший город. Из нор на свет выходят женщины и дети.

На запад идут полки — далеко им шагать.
Из труб тут и там клубится дымок.
Это начинает дышать Сталинград.

Июль 1942 — февраль 1943.
Сталинград, 62-я армия.

Н. МОРОЗОВА

СУДЬБЕ НАПЕРЕКОР

красота человеческая

Они прибыли из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Харькова... В синих спортивных костюмах, с нашивками «САО» — сводный альпинистский отряд. Среди них я увидела человека необыкновенного: худощавый, крепко сложенный, он словно бы сросся с инвалидной коляской — большие и сильные руки привычно двигали рычаги. Чуть волнистые волосы казались седыми, но, присмотревшись, убеждаешься: они светло-русые, просто успели выгореть на нурекском, привычном ему солнце. Ему все здесь знакомо, близко — весь наш небольшой, известный всему миру уютный городок.

Я спросила о нем одного из альпинистов.

— Белопухов Андантин Константинович. Имя у него необычное, судьба тоже. Кто такой? Наш комиссар.

Гостей ожидали два дела. Первое и главное: помочь местным скалолазам нанести торкрет — песчано-цементный раствор — на правый борт плотины, туда, где ее ядро примыкает к скале. А само ядро это — высоченная гора, отсыпанная из суглинка, ответственнейшая часть плотины, которая делает ее водонепроницаемой. Воде нельзя оставлять ни малейшей лазейки сквозь ядро. Значит, поверхность прибрежных скал в местах примыкания к ним суглинка должна быть ровной и прочной. Вот и продувают их сжатым воздухом, очищая от ила, песка, камешков, а затем покрывают торкретом. Поскольку скалы правобережья Вахша очень круты, дело это под силу лишь людям, умеющим находить с ними «общий язык».

Спортсмены справились с этой сложной задачей в намеченный срок и наилучшим образом. Трудились больше месяца, а потом тут же, на створе плотины, скалолазы — и приезжие и нурекские — мерились силами: кто быстрее поднимется к намеченной точке, пробурит шпуры, установит анкеры, приварит к ним якорь. Это нужно, чтобы навесить сетку-ловушку для неустойчиво лежащих на склонах камней, обезопасить труд людей, работающих внизу.

В ту пору редактор многотиражки на стройке, я часто приходила на место работ и состязаний, но ненадолго. А комиссар отряда был здесь неотлучно. Что-то записывал, что-то советовал часто подходившим к нему рядовым альпинистам, о чем-то спорил с ними. Словом, был полноправным участником всего свершающегося здесь, будто вовсе не его ноги недвижимо покоились на коляске. Мы познакомились. Он деликатно заметил:

— Прежде чем отчет о происходящем появится в вашей газете, хотелось бы его прочесть. Вы не знаете наших людей и можете ошибиться в суждениях.

— Вы правы. Кстати, о вас я тоже ничего не знаю, а хотела бы узнать...

— Что, например?

— Ну, хотя бы, как вы сюда добрались?

— Самолетом, потом автобусом: ребята внесли и вынесли... Это уже четвертый мой приезд в Нурек. Необычным был первый. В ту пору я купил «Москвич» и вместе со своим соседом отправился в путешествие. Кстати, он сейчас здесь, боец отряда Иосиф Гросман...

— То есть как?— Я не сразу обрела дар речи.— Все пять с половиной тысяч километров на «Москвиче»? И по Кызылкумам. Там даже скорый поезд идет больше суток, пески — и нет им конца на сотни километров. Ну, зачем? Что это — самоутверждение?

— Не знаю, не знаю! Я тогда о самоутверждении не помышлял. Просто казалось, что приехать в Нурек своим ходом интереснее. Согласитесь — любознательность часто становится чуть ли не главной пружиной наших действий. Вот и плывут люди в одиночку на допотопном суденышке через океан, спускаются в глубокие пещеры, лезут на горы... Хотя все это связано с риском, и порой смертельным.

— Вам, конечно, тоже случалось рисковать?

— Всякое случалось. Но о себе говорить не хочу и не буду.

По тому, как сверкнули его глаза, я поняла: дальнейшие расспросы бесполезны. Во всяком случае, в тот момент. Однако разговор подхватили другие.

...В мещерском городе Гусь-Хрустальном, где прошло детство Андантина, он пристрастился к спорту. Участвовал в соревнованиях на первенство города и Владимирской области по бегу, прыжкам в высоту, метанию копья, велосипеду, поднимал гири и штангу. Потом увлекся лыжами.

Спорт спортом, а главным в жизни стало пристрастие к рисунку, графике. Медалист, он мог без экзаменов поступить в любой институт. Но любой его не устраивал. Он поехал в Москву с намерением поступить в архитектурный. Увы, у этого института не оказалось общежития. Судьбу юноши решил случай. В Москве Андантин столкнулся с приятелем-земляком, и тот сагитировал его: «Давай в МВТУ!» Белопухову знаменитое училище пришлось по душе. И не последнюю роль тут сыграло такое обстоятельство: были все условия для занятий спортом. И при всем том, что Белопухов сразу же увлекся высшей математикой, физикой, сопроматом, спорт не был забыт. Они только казались параллельными линиями, спорт и наука, а на самом деле пересекались. И не только в институте. В жизни Белопухова они пересекаются до сих пор. Спортивные тренировки приучили к повседневному труду.

В пятьдесят первом, летом, студент четвертого курса Андантин Белопухов, перворазрядник по лыжам, впервые отправился в горы. Удачные первые шаги на Домбае раззадорили. На следующий год Андантин снова стал укладывать альпинистское снаряжение. Многие отговаривали его, но он отмахивался от них, поразив всех волей к победам в новом для него спорте: семнадцать восхождений за одно лето — столько не делал никто!

С тех пор он бывал в горах ежегодно. Кавказ, Тянь-Шань, Памир... В 1955 году стал мастером спорта, покорив знаменитую Шхельду. Еще через год участвовал в самом трудном из кавказских траверсов: Дыхтау — Коштантау. На Дыхтау группа поднималась по отвесной стене, Белопухов шел первым. И вот он уже поднимается на пьедестал чемпиона Советского Союза, теперь он старший инструктор по альпинизму. Группы, которые довелось ему водить, самые разные — студенты, рабочие, ученые. И чем труднее, тем интереснее.

...1958 год. Андантин Белопухов с Игорем Ерохиным ведут 44 человека на восточную вершину пика Победы. Впервые поднимаются на семитысячник три женщины. Основной состав — альпинисты из МГУ, МВТУ, других вузов. А потом группа из двенадцати человек, в том числе и Андантин, проходит весь гребень пика Победы — от восточной до северной вершины, где на высоте 7439 бушуют самые лютые в мире ветры, где даже в июле термометр показывает 30 градусов ниже нуля. Спускались по северному ребру, по пути первовосходителей во главе с заслуженным мастером спорта Виталием Абалаковым, по пути, проложенному двумя годами раньше.

В каких только переделках не пришлось побывать ему: бессонные ночи на крошечных уступах, привязавшись к вбитому в расселину крюку; висел над ледяной бездной, зацепившись рюкзаком за хрупкий снежный мостик. Увлекаемый многотонными снежными лавинами, он непостижимым чудом остался жив. На северном склоне пика Победы летели всей связкой почти четыреста метров — зацепились за камень.

...Мало им было лета, решили испытать судьбу и зимой — на отвесных, обледенелых стенах Домбая, того самого, что когда-то стал первой ступенькой к мастерству. На этот раз Белопухова спас случай: за мгновение до срыва Андантин успел забросить веревку за выступ скалы.

Что же дальше? Мороз, снег, лед... Ветер вырвал и унес палатку, вещи, не осталось ни крючьев, ни крошки еды. А спуск длился пять суток. И все же выжили, дошли до своих...

Казалось бы, такое навсегда отобьет вкус к горам. Но Андантин оказался верен своей любви.

В 1961 году с группой молодого ученого Евгения Тамма, сына прославленного физика, Белопухов достигает высшей в нашей стране точки — пика Коммунизма на Памире. И вновь завоевывает звание чемпиона СССР...

Чего только не испытал этот человек в горах... А судьба подстерегала на ровной асфальтовой дороге под Москвой... Никакие капризы погоды не могли заставить Андантина отказаться от тренировок. В тот дождливый ветреный осенний день его, мчавшегося на роликовых лыжах, сбил самосвал.

— Шансов выжить почти нет,— сказал врач приемного покоя друзьям Белопухова.

...Безмерная боль отпускала лишь на часы беспамятства. В остальные, кроме боли, донимали неспадающий жар, уколы, перевязки. И над всем этим, словно пик над вершинами поменьше, царило самое мучительное — беспомощность. На время или навсегда? С друзьями, днем и ночью посменно дежурившими у койки, он не говорил об этом. Не донимал расспросами и врачей. Но в беседах с самим собой, беседах труд-

В. Бернадский. Род. 1917. АВТОИНСПЕКТОР Е. ЯРЕСЬКО. 1982.

Всесоюзная художественная выставка «Всегда начеку»

П. Семенов. Род. 1934. РАССКАЗЫ О ЧЕКИСТАХ. 1982.

Всесоюзная художественная выставка «Всегда начеку»

ных, бескомпромиссных, решил: надо жить, и жить полноценно! Это прежде всего означало работать. Он уже давно начал готовить докторскую диссертацию и теперь, к изумлению и возмущению друзей, попросил принести записи, расчеты, чертежи.

Белопухов не мыслил себя без спорта и придумал серию все усложнявшихся упражнений, выполнять которые можно было лежа. В них участвовала вся верхняя половина тела, а нижняя так и оставалась неподвижной. Он уже знал: медицина бессильна что-либо изменить, но никто не слышал от него жалоб. Напротив, подбадривал соседа, заставлял двигаться.

Весной он совершил первое путешествие на кресле-каталке: в холл с телевизором. А летом уже спускался в том же кресле на лифте в сад. Жизнь возвращалась во всем своем многообразии.

Ну, а что будет в уже обозримом будущем, когда придет время расставаться с больницей, ведь врачи уже сказали: «Мы сделали все, что могли...» Ответить на это в немалой мере помогли друзья. Они не хлопали его по плечу, не пытались уверить: «Ерунда, старик, мы еще потопаем в горы...» Собственно, они и не пускались в разговоры, они действовали, действовали энергично, делая максимум возможного, чтобы жизнь не обернулась для Андантина существованием. Хлопотали об обмене квартиры (нужен первый этаж), о коляске, о возможности продолжать научную работу, не посещая ежедневно институт.

А ведь у каждого своя работа, семья...

И вот он уже в своей квартире, новой, на первом этаже, с бетонной «горкой», по которой легко съезжать на коляске.

Теперь надо было работать, много, плодотворно.

— В моем положении,— не шутя говорил себе Белопухов,— есть важное преимущество: возможность не тратить время на хождения, на заседания...

И все же как это все сложится? Доцент МВТУ, признанный авторитет в своей отрасли знания, но удержишься ли на этом рубеже, не имея возможности бывать на заводах, в институтах? Впрочем, почему не имея? Разве оттого, что он проследует в цех на коляске, люди как-то иначе будут обсуждать с ним сложные проблемы?

...Незадолго до травмы он закончил книгу — монография, рассчитанная на ученых и практиков, легла на его больничную тумбочку в ЦИТО. Сперва в рукописи, затем в наборе, наконец, в переплете, пахнущем типографской краской. Она стала основой его докторской диссертации. В институте Белопухов руководил подготовкой нескольких аспирантов. Все они уже кандидаты наук, преподают или ведут научную работу.

В пределах возможного Белопухов вернулся к любимому спорту. Ежедневно по нескольку часов отдавалось тренировкам — турник, гантели... Трижды он возглавлял экспедиции сборной команды альпинистов Москвы на Памир.

Пределы возможного! Он расширил их до того, что разум отказывается верить. Но мой собеседник упорно твердит: «Заслуги, которые мне приписывают, больше чем наполовину принадлежат моим друзьям».

«ЧИСТЕЙШЕЙ ПРЕЛЕСТИ ЧИСТЕЙШИЙ ОБРАЗЕЦ»

Через десять лет после гибели Пушкина П. А. Вяземский писал: «Теперь еще не настала пора разоблачить тайны, окружающие несчастный конец Пушкина. Но во всяком случае, зная ход дела, можно сказать положительно, что злорадству и злоречию будет мало поживы от беспристрастного исследования и раскрытия существенных обстоятельств этого печального события». Поколения ученых-пушкинистов, публикуя архивные материалы, письма и документы, стремились выяснить тайну гибели Пушкина, отделить ложь от правды, понять роль, которую играло в трагедии то или иное лицо. Наибольшее, точнее главное внимание в этих исследованиях и публикациях уделялось жене Пушкина Наталье Николаевне. Многие пушкинисты, исследователи и писатели, основываясь часто на косвенных сведениях, свидетельствах современников поэта, не знавших всех обстоятельств дела или умышленно умалчивающих о тех или иных его деталях и коллизиях, высказывали мнение, по которому чуть ли не виновницей гибели поэта была его жена. Достаточно вспомнить книгу П. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина»; книгу В. Вересаева «Спутники Пушкина»; блестящую, но тенденциозную, резко обличительную, полную яростной ненависти к Наталье Николаевне, погубившей, как считала автор, Пушкина, статью Анны Ахматовой «Гибель Пушкина»; сколь талантливейшие, столь и несправедливо отрицательные суждения о жене поэта Марины Цветаевой в ее пушкинских работах. Но эти крупные ученые и замечательные писатели как бы выносили за скобки, оставляли без внимания сведения об «адских сетях», «адских кознях», которые организовывались в последние месяцы против Пушкина и его жены, о «развратнейших и коварнейших покушениях двух людей», «поставивших себе целью» уничтожить «супружеское счастье и согласие Пушкиных»; «готовых на все, чтобы опозорить жену поэта (разрядка моя.— В. В.)». Эти строки из письма П. А. Вяземского привел в своей статье «Погибельное счастье» Д. Д. Благой, проанализировавший скрупулезнейшим образом характер Натальи Николаевны, ее отношения с Пушкиным, ее жизнь после его гибели и заявивший в заключение: «Настала пора закрыть и затянувшееся почти на полтора столетия обвинительное «дело» против жены поэта». Вывод основывается прежде всего на тех новых документах и письмах, которые ввели в научный оборот писатели-пушкинисты И. Ободовская и М. Дементьев, опубликовавшие в последние годы книги — «Вокруг Пушкина» и «После смерти Пушкина». В них напечатаны среди прочих писем из архива Гончаровых обнаруженные авторами письма Натальи Николаевны к ее второму мужу П. П. Ланскому. Публикация этих документов внесла многое в объективное освещение образа жены Пушкина. Дело в том, что основной биографический источник — письма самой Натальи Николаевны к Пушкину не обнаружены (по мнению некоторых исследователей, они загадочным образом исчезли в 1920-х годах из бывшего Румянцевского музея). Теперь биографы получили возможность использовать в работе не только косвенные свидетельства, но и письма жены Пушкина и ее сестер.

Агния Кузнецова. «А душу твою люблю...». Повесть о Наталье Николаевне Пушкиной. Подлинные письма и факты. Предположения. Раздумья. «Октябрь» № 2, 1982.

Среди множества других материалов в своей документальной повести о Наталье Николаевне Пушкиной к ним широко прибегает Агния Кузнецова.

Заглавие повести, взятое из письма поэта к жене — «А душу твою люблю я еще более твоего лица»,— как нельзя лучше раскрывает задачу автора — создать образ души Натальи Николаевны, основываясь на письмах, фактах, документах, в большинстве своем недавно введенных в литературный оборот. В работе Агнии Кузнецовой привлекает бережное отношение к первоисточникам. Писательница почти преодолела столь модный сейчас соблазн создания беллетризованной биографии, в которой документу отводится роль вспомогательная, служебная, а на первый план выступает личность автора, вкладывающего свои мысли и рассуждения в уста героев — исторических лиц. Видимая легкость и занимательность подобных сочинений, увы, часто сопровождаются внутренней легковесностью. Агния Кузнецова, напротив, понимает значение старого письма или малоизвестного воспоминания, она не стремится интерпретировать их, а дает возможность читателю самому вникнуть в документ, умело используя его в композиции повести.

Потому и жизнь Натальи Николаевны, которая в повести проходит перед ее мысленным взором на смертном одре, поражает такими подробностями и деталями, которые помогают как бы высветить изнутри судьбу сначала жены, а затем вдовы Пушкина. Причем концепция А. Кузнецовой близка к концепции Д. Благого и в конечном счете восходит к стремлению следовать словам самого Пушкина, сказанным о жене: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском».

Одно за другим возникают в душе умирающей Натальи Николаевны воспоминания. Этот композиционный прием позволяет автору уйти от строгости последовательно-хронологического изложения, дает простор и волю писательскому перу и в то же время властно подчиняет себе, сдерживает излишнюю фантазию, требует точного следования фактам. В достоверности этих картин-воспоминаний — особое значение повести. Достигается эта достоверность тщательно взвешенным, критическим подходом к источникам, которыми пользовалась писательница.

Она рассказывает, например, о встрече Натальи Николаевны с Лермонтовым на вечере у Карамзиных. Вечер этот был накануне вторичного отъезда Лермонтова в 1841 году на Кавказ. И до этого они не раз виделись, но Лермонтов всегда держался с вдовой Пушкина вежливо, но внутренне враждебно. Теперь же он подсел к ней, возможно, увидев на этот раз то, что заметил и другой современник: «Госпожа Пушкина, вдова поэта, убитого на дуэли — прекрасна; омраченное тяжелым несчастьем ее лицо неизъяснимо печально». Они долго и искренне говорили, Лермонтов просил у нее прощения за то, что поверил светским наговорам, и она простила его. Этот эпизод, приведенный в повести, известен по воспоминаниям старшей дочери Натальи Николаевны от второго брака — А. П. Араповой. В литературоведении к воспоминаниям Араповой относятся, и часто справедливо, с известным скепсисом. Писатель, обращающийся к ее мемуарам, должен обладать эрудицией и хорошим критическим чутьем, чтобы не ошибиться, используя их в повествовании. И А. Кузнецова очень осторожна и объективна в работе с этим источником. Она знает, что эпизод с Лермонтовым на вечере у Карамзиных не был выдуман Араповой, писательница опирается в этой уверенности на авторитет П. Щеголева и Д. Благого и, конечно, на собственные наблюдения, основанные на серьезных литературоведческих и источниковедческих знаниях.

Раскрыть в художественном произведении внутренний мир жены Пушкина помогает рассказ о событиях, происшедших с Натальей Николаевной после его смерти, также до недавнего времени не привлекавших должного внимания. И здесь многое проясняют ее отношения со вторым мужем, П. П. Ланским, о которых А. Кузнецова пишет, обращаясь в основном к письмам Натальи Николаевны к Ланскому.

Как известно, на смертном одре Пушкин сказал жене: «Ступай в деревню, носи по мне траур два года, а потом выходи замуж, но за человека порядочного». По другому свидетельству — «не за пустозвона». П. П. Ланской, за которого Наталья Николаевна вышла замуж спустя семь лет после смерти Пушкина, был таким человеком. А. Кузнецова подчеркивает, что в решении связать с ним свою судьбу вдова Пушкина руководствовалась прежде всего интересами детей — ее и Пушкина. Ланской, полюбив Наталью Николаевну, полюбил и ее детей — это оказалось для нее решающим. «Благодарю тебя за заботы и любовь,— писала Наталья Николаевна Ланскому после пяти лет их брака.— Целой жизни, полной преданности и любви, не хватило бы, чтобы их оплатить. В самом деле, когда я иногда подумаю о том тяжелом бремени, что я принесла тебе в приданое, и что я никогда не слышала от тебя не только жалобы, но что ты хочешь в этом найти еще и счастье,— моя благодарность за такое самоотвержение еще больше возрастает, я могу только тобою восхищаться и тебя благословлять».

В повести А. Кузнецовой читатели встретят много живых, близких к Пушкину лиц, так или иначе влиявших на его судьбу и судьбу его жены. Они образуют тот фон, на котором ясно прорисован характер Натальи Николаевны, созданный писательницей, решительно вставшей на защиту «оклеветанной тени», а значит, и на защиту памяти Пушкина.

Вл. ВЕЛЬЯШЕВ

К 110-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ШАЛЯПИН-СЫН

Мефистофель.

Мельник.

Иван Сусанин.

Т. ХРЕННИКОВ, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий

История художественного творчества всех народов мира насчитывает не так уж много имен, ставших своего рода эталоном, символом прекрасного. Чудесным маяком...

В сфере вокального искусства таким был и остается наш великий соотечественник Федор Иванович Шаляпин.

Можно только подивиться той щедрости, с какой одарила его природа! С юных лет в нем билась душа художника, причем художника прирожденного в самом широком смысле слова. К чему бы ни прикоснулась рука Шаляпина, во всем безошибочно ощущаются сила и своеобразие таланта, невольно вспоминаешь титанов искусства Возрождения, таким все это предстает могучим. Предстает легко и естественно...

О Шаляпине — певце и актере — сложены легенды. Да и сама его жизнь, вся удивительная история его взлета похожа на легенду. Он ведь практически был певцом-самоучкой. Церковные хоры, провинциальные оперные труппы, несколько уроков пения, которые ему дал Д. А. Усатов,— вот, строго говоря, пожалуй, и все его музыкальные университеты. Но за всем этим было главное — уникальная природная одаренность и неустанное умение учиться у жизни. Самоусовершенствование.

Двадцать лет было Шаляпину, когда состоялся его дебют на профессиональной сцене в тифлисском Казенном театре, где он выступил в «Аиде». Затем он исполнял партии Мефистофеля, Мельника, Гремина, дона Базилио, Тонио, принесшие молодому певцу огромную славу. А вскоре последовали триумфы в Петербурге и Москве.

В самом начале века Федор Шаляпин выступил за границей. И есть нечто символическое в том, что местом этого дебюта стал прославленный миланский театр «Ла Скала». Покорив требовательную публику исполнением труднейшей роли Мефистофеля в одноименной опере А. Бойто, русский артист сразу стал уже мировой знаменитостью. Его партнером по спектаклю, казалось, давно и навсегда сошедшему со сцены, был «король теноров» Энрико Карузо, а за пультом в тот вечер стоял молодой Артуро Тосканини. Благодаря этому великолепному содружеству — и прежде всего исполнителю заглавной партии! — романтическое творение Бойто получило второе, притом блистательное рождение.

Конечно, ошибочно было бы думать, что Шаляпин явился первым русским певцом, достойно защитившим на земле бельканто репутацию отечественной вокальной школы. И в «Ла Скала» и в других театрах Италии в XIX веке не раз блистали русские артисты, но появление Шаляпина стало событием. Он не только всех изумил своим исключительным, неповторимым талантом, но стал провозвестником нового реалистического оперного искусства, широко открывшим русской культуре двери в мир. Не случайно друзьями и единомышленниками великого певца были Максим Горький, С. Рахманинов, В. Серов, К. Коровин... Огромное воздействие на его артистическое формирование оказали встречи с Н. Римским-Корсаковым, В. Стасовым, И. Репиным, историком В. Ключевским и другими деятелями отечественной культуры. Все это позволило Шаляпину не только снискать мировую известность — он стал олицетворением певца нового типа, соединившего в своем искусстве высокое художественное мастерство и вдохновение с верностью жизненной правде, способного достигать захватывающей силы творческого воздействия на слушателей.

РОССИИ

Шаляпин писал, что единственным правильным путем к красоте он признал для себя правду. Он непревзойденный интерпретатор русской классики — шедевров Глинки и Даргомыжского, Мусоргского и Римского-Корсакова... Его герои — Иван Сусанин и Мельник, Борис Годунов и Досифей, Фарлаф и Демон, Кончак и Галицкий, Иван Грозный и Варлаам — навсегда запечатлены в истории отечественного оперного театра как немеркнущие образцы вокально-сценического совершенства.

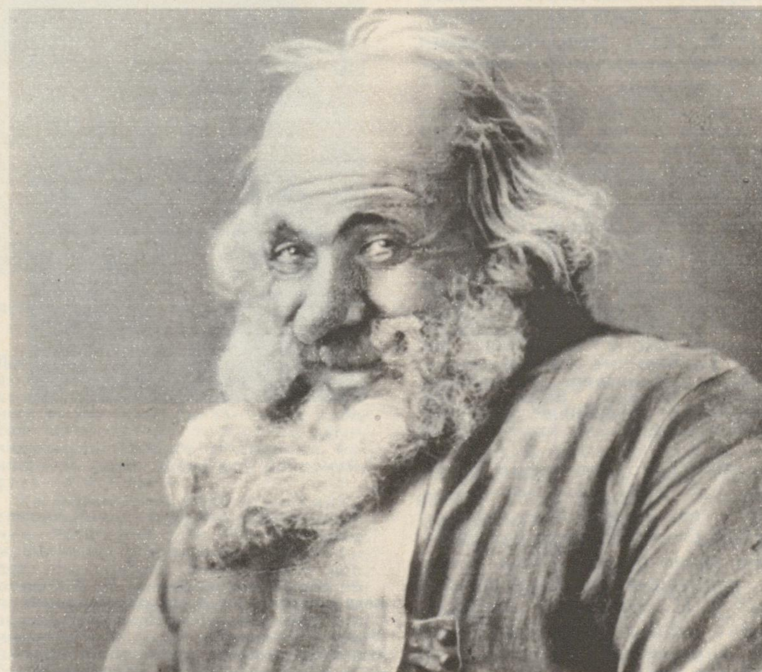
Великий мастер оперной сцены, Шаляпин с равным успехом выступал и на концертной эстраде. Все, что он пел — и романсы, требующие «ювелирной» тонкости, и раздольные русские песни,— в равной степени захватывало слушателей. Редкий дар перевоплощения позволял ему и каждую вокальную миниатюру превращать в объемную, живую, рельефную сценку, покоряющую тонкостью чувств и выразительностью образов.

Хорошо известно, что об исполнительском творчестве корифеев прошлого мы можем судить весьма приблизительно, основываясь главным образом на воспоминаниях современников. Да и впервые возникшая звукозапись тоже не могла донести до потомков замечательный дар Шаляпина во всей полноте и мощи; техника эта развивалась медленно; пластинки первых десятилетий XX века весьма далеки от технического совершенства, и лишь немногие величайшие мастера сумели силой своего искусства как-то преодолеть этот барьер. К их числу можно с полным правом отнести наряду с Сергеем Рахманиновым и Федора Шаляпина. Он успел, к счастью для нас, записать известную часть своего огромного репертуара. И когда слушаешь эти записи, вновь и вновь переиздаваемые многомиллионными тиражами, думаю, забываешь про все технические несовершенства!.. Мало того, понимаешь в это время, что дарование Шаляпина отнюдь не подвластно той «коррозии времени», которая так часто губительно сказывается на нашем восприятии исполнительского искусства... Впрочем, и это тоже понятно: Шаляпин не был «исполнителем» в узком смысле слова. Это был великий творец, создатель поистине бессмертных художественных ценностей. Недаром кто-то, слушая певца, однажды заметил, что в создании образа Бориса Годунова на равных правах выступали Пушкин, Мусоргский и Шаляпин...

Великая шаляпинская традиция оперного и вокального искусства — драгоценнейшая традиция мирового искусства.

Титто Руффо, Энрико Карузо и Федор Шаляпин (картина Таде Штика).

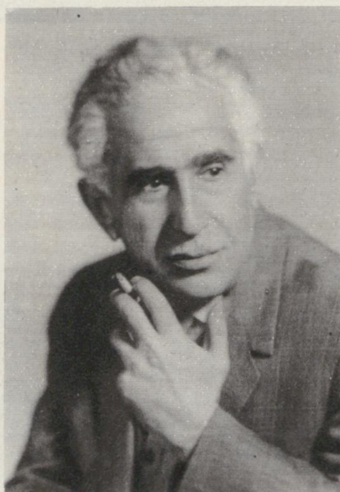
Варлаам.

Шаляпин в усадьбе Утешное (1910 год).

В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ

ИСПОЛНИЛОСЬ 75 ЛЕТ КИНОРЕЖИССЕРУ А. Г. ЗАРХИ, ГЕРОЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, НАРОДНОМУ АРТИСТУ СССР, ЛАУРЕАТУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР. Наш корреспондент обратился к нему с несколькими вопросами.

— Александр Григорьевич, в ваших фильмах отразилась эпоха, жизнь нашей страны, характеры мыслей многих поколений. Но «Депутат Балтики» и «Член правительства», «Высота» и «Люди на мосту» не есть просто история: они современны своим гражданским пафосом, гуманизмом, человечностью. Экранизируя классику, например, «Анну Каренину», вы также ставите на первый план личность, исследуете решающие моменты жизни... Видимо, эти проблемы и определяют круг ваших поисков?

— Мы как-то все время выпускаем из виду, что кинематограф — совсем молодой вид искусства! Он начал свое летосчисление около ста лет назад и все еще переживает период становления. Всего пятьдесят, шестьдесят лет назад появился крупный план, внутренний монолог... А у нас такие претензии к кино, будто бы оно является ровесником по крайней мере театра, что ли... Но это тоже говорит о многом! В первую очередь о том, что советское кино — искусство массовое, пропагандирующее идеи добра и гуманизма, принципы коммунистической нравственности. Поэтому так ответственна миссия художников кино, так возрастают требования к уровню творчества, хотя, повторяю, весь путь советского звукового кино можно проследить на истории одного поколения. Вот я, к примеру, в 1933 году делал один из первых звуковых фильмов, «Горячие денечки», и по успеху у зрителей он превзошел все наши ожидания! С тех пор я придерживаюсь той непререкаемой истины, что кинематограф по своим выразительным средствам должен быть не литературным и не театральным, а именно кинематографичным. Конечно, каждый художник создает свои законы и по ним судит себя. Но чем шире его взгляд, чем богаче арсенал творческих запасов, тем интереснее созданное им произведение. При этом, естественно, необходим свой способ мышления, свой условный язык: **свой ключ** к нахождению истины... В последнее время считается модным прежде всего пробиться к «интеллекту» зрителя! Я не разделяю этой точки зрения. Главное в искусстве — «мыслящее сердце».

— Когда вы вместе с И. Хейфицем создали глубоко психологические фильмы «Депутат Балтики», «Член правительства», они стали художественным открытием крупных человеческих характеров... Что вам, режиссеру, дала работа с такими известными мастерами театра, как Н. Черкасов, В. Марецкая?.. И повлияла ли она на развитие ваших дальнейших взаимоотношений с артистами?

А. Г. ЗАРХИ. Точный выбор актеров, особенно на главные роли,— девяносто процентов успеха! Не верьте тем кинорежиссерам, которые говорят, что интересный фильм можно поставить без профессиональных актеров. Не знаю, был ли бы «Депутат Балтики» таким, каким остается для нас сегодня, если бы Николай Черкасов не выступил в роли старого профессора Полежаева... Это был артист гениальный! В тридцать три года он создал удивительнейший прообраз семидесятипятилетнего академика Тимирязева — человека сложной и благородной души, высокого интеллекта... Каждый съемочный день, проведенный в обществе Черкасова, обогащал нас всех и был освещен радостью созидания чего-то очень высокого.

Теперь о фильме «Член правительства». На студии все были удивлены, когда на роль Александры Соколовой мы пригласили Веру Марецкую! Стереотип восприятия подсказывал видение актрисы «героического амплуа». А мы с Хейфицем шли не только от образа, вычитанного в сценарии Виноградской: «...мужем битая, попами пуганная, врагами стрелянная»,— но еще от могучей, широкой актерской индивидуальности Веры Марецкой. Более того, решение сценария мы **подчиняли** творческим возможностям артистки. Вот почему Марецкая правдой своего существования, окрыленностью большого поэтического чувства стала так понятна и близка всем. Борьба человека с самим собой затрагивает сферу глубоко интимных чувств и переживаний, боль и муки рождения нового в человеке...

Уметь почувствовать в личности артиста будущего героя фильма — большое дело!.. И нелегкое... В свое время многие зрители, узнав, что на роль Анны Карениной выбрана Татьяна Самойлова, категорически протестовали. Однако реванш был взят хотя бы тем, что Элизабет Тэйлор и Софи Лорен, приезжавшие смотреть этот фильм и мечтавшие сыграть эту роль, увидев съемку, отказались от своей мечты.

Ошибиться с распределением ролей в кино нельзя! В театре — легче: если артист не справляется,— положение можно спасти вводом другого актера. А здесь ты не имеешь права разочаровываться, даже если любовь между режиссером и исполнителем «не состоялась». К счастью, мне это редко приходилось испытывать. Встреча с настоящим артистом — это как подарок судьбы, как любовь с первого взгляда!.. Кстати, об этом я пишу в своей книге, которая выходит в издательстве «Искусство».

— Как известно, сценарий — основа будущего фильма. Но нередко сценарии лежат годами на киностудии. А кинорежиссеры сами выступают в роли соавторов, считая, что фильмы рождаются на съемочных площадках...

— В том, что режиссеры выступают в роли соавторов сценария,— нет ничего удивительного. В хорошем сценарии всегда заложены конкретные способы существования артистов — реальный образ жизни героев, правда бытия. Но лишь от того, под каким углом зрения я, режиссер, буду смотреть на проблему, поставленную автором, и зависит конечная интерпретация художественной правды. Сценарий — это скорее всего каркас будущего фильма. А его воздух, его плоть — это уже работа постановщика и артиста... Вот почему так важно при работе над фильмом иметь единомышленников. Мой же долг — не надеяться на вдохновение и импровизацию. Все это придет, если будет основа... Сюжеты будущих фильмов рождаются не из знакомства с киносценарием, а из потребности внутренней — «не могу молчать»!

Я очень люблю Чехова, перечитываю его сотни раз, но до сих пор, мне кажется, я еще не готов к нему. Поэтому мечтаю о нем... Да, надежда, вера — великие вещи в жизни человека! Без них было бы невозможно преодолевать все сложности и трудности. Но как это ни странно, они делают нашу жизнь более интересной, действенной и активной... Художник кино в первую очередь должен быть г р а ж д а н и н о м... Этому меня учат мои герои, о которых я поставил фильмы. Этому учили меня и те, кто стоял у истоков зарождающегося советского кино.

Записала беседу Л. ЛЕБЕДИНА.

ЗАБЛЕ

Виктор М А Й

Рассказ мастера-наездника, победителя многих традиционных призов, кавалера ордена «Знак Почета» Е. П. Мосеенкова и некоторые размышления автора о рысистых испытаниях и связанных с ними проблемах.

Лошади сегодня в моде. После долгих лет забвения коневодство вновь стало популярной темой дискуссий и споров, о лошадях пишут книги и снимают кинофильмы. Иными словами—важное значение лошади в народном хозяйстве ныне не подвергается сомнению. И понятно, что дальнейший прогресс коневодства связан с улучшением конских пород.

Для горожан живая лошадь давно уже стала экзотикой, которую естественно видеть разве что на ипподроме. Но стоит ли идти ради такого зрелища туда, где «крутится» загадочный тотализатор и бушуют, как кто-то когда-то кому-то рассказывал, весьма нездоровые страсти?

К сожалению, подобный вопрос для многих звучит не столь уж пародийно. Стало стереотипом в бесчисленных произведениях детективного жанра вспоминать ипподром исключительно как рассадник порочных страстей, где несколько тертых мошенников обманывают простодушную публику с помощью честных, но безответных лошадок. Так стоит ли, в самом деле, ходить на этот «страшный» ипподром?..

Воскресный день 15 августа 1982 года выдался теплым и солнечным. Вот только ветер иногда срывался с места и проносился вдоль трибун Центрального московского ипподрома, как бы желая поспорить в резвости с признанными скороходами.

В этот день Блеск победил безоговорочно. Да по правде, у него и был лишь один серьезный соперник — секундомер. На финишной прямой, даже наглотавшись встречного ветра, гнедой красавец жеребец резко оторвался от всех и закончил бег первым с новым всесоюзным рекордом для трехлеток — 2 минуты 3,4 секунды. Так быстро в этом возрасте классические 1600 метров ипподромного круга не пробегала у нас в стране еще ни одна лошадь.

Управлял новым рекордистом его постоянный тренер, мастер-наездник Евгений Павлович Мосеенков.

Е. МОСЕЕНКОВ: Лошадьми я «заболел» довольно поздно — обычно подобная привязанность проявляется у людей с детства, а я впервые пришел на ипподром в 28 лет. К тому времени закончил техникум, учился в Московском авиационном институте и был, что называется, совершенно городским парнем. Но вот однажды случайно попал на ипподром и вдруг понял, что влюбился в лошадей пожизненно,

СТИТ ЛИ БЛЕСК?

что это не просто увлечение, а мое единственное призвание...

Изгибы судьбы Евгения Мосеенкова далеки от стандартов. В наш космический век пересесть, образно говоря, с самолета в телегу — поступок необычный. Но объяснить его можно. Конный спорт мало кого оставляет равнодушным. Каюсь, но не могу обойтись без банальной фразы, что лошадь — одно из совершеннейших созданий природы.

Красота классного рысака — в его беге. От ощущения этой красоты сладостно замирает сердце каждого лошадника. Это слово объединяет в одну семью людей разного возраста и профессий, разной культуры и воспитания, спокойных и суетливых, мрачных и веселых — всех, кто за понятием «лошадиная сила» сумел увидеть лошадиную душу. Для них не возникает вопрос: стоит ли ходить на ипподром?

Е. МОСЕЕНКОВ: Ипподром — сложное хозяйство. Как ни странно, даже не все постоянные наши посетители знают, что прежде всего это селекционная площадка, своеобразный полигон, где проводятся испытания лошадей на резвость для последующего племенного отбора. Это основная наша задача. Но чтобы выявить истинные возможности лошади, ее сначала нужно научить правильно бегать. Ведь резвая рысь — неестественный аллюр. Природа подсказывает лошади галоп. Конечно, из поколения в поколение жеребятам передается навык правильного бега рысью, но поставить рысака на этот безупречный ход порой не так-то просто. И способности у жеребят разные и характеры непохожие. Одного нужно уговаривать, другой сам рвется в бой, третий просто не понимает, что от него хотят.

Ясно, что люди, работающие в тренерском отделении, должны быть единомышленниками в отношении к лошадям. Я на своих ребят полагаюсь полностью. Во время командировок или соревнований за рубежом меня заменяет первый помощник Юра Зверев, и я знаю, что все будет в порядке. Больше того, я уверен, что когда Юра в будущем сам возглавит какое-нибудь тренерское отделение, он и там продолжит добрые традиции нашего коллектива.

Лошади приходят к нам с конезаводов в возрасте 1,5—2 лет. Один лишь переезд с привычных вольных мест в новую городскую обстановку может вызвать у молодняка стрессовое состояние. И здесь самое главное, чтобы эти жеребцы и кобылки сразу почувствовали, что их окружают добрые, хорошие люди. Иначе вся работа, по моему убеждению, пропадет даром. А ведь что греха таить — есть еще наездники, для которых важнее всего выжать из лошади победу, а какой ценой, неважно. Я к такому отношению нетерпим. Племенной рысак — чуткое животное с неординарной психикой, и добиться от лошади всего, что отпущено ей природой, можно лишь тогда, когда она полностью доверяет наезднику, а он — ей. Когда человек с лошадью — одно целое. Если человеку недоступно ощущение такой слитности, ему просто нечего делать на ипподроме.

Е. П. Мосеенков и его подопечный Блеск. Фото И. Тункеля

Не будем подвергать сомнению категоричность Мосеенкова. В конце концов это его профессиональное мнение. Но давайте все-таки разберемся: какой интерес заставляет публику густо заполнять трибуны в дни соревнований?

В чем тут дело? Неужто все в том же тотализаторе — выиграл человек легкие деньги и радуется по этому поводу?

Ну что ж, раз уж мы дошли до этого острого момента, настало время сделать далеко не лирическое отступление.

Основные аргументы противников ипподрома направлены прежде всего против самой идеи существования тотализатора, поскольку они считают, что там, где дело касается «живых» денег, возникает порой широкое поле деятельности для разного рода комбинаторов и людей морально нечистоплотных. А они, увы, пока еще существуют в нашем обществе.

Как в таком случае уберечь честного семьянина от того, чтобы его семейный бюджет не вылетел в ипподромную трубу?

А никак! Нормальный человек в подобной опеке не нуждается.

Тотализатор — не более чем одна из форм платных развлечений, и этим все сказано. Как спортлото или лотерея, с той существенной разницей, что здесь игроки вправе надеяться не просто на счастливый случай, а на определенное знание предмета игры.

Чувство азарта свойственно многим, но кто, скажите на милость, станет рисковать серьезной для себя суммой ради острых ощущений или неопределенной возможности неопределенного выигрыша? Это свойственно, пожалуй, людям с нарушенной психикой или нищим духом, но, поверьте на слово, они, помимо пресловутого тотализатора, всегда при желании найдут способ огорчить родных и близких.

Обычно человек на игру в тотализаторе отводит ровно столько денег, сколько его бюджет позволяет потратить на развлечение. Кто рубль, кто два, кто десять. В конце концов и на аттракционы в парке культуры каждый расходует сумму, сообразную его возможностям.

Выиграли — прекрасно! Проиграли? Тоже не беда. Вы заплатили за чудесное развлечение, провели несколько часов на свежем воздухе, любовались неповторимым зрелищем бегущих лошадей. Далеко не самая плохая форма отдыха и развлечения в свободное время. Что же касается возможных махинаций, связанных с работой тотализатора, то в силах администрации любого ипподрома исключить даже повод для беспокойства на эту тему.

Не последнюю роль играет здесь современное техническое оснащение. Например, на Центральном московском ипподроме вскоре будет установлено электронное оборудование, автоматически отключающее игровые кассы к началу заезда. Размер минимальной ставки снизится до 50 копеек. Уже сейчас во всех залах ипподрома ход борьбы можно наблюдать на больших телеэкранах, которые работают от четырех камер, равномерно установленных по всей длине дистанций. Спорные моменты и финиши зрители видят в замедленной съемке при повторном изображении.

Ну, а кроме всего прочего, если вы пришли на ипподром, вовсе не обязательно играть в тотализаторе. Разве не стоит появиться здесь хотя бы для того, чтобы увидеть, как бежит Блеск?!

Е. МОСЕЕНКОВ: Иметь в работе такую лошадь, как Блеск,— счастье для любого наездника. Блеск вырос в Еланском конном заводе, с которым наше отделение тесно сотрудничает уже не первый год. Прекрасное происхождение (отец — Сентениал Уэй, мать — Белая Береза), удивительно продуктивный ход сразу выделили его в разряд особо перспективных рысаков. А сейчас я уже не побоюсь назвать его выдающейся лошадью. Дело даже не в рекорде для трехлеток. У Блеска огромные потенциальные возможности. Я думаю, ему под силу впервые в истории нашего коневодства преодолеть в заезде заколдованный двухминутный рубеж на 1600 метров.

Вот рассказал о своей мечте, и самому стало страшно. Нет, я не суеверен, хотя в нашем деле многое зависит от случайности. Ведь Блеску пока что все давалось играючи. Настоящей работы он еще и не видел, это его только ждет. Кто знает, как он воспримет новые нагрузки? Не заболеет ли, не повредит ли ногу? Ответственность огромная — ведь Блеск у нас один...

Да, Блеск у нас пока что один. От него ждут многого. Возможно, именно ему впервые покорится двухминутный рубеж. Впервые в нашей стране, ибо десятки рысаков, входящих в мировую элиту, стабильно пробегают круг резвее двух минут. В чем же дело?

Почему Блеск, справедливо названный выдающейся лошадью, не в силах пока что конкурировать с лучшими рысаками мира?

Почему мы довольствуемся победами во второстепенных зарубежных состязаниях, не участвуя в розыгрыше главных мировых призов?

Если оставить на время вопрос престижа (хотя и престиж не последнее дело) и подойти к этой проблеме чисто экономически, нетрудно подсчитать, что условное участие наших лошадей, способных преодолеть двухминутный рубеж, в крупных международных состязаниях могло бы (по самым скромным подсчетам) ежегодно приносить нам сотни тысяч долларов призовой валюты. Не говоря уже о том, что с появлением рысаков такого класса резко возрос бы наш авторитет на международных аукционах и автоматически произошел бы качественный скачок всего отечественного коневодства.

Итак, давайте трезво оценим ситуацию. По разным причинам в настоящее время мы не можем похвастаться умением выращивать племенных рысаков, входящих в мировую элиту. Отдельные выдающиеся достижения — лишь повод позитивно оценивать наши потенциальные возможности. Видимо, в какой-то момент отечественное коневодство осталось в стороне от новых, прогрессивных идей, нашедших развитие в странах, занимающих ныне передовые позиции в мировом конном спорте.

А между тем племенное коневодство — дело государственной важности. И затраты, связанные с необходимой перестройкой работы в хозяйствах и на ипподромах, экономически оправданы, ибо конечный успех принесет стране существенные прибыли.

Стремительный рост результатов в современном спорте немыслим без соответствующей технической базы. Вряд ли самые феноменальные спринтеры порадуют нас хорошими секундами, если под ногами у них вместо тартана будет мощеный булыжник.

Однако даже на Центральном московском ипподроме призовая дорожка, мягко говоря, далека от современных мировых стандартов. Что уж остается сказать о состоянии дорожек, на которых проходит ежедневный тренинг лошадей! А ведь именно здесь закладываются основы будущих рекордов. До рекордов ли, если наездник больше думает о том, как бы лошадь не повредила ноги...

Думаю, читатели, даже весьма далекие от проблем коневодства, уже согласились, что эта тема заслуживает серьезного разговора. Конкретные рекомендации за специалистами, но нелишне еще раз напомнить, что многое здесь зависит от энтузиазма руководителей хозяйств.

— Скажите,— спросил я Евгения Павловича,— а что вы чувствуете во время состязаний? Когда все у вас ладится и возникает та слитность наездника с лошадью, о которой вы говорили.

— Знаете,— сказал Мосеенков,— мне в такие мгновения хочется петь. Я и пою. Может, даже просто кричу. И у лошадей, по-моему, тоже бывает что-то похожее. Когда однажды Блеск бежал в призе, он вдруг в какой-то момент заржал на ходу. Я даже не сразу понял, что это он просто играет, гордится своей силой и молодостью, тоже по-своему счастлив этим бегом!

В тренерском отделении Е. Мосеенкова, или, попросту говоря, конюшне, в одном из денников, стоит знаменитый Блеск. Я вглядываюсь в него, пытаясь угадать внешние признаки необычности, за которыми скрывается особый талант этой прекрасной лошади. Красивые пропорции, доброжелательный характер, чуткий взгляд, бархатное прикосновение губ, берущих сахар с моей ладони... Рядом в денниках еще полтора десятка рысаков с такими же умными породистыми мордами, стройными ногами, строгими пропорциями. Почему же никто из них никогда не пробежит свой круг за 2 минуты? И заблестит ли на ипподромном небосклоне мира звезда Блеска так ярко, как отпущено ему щедрой природой?

Ответить на это может только Человек.

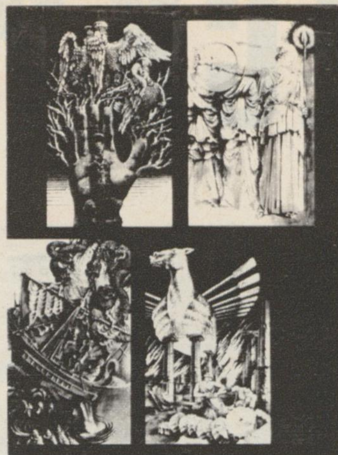
ОТ РЕДАКЦИИ. Поскольку проблемы, затронутые в статье, весьма специфичны, мы попросили высказать свое мнение о них двух известных специалистов.

И. Д. ГУСЕВ, Герой Социалистического Труда, директор Московского конного завода номер 1: Звучит парадоксом, но сейчас, по существу, конные заводы превратились в хозяйства, где племенное коневодство — далеко не главная прибыльная статья доходов и на первом месте там животноводство или другие отрасли сельского хозяйства. Часто постановка дела в конезаводе зависит целиком от энтузиазма руководителя хозяйства. Если там коневодство существует на положении пасынка, успехов ожидать трудно. Молодняк у нас готовят далеко не лучшим образом и обилие «середняка» на ипподроме во многом результат подобного отношения. Необходимо перенимать лучший зарубежный опыт тренинга, привлекать к этой работе знающих, квалифицированных специалистов. Возможно, настало время продумать новые формы материального стимулирования для хозяйств, занимающихся разведением племенных рысаков. Чтобы затраты на это дело были экономически оправданы и в случае выдающихся результатов окупались сторицей.

Как в каждом важном деле, здесь нет мелочей. Возможно, стоит подумать о создании специального техникума, где будущие тренеры-наездники получали бы необходимую теоретическую и практическую подготовку, соответствующую уровню сегодняшних требований.

М. Н. ЭФРОС, член президиума Федерации конного спорта СССР, судья всесоюзной категории, директор Центрального московского ипподрома: Да, к сожалению, на ипподромах далеко не все близко к совершенству. Это касается, например, целого ряда привычных, но ныне устаревших положений, связанных с тренингом и уходом за лошадьми. Возможности для успешного решения всех этих проблем, по-моему, вполне реальны, и мы, безусловно, будем стараться совершенствовать работу ипподромов. Что же касается положения на конезаводах, то мой опыт работы в этих хозяйствах на протяжении почти двух десятков лет приводит к мысли о необходимости более узкой специализации, чтобы ведущее место на конезаводах принадлежало именно выращиванию лошадей.

Сейчас же в большинстве случаев молодые лошади не получают там должного ухода, приходят на ипподромы недостаточно подготовленными, а иногда и недоразвитыми.

ЭХО ЭЛЛАДЫ

Юрий СЕЛИВЕРСТОВ

Народы Советского Союза и Греции связывает давняя традиционная дружба, корни которой уходят в глубь веков. Эти дружеские связи прошли проверку временем в трудные периоды борьбы наших народов против общих врагов. Это история, и в ее великую книгу вписано немало страниц, которые одинаково дороги и грекам и русским.

В Греции по сей день чтят подвиг не только советских солдат, вынесших основную тяжесть второй мировой войны, но свято хранят память о воине Петра I, крестьянском сыне Иване, сражавшемся против османского ига и сохранившем верность Отечеству. Его именовали Русским, словно отвечая на подобное же усыновление Россией книголюба и философа Максима, названного Греком,— так же, как и замечательного художника Феофана — учителя и сподвижника Андрея Рублева.

Путь «из варяг в греки» отозвался в наши дни трассой олимпийского огня от древнегреческого святилища на Всемирные игры в Москву. А нити, связующие наши земли, обнаруживаются еще до новой эры. Достаточно полюбоваться амфорой, найденной в 1863 году близ Днепропетровска в погребении скифского царя: на сосуде, выполненном эллинским мастером, в затейливом переплетении расположились сцены реального быта наших предков и персонажи мифологических сюжетов. Эту амфору конца V — начала IV века до нашей эры нашел в раскопе Чертомлыцкого кургана русский историк И. Е. Забелин. Ныне этот шедевр античного Причерноморья хранится в ленинградском Эрмитаже.

...В чем притягательность нашего внимания к мифам и богам Древней Греции, так искусно воплощенным в мраморных изваяниях, составляющих каменную летопись Эллады? «Все эти камни нагие я полюбил как мог, ведь это камни судьбы моей вечной» — так определяет свое творческое кредо современный греческий поэт Сеферис. Графический язык помогает слить воедино застывший в камне древний миф с динамикой современного переживания.

Окружающий мир, весь космос названиями планет, отдельных звезд и целых созвездий как бы соединяет нашу эпоху с далеко минувшими временами. Часто именами богов и героев мореплаватели, а теперь и воздухоплаватели называли и называют свои корабли.

Ф. Энгельс заметил, что «без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы». Современная мысль и искусство постоянно ищут встречи с образным строем античной культуры, и особенно с теми сюжетами, которые ставят извечные вопросы и помогают нам увидеть духовную радость в превратностях жизни.

Всякая встреча с древнегреческой мифологией, ее новое прочтение не только обогащает нас эстетически, но дает возможность шире видеть перспективу, соразмерить наши этические идеалы, глубже осмыслить свое место в жизни.

«И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?» — восклицал Карл Маркс.

Нашему современнику, лауреату международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» поэту Я. Рицосу слышится «эхо греческих гор, которое не вторит и не подражает, а продолжает на недоступных высотах вечный гром дифирамба».

ТАЛАНТ ЖИВОЙ, РАДОСТНЫЙ

Грация, изящество, смелость. Способность выразить от души и донести щедро свой сценический замысел и до очень большой и до очень малой, короче — всегда очень разной аудитории. И еще: удивительная творческая разноплановость. Начав свою биографию с гармошки, Марина Полбенцева уже в десять лет доказала, что единственное ее назначение в жизни — сцена. Кажется, откуда бы взяться артистическому призванию девочки в семье, где мать — швея, отец — часовщик... Но оба они, и отец и мать, были своего дела мастерами: «золотые руки» — так их знали и так говорили о них в местечке под названием Поим, что возле Нижнего Ломова, но довольно далеко от Пензы...

Призванию девочки родители не стали препятствовать: видели, что дочка тоже будет свое дело любить и знать. Отпустили свою Мусю, Марию, Марину в Свердловск, где она с блеском окончила музыкальное училище и, получив, как отличница, направление в консерваторию, вдруг решила пойти в... драму.

Семнадцатилетняя Полбенцева играет старуху Марью в пьесе Тренева «Любовь Яровая»... Помните — деревенская бабка, несчастная мать двух взрослых сыновей, один в Красной Армии, другой — у «белых»; и никак она не может найти их и примирить... Трагический, крупный образ создала тогда Марина; она до сих пор помнит и любит свою героиню...

В Москву же Полбенцева приехала... с цирком. И поступила в цирковое училище, где, освоив клоунаду, стала музыкальным эксцентриком!.. Теперь ей подвластна была уже не только гармошка, не только аккордеон,— она играет, как сама говорит, «на всем»! И она, грациозная, ловкая, гибкая, не боится показаться вдруг некрасивой, неуклюжей; любая гротесковая, буффонадная роль ей по плечу!

В цирке, когда им ведал М. С. Местечкин, она играла вместе с Никулиным. Выходила на арену еще и как пародист, и как жонглер, как танцовщица. Она поет. В оперетте ей все по силам, но одной оперетты ей мало! И она снимается в кино. Она появлялась на экране в фильмах: «Черемушки» (вместе с Меркурьевым), «Каин XVIII», «Крепостная актриса», «Сегодня новый аттракцион» (вместе с Раневской), «Шельменко-денщик», «Два воскресенья», «Берегите мужчин»...

Но главным для нее была и остается эстрада: возможность веселого, живого, непритворно-радостного общения с людьми. И чем больше аудитория, тем легче ей «работается», живется. Полбенцева любит выступать на заводских площадках, в цехах, на стадионах... Она ведет повседневную шефскую работу. Крупные предприятия Москвы, научно-исследовательские институты знают и любят Полбенцеву, говорят о ней: наша актриса. Но и в «глубинках» страны, где народ строит дороги, сеет хлеб, Марина — желанный гость...

Артистка прирожденная, Полбенцева всегда привлекает неистовой, неэгоистичной преданностью любимому делу. Умением забывать о себе самой, о своих интересах; соглашаться на нелегкие поездки, на жесткий «темпо-ритм» всей вообще жизни, где, кроме искусства, есть и хорошая семья — муж, дочка в девятом классе... Столько домашних хлопот, неотложных дел. Но вот — такова актриса: все успевает! Поэтому-то в ней в любых «глубинках» говорят: «Наша,— знаем ее хорошо!»

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ШКОЛЫ ОСТРОУМИЯ

Наум ЛАБКОВСКИЙ

В Болгарии любят и ценят юмор. Я это знал давно. Популярность многих болгарских юмористов вышла далеко за пределы страны. Имена Христо Пелитева, Васила Цонева, Йордана Попова, Ясена Антова, Любомира Кынчева, Денчо Владимирова стали широко известны и у нас.

На благодатной почве родилось благотворное начинание.

Есть в Болгарии окружной город Пазарджик. Солнечный, уютный, наполовину сложенный из белого мрамора. Наверное, такая светлая, улыбчивая внешность города способствовала распространению в нем любви к юмору.

Это оценил местный писатель-юморист Денчо Владимиров и предложил организовать в Пазарджике Клуб юмористов. Идею поддержали окружные партийные и общественные организации.

В члены клуба стали принимать писателей, художников, композиторов, комедийных актеров и (это, пожалуй, главная особенность начинания) любителей юмора: читателей, зрителей, слушателей. «Клубмены» регулярно собираются, чтобы поделиться своими успехами, почитать друг другу новые произведения, наконец, просто повеселиться.

Атмосфера доброго веселья царит здесь. Клуб стал как бы самодеятельной школой остроумия. Неудивительно, что начинание увлекло соседей, в других окружных городах появились последователи. В старинном городе Велико-Тырново организован Клуб юмористов под названием «Ха-ха», в городе Русе — «Косер» (так называют в Болгарии кривой острый нож для срезания виноградных лоз), а в Пловдиве — «Тарележ» («Еж»).

Конечно, я не мог пройти мимо столь дорогого сердцу юмориста явления. Я посетил эти клубы. Согревался дружеским теплом и горячим «капуцином» (разновидность кофе, который варится вместе с молоком), охлаждался ароматным «сладоледом», слушал и сам читал, смеялся и, должен признаться, не мог скрыть зависти. Очень жаль, что о такой скромной роскоши, как свой клуб, московским юмористам пока приходится только мечтать.

Болгарские коллеги щедро снабдили меня своими юмористическими произведениями. Кое-что я выбрал и перевел на русский язык. Журнал «Огонек», как видите, предоставил болгарским друзьям толику своей печатной площади. Наши юмористы охотно потеснились для такого случая.

Чего не сделаешь для друга́рей!

Рисунки Э. Десятник

ЧЕРТ

Георги СПАСОВ

Ему сказали: «Иди ко всем чертям».

И он пошел.

Черти ужинали.

За выпивкой и закуской похвалялись друг перед другом дьявольскими затеями, которые они совершили за день. Пригласили гостя за стол.

Один черт сказал:

— Я сделал так, что муж поколотил жену, хотя она ни в чем не была виновата.

— Молодец! — одобрили его коллеги.

— И они потом развелись? — спросил гость.

— Нет,— ответил черт.

— Что же это за работа! — покачал головой гость.— Это же незавершенное производство.

Черти посмотрели на него с уважением.

— А я,— сказал второй черт,— сделал так, что отец и сын жестоко поссорились и теперь не хотят ни видеть, ни слышать друг друга.

— Молодец! — похвалили его черти.

— И это все? — снова вмешался гость.

— Все...— опасливо признался черт.

— Халтура, а не работа,— возмутился гость.— Надо было сделать так, чтобы отец выгнал сына из дома, лишил его жилплощади, а сын в отместку порезал бы все шины на отцовском автомобиле.

— Я не догадался,— сказал черт, смущенно опустив глаза.

Наступило неловкое молчание.

— А я сделал так,— неуверенно сказал третий черт,— что один начальник был снят с должности безо всяких на то оснований.

— И что с ним сталось после? — поинтересовался гость.

— Ничего.

— Ну, знаете, у меня бы этим не обошлось! — сказал гость.— Его бы раскритиковали в газете, ему бы пришлось покинуть родной город. А вашего хотя бы из профсоюза исключили?

— Кажется, нет,— еле слышно пробормотал черт.

— И это называется работа! — рассердился гость.— Ну, и порядки у вас здесь в аду.

Черти сжались от страха. И даже перестали есть и пить. Только один, набравшись смелости, спросил:

— Извините, если это не секрет, чем вы лично занимаетесь на земле?

— Вообще-то это секрет,— сказал гость.— Но вам, как младшим коллегам по профессии, могу сказать: я анонимщик. Пишу анонимки, то есть доносы. На всех, обо всем.

Черти посмотрели на него с восхищением.

— Ну, я пошел,— сказал гость,— вижу, что у вас мне совершенно нечему поучиться. Зря меня к вам послали.

И он пошел восвояси.

Черти подобострастно проводили его до выхода, на прощание помахали волосатыми лапами, и только когда он скрылся в туманной дали, главный черт облегченно вздохнул.

— Вот это черт! — произнес он дрожащим голосом.— Слава всевышнему, что убрался, а то я дрожал от страха, как бы он и на нас анонимку не настрочил...

СЕНСАЦИЯ ИНЖЕНЕРА ПАВЛИКЕНСКОГО

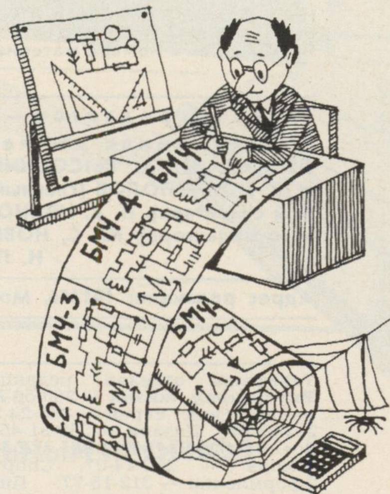
Спас БЕЛОВСКИЙ

Лет десять назад инженер Павликенский сконструировал аппарат БМЧ-1, который представлял собой чудо нашей электронной техники. По своим показателям БМЧ-1 не уступал лучшим образцам, производившимся в Японии, ФРГ и еще в двух-трех высокоразвитых странах.

Спустя два года инженер Павликенский предложил новую модель — БМЧ-2, истинное завоевание научно-технической мысли, дающее давно ожидаемую многомиллионную экономию. По своим показателям БМЧ-2 был равноценен лучшим заграничным образцам. Только внешний вид его оставлял желать лучшего.

Инженер Павликенский не останавливался на достигнутом. В нем билась неутомимая изобретательская мысль. Еще через два года он подарил нам нечто невиданное. БМЧ-3 при всех технических показателях его предшественника имел изящный и даже величественный внешний вид.

Спустя еще год Павликенский поразил все мировые научно-технические круги. Его БМЧ-4 по своим показателям был чем-то невиданным и даже непредполагаемым. При этом новая аппаратура была прекрасна, как абитуриентка, но в два раза мощнее японской.

Ожидается, что в нынешнем году инженер Павликенский произведет сенсацию. Его БМЧ-5, вероятно, будет...

Ожидается также, что в нынешнем году (во второй его половине) будет внедрен в производство его аппарат... БМЧ-1.

МОИ ИМЕНА

Денчо ВЛАДИМИРОВ

Когда я родился, мне дали имя Йордан и записали его в регистрационную книгу рядом с отметкой: «пол мужской».

Увы, это было первое и до некоторого времени последнее упоминание моего настоящего имени.

Родители давали мне разные имена, которые изменялись в зависимости от того, как я рос. Сперва я был «сюсюнчик», потом «пузанчик», а потом почему-то «кукочка», что не согласовывалось с записью в регистрационной книге в разделе «пол».

Когда я подрос настолько, что можно было выпускать меня поиграть на улицу, соседские мальчики дали мне имена на свой вкус. Был я «боровчиком», «слюнтяем» и даже «крысой».

В эти годы и позже приятели называли меня как кому вздумается, в основном кличками, сильно смахивавшими на собачьи: «Джек», «Рекс», «Динго». Это приводило к недоразумениям. Звали собак, откликался я; звали меня, набегали собаки.

Пришла пора идти в армию. Там я вскоре забыл, что у меня есть имя, так как слышал только свою фамилию и моментально, согласно

уставу, изо всех сил выкрикивал: «Я!»

Демобилизовавшись, я поступил на работу, и здесь меня величали не иначе, как «человек Петрова». Звучало это в одном смысле, когда Петров был начальником управления, и совсем по-иному, когда Петров вышел на пенсию.

К тому времени моя сестра получила популярность как актриса оперетты, и меня стали называть «брат субретки».

В парикмахерской, где я стригся, меня называли «симпатягой» или «скупердяем», в зависимости от того, давал я на чай или нет.

В бане меня окликали не иначе, как: «Эй, ты, с розовым мылом!». Бывало, впрочем, и: «Эй, ты, с полосатым полотенцем!»

А однажды, случайно заглянув в учебник итальянского языка, я обнаружил, что мой сосед, который при встрече всегда говорит мне «порко», просто-напросто называет меня свиньей, а я считал, что «порко» — это приветствие древних римлян...

Случилось, что меня укусила неизвестная собака. В больнице, где я лежал на исследовании, весь медперсонал обращался ко мне не иначе, как «товарищ укушенный!»

В трамваях и автобусах ко мне обычно обращались: «Эй, вы!» Бывало, что и: «Эй, ты!» Это, если хотели, чтобы я потеснился. А если я должен был передать деньги за билет, мне говорили: «Гражданин в кепочке!» или просто: «Мужчина!»

Старухи, которые судачили на скамейке у ворот, говорили обо мне: «Этот, в шляпе» или «Этот, с авоськой».

А когда однажды я еле выскочил из-под грузовика, мчавшегося прямо на меня, я увидел торчащую из кабины самодовольную физиономию водителя, который окликнул меня:

— Эй, ты, раззява!

Вот сколько разнообразных имен было у меня!

И только в отделе записей гражданского состояния, куда я и моя невеста пришли, чтобы оформить наши отношения, я вдруг услышал:

— Гражданин Йордан Стойчев, согласны ли вы взять в жены?..

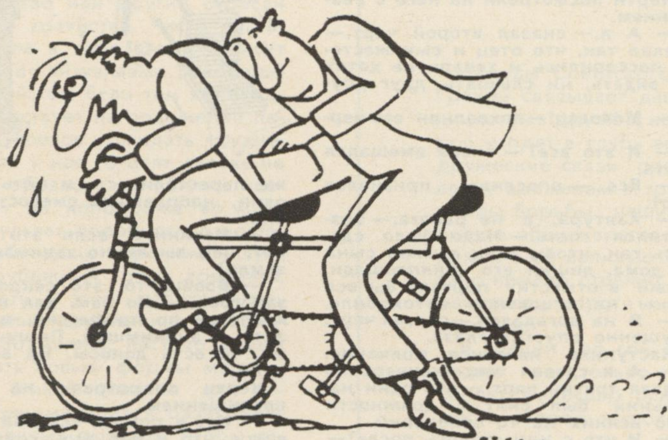
Это было мое имя! Имя, с которым я появился на свет!

Обрадованный тем, что я наконец — я, я воскликнул с энтузиазмом:

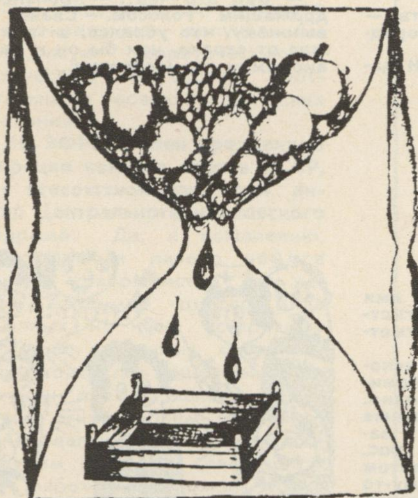
— Согласен!..

Ах, если бы я мог предвидеть, какие изысканные имена придумает для меня дорогая жена в самом ближайшем будущем...

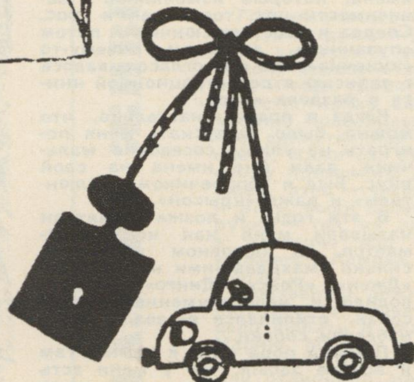
РИСУЮТ БОЛГАРСКИЕ КАРИКАТУРИСТЫ

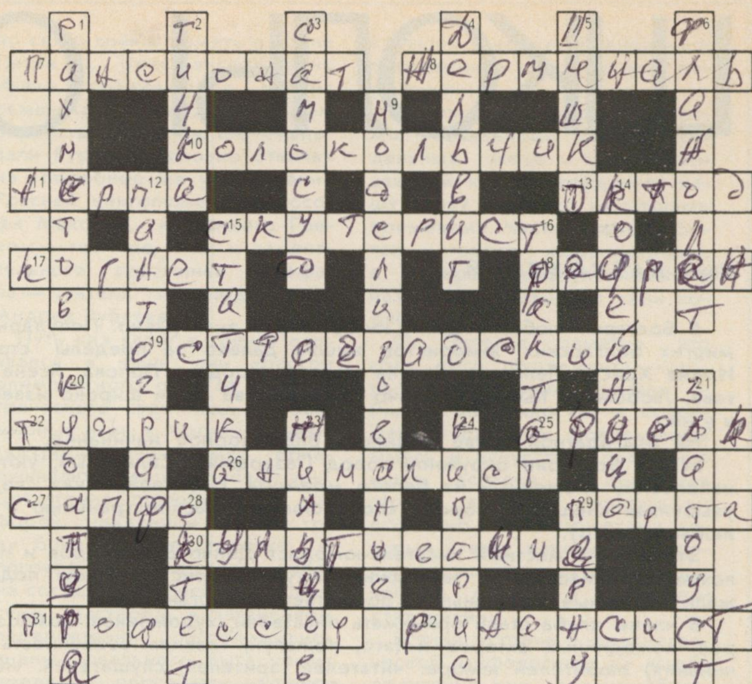
Соавторы.
Илия Колишовски.

Елена Костадинова.

Экслибрис мясника.
Марин Минин.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Дом отдыха или гостиница на курорте. 8. Роман Э. Золя. 10. Декоративное растение, цветок. 11. Животное семейства тюленей. 13. Электровакуумная лампа. 15. Гонщик на быстроходном спортивном судне. 17. Духовой музыкальный инструмент. 18. Повторяющаяся часть куплета песни. 19. Русский математик, академик XIX века. 22. Денежная единица Монгольской Народной Республики. 25. Спутник планеты Уран. 26. Художник, рисующий животных. 27. Древнегреческая поэтесса. 29. Школьная мебель. 30. Рыхление поверхностного слоя обработанной почвы. 31. Ученое звание. 32. Роман Т. Драйзера.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Один из героев романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 2. Узкая спортивная гребная шлюпка. 3. Дирижер, народный артист СССР. 4. Поэт, друг А. С. Пушкина. 5. Украинский живописец, народный художник СССР. 6. Продольная флейта высокого регистра. 9. Изготовление образца одежды. 12. Приспособление для копирования планов, чертежей. 14. Ручная мельница для размалывания зерен тропического дерева. 15. Раздел механики. 16. Научное сочинение. 20. Число единиц измерения в объеме помещения. 21. Город в Челябинской области. 23. Народный артист СССР, выступавший во МХАТе. 24. Южное хвойное дерево. 28. Ансамбль музыкантов. 29. Курорт в Эстонии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. «Прогресс». 7. Ложечник. 8. Пословица. 9. Горка. 11. Тягач. 13. Савиных. 15. Горький. 16. Аббасов. 17. Микенас. 19. Курсант. 21. Абразив. 22. Заряд. 24. Вьюга. 25. Настурция. 26. Черепица. 27. Аникушин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Графолог. 2. Крупа. 3. Герат. 4. Кирсанов. 6. «Соловей». 7. Ливенка. 10. Коррекция. 12. Ярославль. 13. Секунда. 14. Хабаров. 17. Муравьед. 18. Стретта. 19. «Казарма». 20. Трагедия. 23. Днепр. 24. Вятка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Чемпион и рекордсмен мира во втором тяжелом весе Анатолий Писаренко и его товарищи по сборной команде — Оксен Мирзоян и Юрий Саркисян. (См. в номере материал «На помосте — Писаренко!».)

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Юрий Селиверстов. **АФИНА * СИРЕНЫ * ТРОЯНСКИЙ КОНЬ * СЦИЛЛА И ХАРИБДА.** (См. в номере материал «Эхо Эллады».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 07.02.83. Подписано к печати 23.02.83. А 00628. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 338. Заказ № [redacted]49

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НАХАЛЬНЫЙ НОС И РЕАЛЬНЫЙ ПРОГНОЗ

Рисунок Бор. **ЕФИМОВА**

Николай ЭНТЕЛИС

С 1983 года в огромном регионе, в который включены 19 стран — от Кении до Афганистана,— начало функционировать так называемое «Центральное командование» США (СЕНТКОМ). Его опору составляют карательные «силы быстрого развертывания».

ОСВОИВ АГРЕССИВНЫЙ СТИЛЬ УГРОЗ,
ПОВСЮДУ ПЕНТАГОН СУЕТ СВОЙ НОС.

И ВСЁ ЖЕ ОН В РЕШЕНИИ ВОПРОСА
НЕ ВИДИТ ДАЛЬШЕ СОБСТВЕННОГО НОСА.

В ИТОГЕ — ПЕНТАГОНУ ВМЕСТЕ С БОССОМ
ПРИДЕТСЯ, КАК ВСЕГДА, ОСТАТЬСЯ
С НОСОМ!

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663